

Сергей Кремаёв

Имя России:
СТАЛИН

**ГЛАВНОЕ
ИМЯ
РОССИИ**

Сергей Кремлёв

Имя России: СТАЛИН

Москва
«ЯУЗА»
«ЭКМО»
2008

Оформление серии художника *П. Волкова***Кремлёв С.**

К 79 Имя России: Сталин. — М. : Яуза ; Эксмо, 2008. — 320 с.

ISBN 978-5-699-31565-9

Несмотря на полвека тотальной антисталинской пропаганды, которая в годы «перестройки» переросла в настоящую вакханалию лжи, несмотря на безудержную клевету, подтасовки и переписывание истории — имя Сталина по-прежнему популярно в народе, о чем неоспоримо свидетельствуют итоги интернет-проекта «Имя России». Причем на этот раз либералам не отделаться обычными отговорками, что за Сталина-де «голосуют одни пенсионеры» — в интернет-опросах участвует в основном молодежь: не прошлое, а будущее нашей страны. А значит, будущее есть и у сталинского дела.

И пусть это еще нельзя назвать полной реабилитацией — но отношение к Сталину на глазах меняется к лучшему, происходит радикальная переоценка его личности и его роли в истории. Все чаще вспоминают слова его «заклятого друга» Черчилля: «Сталин принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой».

Сам Иосиф Виссарионович предупреждал, что после смерти его память и его деяния будут оболганы и втоптаны в грязь, но в конце концов правда восторжествует. Так и случилось. И сегодня уже с полной уверенностью можно сказать: Сталин — главное имя не только XX века, но и всей тысячелетней истории нашего Отечества.

ББК 63.3(2)622

©Кремлёв С., 2008

© ООО «Издательство «Яуза», 2008

© ООО «Издательство «Эксмо», 2008

ISBN 978-5-699-31565-9

- Папа, а правда, что Сталин обедал маленькими жареными мальчиками?

- Нет, сынок, неправда! Он обедал маленькими жареными девочками...

- Ну, тогда я его не боюсь!

*Почти виртуальный разговор
отца-«демократа» XXI века
с малолетним сыном*

ПРИЧИНА, заставившая автора взяться за перо (реально, конечно, — сесть за клавиатуру компьютера), должна быть ясна из самого названия книги. Ведь сегодня уже все, пожалуй, знают, что телеканал «Россия» объявил о проекте «Имя России». Причём к проекту подключены также Институт российской истории РАН (!) и фонд «Общественное мнение». Вот в связи с этим «тройственным» проектом я, только-только закончив одну книгу о Сталине, и решил написать о нём сразу же и вторую.

Эту!

Потому что я тоже хочу участвовать в проекте канала «Россия» — как могу...

Вначале для интернет-голосования авторами проекта было предложено полсотни кандидатов. К сентябрю их должно остаться двенадцать.

А уж из этой дюжины имён к концу года гражданам России необходимо будет выбрать одно — самое недюжинное, самое выдающееся, самое прославленное имя, которое наиболее точно олицетворяет собой Россию всех времён и которым Россия может гордиться и хвалиться перед всем миром.

Проект был объявлен, и вскоре начались конфузы — первые места в рейтинге устойчиво заняли Ленин и Сталин. А потом и вообще Сталин... Скандал же в «благородном семействе» разрастался...

И разрастается.

Текущие «тоталитарные» результаты голосования обсуждает конгресс США, о них толкуют в Европе... А между тем еженедельник «Аргументы и факты» устами Вячеслава Костикова ехидно сообщает о том, что элитная-де российская общественность в шоке: что подумают о нас в Париже, Лондоне, Вашингтоне?..

И тот же Костиков заявляет, что «высочайшие рейтинги Сталина — это откровенная народная пощёчина нынешней элите, вотум недоверия её морали и дееспособности»...

Что ж — пожалуй, и не без этого, пощёчину от народа «россиянская» «элита» давно заслужила. Однако на деле всё обстоит ещё более значительным и знаковым образом, чем утверждает Костиков.

Причём, начиная с этой самой буквы «Ё», которую Костиков в своей статье в «АиФ» употребляет, как я догадываюсь, неспроста, а намеренно и демонстративно и которая с некоторых пор вообще характерна для «Аргументов и фактов».

Эту, самую молодую в русском алфавите, букву ввела в оборот Екатерина II Великая по предложению своей подруги графини Екатерины Романовны Воронцовой-Дашковой, президента Российской академии.

После Октябрьской революции звонкая буква «Ё» была незаслуженно изъята из алфавита вместе с действительно утяжеляющими письменную речь старославянской буквой «Ять», твёрдым знаком в конце слов, оканчивающихся на согласную букву, и буквой «Фита», заимствованной старославянским алфавитом, по оценке Даля, «без нужды» из греческого унциала для передачи греческого же межзубного звука («тэта»).

И лишь в декабре 1942 года Сталин, просматривая материалы, подготовленные для публикации в

«Правде», проставил в них точки над всеми буквами «ё», и на следующий день, 7 декабря 1942 года, передовица «Правды» вышла с дважды екатерининской буквой «ё» в заголовке и в тексте.

В тот день, как и каждый день, начиная с 19 ноября 1942 года, над русской зимней степью под Сталинградом ревели реактивные снаряды русских гвардейских миномётов со знаменитым названием «Катюша». Так — на первый взгляд причудливо, а в действительности — глубоко закономерно, в маленькой, но вовсе не мелкой детали жизни России Сталина переплелись тогда богатство русской речи, судьбы двух выдающихся русских Екатерин, имя русского грозного оружия и ИМЯ РОССИИ — СТАЛИН...

Ныне имя Сталина в России, без Сталина и Ленина сегодня просто не существовавшей бы, врагами России оклеветано. И оклеветано так, что становится почти возможным тот почти виртуальный диалог «крохи»-сына с политически придурковатым отцом, с которого я начал свою книгу.

НО ЭТО предвидел сам Сталин, когда в разговоре с Александрой Михайловной Коллонтай — тогдашним послом СССР в Швеции и старым своим товарищем по партии он сказал осенью 1939 года: «Многие дела нашей партии и народа будут извращены и оплёваны прежде всего за рубежом, да и в нашей стране тоже... И моё имя тоже будет оболгано, оклеветано. Мне припишут множество злодеяний...»

Между прочим, как вспоминала Александра Михайловна, Сталин тогда, размышляя о роли личности в истории, выстроил собственный рейтинг славных имён России. Начал он с киевских князей, затем

перечислил Александра Невского, Дмитрия Донского, Ивана Калиту, Ивана Грозного, Петра Первого, Александра Суворова, Михаила Кутузова, а закончил — как нетрудно догадаться — Лениным.

Что ж, объективному и знающему всю историю своей Родины гражданину России, выбирая *имя России*, непросто выбрать между Лениным и Сталиным.

Я приведу сейчас цитату, выделив её отдельно, а потенциальные участники интернет-голосования в проекте «Имя России» пусть попробуют отгадать, кто и когда это сказал.

Итак:

«... "По-видимому «союзники» собираются превратить Россию в британскую колонию", — писал Троцкий в одной из своих прокламаций в Красной Армии. И разве на этот раз он не был прав? Инспирируемое сэром Генрихом Детердингом (международный «нефтяной» король, лишившийся в Баку немало количества нефтяных скважин. — С. К) *ИЛИ* же следуя просто старой программе Дизраэли-Биконсфильда (британский лорд из евреев, самый деятельный ненавистник России во второй половине XIX века. — С. К.), британское министерство иностранных дел обнаружило дерзкое намерение нанести России смертельный удар... Вершители европейских судеб... надеялись одним ударом убить... возможность возрождения сильной России... С... другой стороны - на страже русских интересов стоял не кто иной, как... Ленин, который в своих постоянных выступлениях не щадил сил, чтобы протестовать против раздела бывшей Российской империи».

Ну, кто оценил большевика Ленина так высоко?
И когда?

Верный ответ: великий князь Александр Михайлович написал это в эпилоге своей «Книги воспоминаний» в Париже в 1933 году, незадолго до своей кончины.

И дядя императора — того самого Николая II, которого так усиленно «надувают», для увеличения его исторически микроскопического размера, организаторы интернет-проекта «Имя России», — знал, что писал. Его племянничек к 1917 году довёл Россию до положения если не колонии, то будущей полуколонии Запада уже потому, что, вляпав Россию в абсолютно ненужную ей войну с немцами, он довёл внешний долг России, и до этого более чем немалый, до умопомрачительных размеров. Только краткосрочных обязательств у международных банкиров типа Ротшильда Николай набрал на сумму, равную трём довоенным годовым государственным бюджетам России.

То есть к 1917 году Николай II, которого так усиленно «надувают» организаторы интернет-проекта «Имя России» и о котором я ещё скажу, запродавал Россию Западу три раза!

Хорош «великий россиянин», нечего сказать!

И Запад прекрасно знал, чем станет для него Россия Николая ли Второго, Михаила ли Первого или Россия профессоров Милюковых и заводчиков Рябушинских. «То, что мы наблюдаем в России, является началом великой борьбы за её неизмеримые ресурсы сырья», — сообщал в мае 1918 года журнал англо-русских финансовых кругов «Россия».

А вот оценка «London financial news» в ноябре 1918 года:

«События всё более принимают характер, свидетельствующий о тенденции к установлению над Россией международного протектората по образу и подобию британского плана для Египта. Такой поворот событий сразу превратил бы русские ценные бумаги в сливки международного рынка».

О том же 4 января 1920 года знаменитый кадет профессор П.Н. Милюков писал из Лондона на «белый» Дон графине Паниной:

«Теперь выдвигается (на Западе. — С. К.) в более грубой и откровенной форме идея эксплуатации России как *колонии* (выделение Милюкова. — С. К.) ради её богатств и необходимости для Европы сырых материалов...».

Это ничего не напоминает уважаемому читателю?

Подобных откровений того и более позднего времени можно было бы набрать на целую книгу, но и этих, пожалуй, хватит! Стоит ли разбавлять крепкий спирт исторической правды водопадом даже самых убийственных цитат?

В начале XX века «сливки надежд» Запада на разграбление России скисли — благодаря Ленину. И уже этим Владимир Ильич вошёл в число самых выдающихся русских людей за всю тысячелетнюю историю России. Но он ведь ещё и дал Ивану да Марье шанс избежать судьбы Ванек и Манек, живших в России испокон веку и испокон веку её не знавших, а значит, и не ценивших. Великий русский патриот, он сказал:

«...Учиться работать — эту задачу Советская власть должна поставить перед наро-

дом во всем её объеме. У нас есть материал и в природных богатствах, и в запасе человеческих сил, и в прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция, — чтобы создать действительно могучую и обильную Русь.

Русь станет таковой, если отбросит прочь всякое уныние и всякую фразу, если, стиснув зубы, соберёт все свои силы, если напряжёт каждый нерв, натянет каждый мускул... Идти вперёд, собирать камень за камушком прочный фундамент социалистического общества, работать не покладая рук над созданием дисциплины и самодисциплины, организованности, порядка, деловитости, стройного сотрудничества всенародных сил — таков путь к созданию мощи... Нам истерические порывы не нужны. Нам нужна мерная поступь железных батальонов пролетариата».

Да, Ленин дал великому народу великий социальный шанс.

Но реализовал его Сталин.

Сам Ленин однажды высказался в том смысле, что политического деятеля надо судить не по тому, что он мог бы дать, а по тому новому, что он дал реально. Так вот, Ленин дал России много и мог дать неизмеримо больше. Но он погиб в 1924 году, и не выполненную им работу по преобразованию России выполнил Сталин.

И она оказалась огромной даже по сравнению с той работой, которую Ленин выполнить успел.

А протаскиваемый ныне в «национальные герои» царь Николай Второй?

Что ж, в день Ходынской катастрофы, когда по больницам Москвы стонали тысячи людей, а в московских моргах лежали тысячи трупов, Николай отправился на коронационный бал в чужеземное посольство, за что и получил сразу прозвище «Николай Кровавый».

А в день 9 января 1905 года Николай Кровавый устроил русскому народу Кровавое воскресенье, и пусть нынешние «россиянские» историки не сваливают вину на его генералов. «Приход» всегда и везде таков, каков у него «поп»...

Ленин же в 1918 году «за други своя», за рабочих русских людей, пролил кровь, раненный отравленными пулями Фанни Каплан.

Николая Второго прозвали ещё и «Царскосельским сусликом», потому что на протяжении всей своей императорской «карьеры» он прятался за оградой штыков в Царскосельском дворце.

А Ленин бесстрашно шёл к народу со словами правды и ранен был тогда, когда говорил с народом, не боясь его и презирая угрозы врагов народа.

«Царскосельский суслик» не верил в творческие силы собственного народа. И этому коронованному «суслику» в свою очередь отказывали в праве на доверие все честные и развитые русские люди даже из «верхов» царского общества. Скажем, Владимир Ефимович Грум-Гржимайло — крупнейший учёный-металлург России.

Родился он в 1864 году, умер в 1928-м... А в 1924 году отправил за границу частное письмо...

Как же видел жизнь своей Родины человек, проживший пятьдесят три года своей жизни в благополучии при царях и семь — в тяжёлых испытаниях при Советской власти? А вот как:

«Позвольте познакомить вас с тем, что такое русский народ и Россия сейчас... Главы

революции... медленно, но неуклонно жмут и жмут публику, заставляя лодырей работать. Трудна их задача, так трудна, что надо удивляться их терпению и выдержке. Процесс длительный, мучительный, но необходимый. От благополучного его разрешения зависит, останется ли Россия самодержавным государством или сделается, к восторгу наших «друзей», колонией и цветной расой, навозом для процветания культурных народов.

Я потерял во время революции буквально всё, что имел. В войсках Колчака я потерял сына и племянника. Тем не менее я ни на минуту не сомневаюсь, что победа красных и провал Колчака, Деникина, Юденича, Врангеля и проч., и проч. есть благо. Больна была вся нация, от подёнщика до министра, от нищего до миллионера — и, пожалуй, интеллигенция была в большей мере заражена, чем простой народ. Она была распространительницей этой заразы лени и лодыричества...

Я считаю современный строй исторически необходимым для России. Империя Романовых воспитала в русском народе болезнь, которая кончилась взрывом — революцией. Современное правительство медленно, но неуклонно ведёт русский народ к выздоровлению. Лечение всегда мучительно, лекарство всегда горько, но надо его принимать и делать то, что приказывает доктор.

Я всегда боялся, боюсь и сейчас, что иностранное вмешательство помешает русскому народу исцелиться от той болезни, которую заболел русский народ под глупым

управлением последних Романовых. Как ни горько нам приходится, я вполне уверен в том, что переживаемые нами бедствия сделают нас великим и смелым, культурным народом-тружеником».

Интересно, как оценил бы Владимир Ефимович, один из выдающихся — на все времена — русских людей, состояние мозгов тех его потомков, которые в начале XXI века призывают голосовать или голосуют за «последнего Романова»?

Сам Владимир Ефимович не сомневался, как видим, в величии исторической миссии Ленина и его соратников даже тогда, когда эта миссия лишь началась. Но великий Ленин, повторяю, лишь дал России шанс на обновление. А создал новую Россию всё же великий ученик Ленина — Сталин.

Поэтому я уверен: если бы металлург Грум-Гржимайло был перенесён некой машиной времени в наши дни и узнал, как поднял Россию под руководством Сталина великий и смелый, культурный советский народ-труженик, то он бы без колебаний отдал свой интернет-голос за самого выдающегося сына России — Иосифа Сталина. И вряд ли даже такой своеобразный наш современник, как Александр Минкин, из такого своеобразного издания, как московская газета «МК», смог бы по этому поводу что-то злобно съязвить.

О, МИНКИНЫ, о нравы! Понять ход мысли минкиных вряд ли возможно хотя бы потому, что он явно шизофреничен. Ну, в самом-то деле — просто-таки патологически ненавидя свою Родину и её **советскую** историю, быть то ли «золотым пером», то ли — «пером золотарским» в издании с названием

«Московский *комсомолец*»! Ненавидеть комсомол и своё комсомольское прошлое — и постоянно печататься в газете с таким названием? Этого же никакая психика не выдержит! Волей-неволей, а чем-нибудь *эдаким* да заболеешь...

И вот, пытаясь заразить своей больной ненавистью всю нацию, от подёнщика до министра, от нищего до миллионера, «интеллигент» Минкин пишет о Сталине как о «недоучке», о «смолоду бандите», о «палаче», который якобы привёл к власти Гитлера и «уничтожил сельское хозяйство России»...

Николай Кротовый, между прочим, Минкину тоже не по нраву, и он — ценное признание — пишет, что «последний Романов был заурядный, слабовольный, недалекий (так в тексте «МК», не через «ё». — С. К.) господин» и «вообще ничего не сделал для России».

Тут уж спорить не с чем...

Зато Александр Минкин не прочь поставить на первое место в русской истории Александра Пушкина или Владимира Высоцкого, вопрошая: «А почему не эти Личности — первые?»

Мол, оба «гениально выразили характер и дух русского человека».

Что тут сказать? Судя по всему, у Минкина — надо же, тёзки светлого русского гения Александра Пушкина — не всё в порядке не только со знанием истории (даже самые злобные ненавистники Сталина не рискнули бы приписывать Сталину привод к власти Гитлера), но и с чувством юмора...

Зато с этим чувством всё и всегда было в порядке у самого Александра Сергеевича. И он — особенно если бы познакомился с «гениальным» творчеством действительно нередко талантливого Владимира Высоцкого, не оскорбился бы сравнением себя

с хрипловатым певцом, а всего лишь искренне — *по-пушкински* рассмеялся бы...

Причём он посмеялся бы над напыщенной глупостью Минкина не только по поводу сравнения себя с Высоцким, но и из-за минкинской попытки подольститься к памяти Пушкина, поставив его на первое место в пантеоне русской истории... Пушкин был не только (да и не столько) поэтом, а ещё и мыслителем, философом, и он прекрасно сознавал свой исторический масштаб. Скажем, он был лишь певцом Полтавы, а Пётр — её творцом! Это Пётр говорил под Полтавой своим усачам: «Не за Петра, а за Отечество, Петру вручённое...»

Такого национального лидера Пушкин мог лишь воспеть. Но пытаться равняться с ним — увольте! В отличие от Александра Минкина, Александр Пушкин понимал суть исторических процессов.

Увы, Минкин не знает не только собственной истории и не разбирается не только в российской словесности, но ещё и слаб в знании нормативных для любого квалифицированного журналиста трудов современных европейских исследователей. Скажем, Минкин заявляет: «Самый известный немец на планете — Гитлер (уже с этим можно поспорить, потому что у лютеран в мире скорее популярно имя Лютера. — С. К.). Но у немцев сегодня ни в коем случае он не получил бы первое место. Его даже в список не включили бы. Для немцев отвратительна сама мысль, что у их страны может быть такое имя...»

Минкин здесь намекает, что и для него, мол, отвратительна сама мысль, что символом России может быть имя Сталина. В опровержение этого удивительного по злобе и несправедливости «намёка» по части Сталина я мог бы привести множество мнений даже не соотечественников Сталина, а иностранцев самых разных политических взглядов...

Однако и по части оценок в Германии Гитлера — даже вполне респектабельными немцами — Минкин нахально невежественен. Возьмём, например, Иоахима Феста.

В 1973 году он, редактор одной из авторитетнейших германских газет «Франкфуртер альгемайне цайтунг», лауреат многих премий за деятельность в области науки и культуры, в том числе — премии имени Томаса Манна, опубликовал тысячестраничную биографию Гитлера, быстро переведённую на 15 языков и изданную в разных странах миллионными тиражами.

И в своем «Предваряющем размышлении» к биографии Гитлера этот буржуазный либерал и интеллектual написал вот что:

«...Если бы в конце 1938 года Гитлер оказался жертвой покушения, то лишь немногие усомнились бы в том, что его следует называть одним из величайших государственных деятелей среди немцев, может быть даже завершителем их истории. Его агрессивные речи... и его планы мирового господства канули бы, вероятно, в забвение как творение фантазии его ранних лет и лишь от случая к случаю вспоминались бы, к негодованию нации, её критиками».

Здесь налицо сожаление Феста о том, что Гитлер не ограничился возвратом в рейх Саара, Рейнской области, аншлюсом Австрии и включением в состав Германии этнически немецких Судет, а сломал себе голову на той самой России Сталина, глава которой — в шизофренической интерпретации мировой истории А. Минкиным — якобы привёл фюрера к власти...

ЛЮБАЯ попытка как-то сопоставить Сталина и Гитлера, уравнивая их, — не только безнравственна, но и антиисторична. Они несопоставимы даже психологически! Сталин уже с молодости жил такой жизнью, которая закалила его нравственно раз и навсегда. Гитлер же формировался в среде даже не богемы, а полулюмпенов. В результате Гитлер оказался человеком стойкой внутренней идеи, но — без прочного нравственного стержня.

Сталин был могучим утёсом, о который разбивались любые бури. Гитлер же — бурной рекой, течение которой определяет не столько она сама, сколько обстоятельства.

Вот почему Сталина Золотой Запад всегда ненавидел и ненавидит.

Гитлера же этот Запад Золотой Элиты лишь недолюбливает, да и то в основном за то, что фюрер не смог одолеть Россию Сталина.

Вот и подтверждение сказанному...

В 1997 году «Нью-Йорк таймс» составила рейтинг ста наиболее выдающихся военных лидеров всех эпох. Не упомню сейчас, кто там оказался первым — то ли фельдмаршал Монтгомери, то ли генерал Макартур, но Адольф Гитлер шёл в рейтинге «Нью-Йорк таймс» номером 14-м.

Во втором десятке присутствовал Пётр Великий. Где-то в задах — Иван Конев и Георгий Жуков.

А вот для того, кто *пять лет управлял величайшей в мире войной*, кто разгромил Гитлера и руководил Коневым и Жуковым, места в этом «рейтинге» не нашлось вовсе.

Почему?

Да как раз потому, что убеждённый, выдающийся большевик Сталин и есть военный лидер всех времён и народов номер один!

Никому другому в истории мира и близко не доводилось организовывать гигантские военные усилия громадной державы и её войск, взаимодействовать с союзниками, принимать стратегические решения в условиях постоянного дефицита времени, в быстро меняющейся обстановке и одновременно не упускать из рук политическое и хозяйственное руководство великой страной.

И при этом думать не только о её будущем, но даже не забыть о возврате в русскую литературу звонкой и одновременно очаровательно женственной буквы «Ё»...

Даже у Ленина, повторяю, были задачи скромнее! Не говоря уже о, например, Наполеоне...

Однако в рейтинг попал не только Наполеон, но даже его маршал Мармон. Хотя Мармон в масштабах современной войны болтался бы где-то между уровнями командира корпуса и командующего армией. А у Сталина одних фронтов было более десятка, а число армий переваливало за полсотни!

Только один человек — его оппонент Гитлер — вынужден был решать задачи равного масштаба и характера, но он их, в конечном счете, не решил. А Сталин — решил!

Александр Минкин сообщает, что в английском опросе, подобном затеянному телеканалом «Россия», а точнее — ставшему для телеканала «Россия» прототипом, первое место занял Черчилль, и заявляет, что это — «очень понятное решение».

Вообще-то для знающего новейшую мировую историю это решение не так уж и очевидно. Черчилль был одним из тех, кто сознательно, в интересах США, втянул Англию вначале в Первую мировую войну, в результате которой Англия из мирового кредитора превратилась в должника Америки, а затем — и во Вторую мировую войну, в результате ко-

торой рухнула Британская империя, а сам британский лев оказался на положении дворняжки на заднем дворе у Вашингтона.

Но чёрт с ним — с сэром Уинстоном! Он даже во время войны, будучи премьер-министром, до полудня не вылезал из постели — пил чай, читал письма, принимал клерков и министров. Даже не в халате «рулил» воюющей Англией, а в ночной рубашке, из постели!

Да если бы на него в одночасье свалилась хотя бы десятая часть военных проблем Сталина, то «англичанин № 1» в этой самой «руководящей» постели тут же, пардон, и описался бы!

А Сталин? Сегодня его облик фальсифицирован донельзя! Вот, например, книга двух не только генетических, но и «духовных» — если здесь можно говорить о духовности — близнецов Жореса и Роя Медведевых «Неизвестный Сталин». Издана без указания тиража в 2001 году неким издательством «Права человека»... Два её автора, два шустрых брата-«историка», издавна играют в объективность, и в своей книге они даже признают, что Сталин был «несомненным патриотом исторической российской государственности», что он имел «огромную волю, большое трудолюбие и немалый (н-да! — С. К.) интеллект»...

Однако это — фарисейские «хвалы». Братья Медведевы — занятная, к слову, в истории России фамилия — уже в предисловии определяют Сталина как «вождя, диктатора и тирана». Что ж, вождём Сталин действительно был, зато в его натуре не было черт ни диктатора, ни, уж тем более, — тирана. Хотя вообще-то *реальный* Сталин поднялся выше любых привычных оценок в большей мере, чем кто-либо другой.

Сталин, безусловно, отвечал всем требованиям политического гения — начиная с незаурядной памяти и способности быстро и точно входить в новые для него вопросы. Однако он был не просто великим политиком, а социальным реформатором. А от социального реформатора не требуется ярко выраженной гениальности сродни бетховенской или ньютоновской. Он должен быть своего рода «многоборцем», и тут Сталин оказался силён так, как никто до него!

Правда, и соревноваться в этой категории ему было почти не с кем, потому что выдающиеся реформаторы, движимые исключительно интересами трудящегося большинства человечества, почти неизвестны истории. Маркс, Энгельс, Ленин, ну, может быть, — Махатма Ганди...

И Сталин.

Интересна его характеристика, оставленная нам Александрой Львовной Толстой. Дочь «зеркала русской революции» уехала из Советской России в 1929 году. По бумагам — в Японию, временно, с циклом лекций. По душевным же склонностям — навсегда, прихватив с собой (тоже «временно») коллекционную гитару работы Краснощёкова 1828 года.

Толстая отнеслась к Советской России злобно. В этом смысле можно говорить об Александре Толстой как о «зеркале русской интеллигенции». Стоя посреди своей Ясной Поляны, она за поваленными старыми «деревьями» не увидела и тупо не хотела видеть молодого подростка нового советского «леса». Она была более лояльна даже к царизму, когда — как она заявила в книге воспоминаний — книги её отца издавались для простого народа якобы в миллионах экземпляров.

И как раз в силу антисоветизма Толстой то, что она написала о своей единственной встрече со Сталиным, ценно психологической подлинностью:

«По внешности Сталин мне напомнил унтера из бывших гвардейцев или жандармского офицера. Густые, как носили только такого типа военные, усы, правильные черты лица, узкий лоб, упрямый, энергичный подбородок, могучее сложение и совершенно не большевистская любезность. Когда я уходила, он опять встал и проводил меня до двери».

И я вот думаю: «А как бы голосовала в проекте телеканала «Россия» она — после всего, что произошло в России и с Россией с момента её «временного» из России отъезда?»

НЕЛИШНИМ было бы, пожалуй, вообще задуматься: «А что, если бы после знакомства с историей России за последние, скажем, триста лет, в голосовании в рамках проекта телеканала «Россия» приняли участие все поколения русского и всех других народов, связанных с Россией общей исторической судьбой? Каким был бы итог *такого* голосования?»

Что ж, чтобы ответить на этот вопрос, надо сказать хотя бы немного о самом русском народе...

Русский народ — великий народ, и лишний раз мы доказали это тем, что, не ведя крупных завоевательных походов, почти мирно распространились от Заполярья до Памира, от Карпат, от Балтийского и Чёрного морей до Восточной Сибири и Дальнего Востока, и даже имели свою — Русскую! — Америку. Причём русские не просто распространились, а су-

мели отразить все внешние нашествия, да так, что с ходом веков Россия лишь усиливалась.

Но все выдающиеся события, все периоды в нашей истории показывают и доказывают, что для России особенно значимо то, что представляет собой её верховная власть и чем эта власть руководствуется.

Если во главе России стоят умные патриоты, она обретает силу и перспективу.

Если у власти оказываются бездари и «Иваны, не помнящие родства», страна слабеет и дряхлеет.

Увы, в России чаще случалось второе. И очень часто её верховная власть была недостойна того народа, который был ей подвластен. Но даже в такие периоды разброда и шатаний Россия была сильна инициативой и жизненными силами наиболее славной части её народной массы.

Англичане говорят, что есть как бы два английских народа, отличающихся один от другого даже внешне, — приземистое, несдержанное простонародье и стройная, сухощавая аристократия.

Так вот, и в русском народе — но во всём народе, как в самой толще его народной массы, так и в верхних его слоях, есть два принципиально отличающихся один от другого народа — народ Ивана да Марьи и народишко Ванек и Манек.

Причём подчёркиваю: Ванек и Манек всегда хватало и в самых «верхах» российского общества. Более того, в этих кругах они всегда преобладали.

Первый народ бил чужеземцев, второй народишко лизал им пятки.

Первый создавал певучие, берущие за душу песни, второй — похабные частушки.

Первый в тяжёлую годину хмурил лоб, подтягивал пояс и засучивал рукава, второй — юродствовал.

Второй жил абы как, не очень интересуясь даже тем, что там есть за дальним лесом. Второй норовил отлежаться на печи, а первый...

А первый шёл за тридевять земель — не завоёвывая их, а органически вбирая их в круг русского дела.

Это было именно движение нации... Запад посылал в заморские владения вначале хищных авантюристов, затем — миссионеров, а затем уж — администраторов, колонистов.

А русский Иван, сын Ивана да Марьи, шёл в новые земли Западной, Средней, Восточной Сибири сразу как выразитель общей русской воли — в силу широты характера. И даже если он шёл вроде бы за ясаком и «мягкой рухлядью», то — в итоге — он шёл за судьбой Русской земли.

Это и по сей день поняли не все и издавна понимали не все. Скажем, очень неглупый русский человек, Николай Александрович Бердяев, писал в своё время:

«Размеры русского государства ставили русскому народу почти непосильные задачи... И это наложило безрадостную печать на жизнь русского человека... Нет у русских людей творческой игры сил. Русская душа подавлена необъятными русскими полями... Необъятные пространства России тяжёлым гнётом легли на душу русского народа... Огромность русских пространств не способствовала выработке в русском человеке самодисциплины и самодеятельности... Русская душа ушиблена ширию...»

Вот так! Кто-то смотрел на мир из петровского «окна в Европу» и видел из него будущую могучую Россию. А кто-то, как видим, поглядывал на Россию из «окошка» своих интеллигентских раздумий и не

понимал, что сама огромность русских пространств стала итогом активной самодеятельности лучшей части русского народа, результатом его спокойного движения в мир!

Сказали бы Ярославу Мудрому, Святому Владимиру, Илье Муромцу с Добрыней Никитичем и Алёшей Поповичем, Александру Невскому с Димитрием Донским, Ивану IV Грозному с Ермаком Тимофеевичем, Афанасию Никитину, Семёну Дежнёву, Ерофею Хабарову, Харитону Лаптеву, «бомбардиру» Петру Великому, Михайле Ломоносову, Александру Суворову, Ивану Крузенштерну с Юрием Лисянским, Фердинанду Врангелю, Николаю Муравьёву-Амурскому, Геннадию Невельскому, Дмитрию Менделееву и миллионам Иван да Марий, что русская душа ушиблена (!) ширию...

Думаю, что они вначале бы просто не поняли, что это говорится об их душах, а когда поняли бы, то спросили бы — возможно, с гневом, а возможно — и со смехом: «А тебя, мил-человек, самого в детстве мамка случайно не ушибла?»

И если уж чем до кровавых синяков и ушибали русскую душу — так это идиотизмом правителей, абсолютно недостойных этой русской души.

Как вот в наши дни.

Тысячу лет назад Россию в тёмной и бедной тогда Европе называли Гардарик — страна городов. И было их на Руси больше четырёх сотен! Городов богатых, весёлых и праздничных, с людьми работающими и умелыми.

Говорят, что наши предки не смогли управлять и призвали на царство заезжих варягов... Это — ложь! Да, варяг Рюрик пришёл к нам из полуголодной Скандинавии на богатые русские меды и хлеба, но пришёл *наниматься* на службу, как нанимались

несколько столетий спустя в Италии полководцы-кондотьеры... И, надо сказать, Рюрик и его потомки честно отработывали свой хлеб, служа новой Родине не за страх, а за совесть...

И Рюрикович, русский великий князь Ярослав Мудрый, выдавал дочерей за европейских королей: Анну — за французского Генриха, Елизавету — за норвежского и шведского Гаральда, Настасью — за венгерского Андрея. И те за честь считали русских княжон взять за себя.

Прошло шестьсот лет, великий русский царь Пётр оказался во Франции. И там ему показали Реймский собор, где короновались французские монархи, и святые реликвии, используемые при коронации. Была среди них и старинная священная книга, написанная на неизвестном языке, на которой исстари присягали французские королевы.

Пётр книгу взял и начал... свободно читать старорусскую «Псалтирь», которую французская королева Анна Ярославна привезла с собой во Францию, где правил её *неграмотный* муж из русского стольного города Киева...

Ярослав Мудрый, к слову, в те же поры основал в земле эстов русский город Юрьев — нынешний университетский город «суверенной» Эстонии Тарту.

БЫЛИ, однако, на Руси вожди и глупые, жадные, охочие до междоусобиц и ссор. В 1097 году на съезде в Любече внуки Ярослава Мудрого разделили между собой Киевскую Русь на отдельные вотчины. Как видим, у горбачёвых, ельциных и последующих ельциноидов «идейные» предшественники отыскиваются в весьма далёком прошлом — на 1997 год пришёлся уже 900-летний юбилей древней «Белой Вежи».

А вскоре Русская земля попала на триста лет под татаро-монгольский сапог. История, которую не мешало бы помнить и нам.

Но и в то время, если становился над русскими людьми настоящий вождь, дела шли неплохо. И на льду Чудского озера под русским мечом русского князя Александра Невского шли на дно европейские псы-рыцари.

Пришло время, благословлённый святым Сергием Радонежским, под знаменем Димитрия Донского, русский народ на поле Куликовом начал ломать Мамаеву рать и постылое иго.

С Ивана Калиты, с Ивана III началось не просто расширение Российского государства до его естественных границ, но расширение, сознательно инициируемое на высшем государственном уровне, то есть — инициируемое и поощряемое главой государства.

Самодержцем же, «царём всея Руси» впервые назвался Иван Грозный в 1547 году... Как подлинный русский патриот, он был оболган и при жизни, и за гробом. Но когда в конце жизни по его приказу дьяки составили мартиролог всех, по приказу Ивана же убиенных, — чтобы отмолить грехи царя, то в итоговом списке не набралось и пяти тысяч человек. А ведь в пору правления Грозного одна Варфоломеевская ночь 1572 года в одном лишь Париже стоила французам десятков тысяч жизней.

Расширился при Грозном русский удел, собирались русские земли под руку Москвы. Но вновь пошла у нас Смута и боярские раздоры.

И опять зашаталась Русская земля. В 1610 году в Московский Кремль вошёл на постой польский гарнизон: не одни Иваны Сусанины были у нас в предках, были и предатели.

История, которую не мешало бы помнить и нам.

Однако не предателями своими сильны народы, а героями. Козьма Минин поднял Нижний Новгород, а там поднялась вся Россия. И заоке..., пардон, — польские ставленники вылетели из Кремля вслед за своими хозяевами.

Не прошло ста лет, и в 1709 году петровские орлы вместе с первым воителем новой России — великим Петром разбили под Полтавой шведского короля Карла XII.

И случилась с Петром ещё одна занятная история: взял он в трофей шпагу Карла, которую подарил шведу король польский Август. А Август получил её тоже в подарок, и тоже — от своего союзника, царя... Петра.

Предатель Август за несколько лет до Полтавы заключил за нашей спиной в Альтранштадте тайный союз с Карлом, а в знак своей «преданности» (или предательства?) отдал Карлу дарёную петровскую шпагу. Вскоре после Полтавы Пётр и Август встретились вновь, и русский царь, простив неверного короля польского, как бы невзначай осведомился: а где, мол, мой подарок? И преподнёс заюлившему было Августу «новую» шпагу, взятую с боя у шведов.

Вот такая бывала у нас, русских, история - ***при таких-то вождях!***

Русское железо уральских заводов с сибирским собольком на клейме ценилось по Европе выше шведского.

Русский флотоводец Фёдор Ушаков применял такие тактические построения, что и адмиралу Нельсону не снились.

Русские солдаты били Фридриха Великого и входили в Берлин.

Наш Суворов побеждал того самого Моро, которому завидовал сам Наполеон.

Французские путешественники удивлялись численности русских крестьян...

Удивлялись, конечно, и другому.

Во время Первой мировой войны представители французской артиллерии, металлургической и химической промышленности говорили: «Мы удивляемся, что вы обращаетесь к нам за содействием. Одни ваши петроградские заводы по своей мощности намного превосходят весь парижский район. Если бы вы приняли хоть какие-нибудь меры по использованию ваших промышленных ресурсов, вы бы нас оставили далеко позади себя».

Об этом написал бывший русский военный агент во Франции, бывший камер-паж последней российской императрицы, граф Игнатьев, генерал-лейтенант Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Писал он и такое:

«Россия издавна дорого платила за свою техническую отсталость, представляя лакомый кусочек для иностранной промышленности: без затраты капиталов, одной продажи патентов на новейшие методы производства и технические чертежи, что и носило громкое название «техническая помощь», можно было снимать любые барыши с русских заводов... «Техническая помощь» являлась одним из самых надежных средств для обращения России в колонию...»

Слова, которые не мешало бы знать и помнить нам и сегодня.

СТАЛИН прекрасно знал русскую историю и, когда однажды сказал, что царскую Россию то и дело били, не имел в виду унижить русских, а всего лишь напоми-

нал командирам Красной Армии и всей стране, что старая Россия раз за разом дорого платила за свою техническую отсталость, за неумение мобилизовать свои ресурсы, за неверие власти в силы народа.

Сталин прекрасно знал и народ — он сам вышел из него и уже в молодости начал руководить борьбой масс, а три последних года перед революцией провёл в глухих сибирских «станках», где, при всей немногочисленности жителей, пищи для наблюдений над народным характером, в его как привлекательных, так и отвратительных чертах, хватало.

Я ещё скажу об этих годах и о молодом Сталине, но, чтобы закончить с темой старой, доленинской и досталинской России, забежим далеко вперёд...

9 мая 1945 года закончилась Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков. И можно было сравнить ход и итоги двух мировых войн, которые выпали на долю России.

Первая мировая война... Во главе России — один из претендентов на первое место в рейтинге телеканала «Россия» император Николай Второй.

Я уже не говорю о том, что этот «россиянин» поддался на все провокации антирусских: сил и позволил сравнить Россию с Германией — единственным естественным партнёром России на арене мировой политики и экономики. Так или иначе — война началась. И началась для России вроде бы успешно — армия Самсонова сильно потрепала «немца» в Восточной Пруссии.

Высшее руководство страны, включая императора, психологического шока от начала войны не испытало, потому что ничего неожиданного в происходящем не было — Россия даже первой объявила мобилизацию!

Промышленность начавшей войну России имела все возможности работать без перебоев в полную силу — за всю войну ни одна германская или австро-венгерская бомба или снаряд не упали ни на один из стратегически важных промышленных или военных объектов России. И все они всю войну сохранялись в неприкосновенности. Полностью — всю войну — сохраняется (за малыми потерями в Польше) — вообще весь экономический потенциал России.

Причём с самого начала войны немцы вынуждены воевать на два фронта, ибо с самого начала войны у *той* России были могучие союзники.

А потом...

А потом, когда война получила дальнейшее развитие, Россия так и топталась на своих рубежах, постепенно сдавая свою пусть и окраинную, но всё же свою территорию: Варшаву, Ригу...

При этом Россия всё более разваливалась, всё более влезала во внешние долги. И ей всё более не хватало ресурсов.

А главное, не хватало того морального духа, который, по точной оценке Наполеона, соотносится с материальным фактором как три к одному. Показательно то, что за годы *той* войны не было создано ни одного значительного произведения искусства — одни «Ананасы в шампанском, ананасы в шампанском...».

И в итоге войны царская Россия Николая Второго рухнула — позорно и бесславно!

Посмотрим теперь на Россию Советскую, на СССР Сталина... По уверениям вечно чем-то недовольных «россиянских» «интеллигентов», это была не страна, а мрачный концентрационный лагерь, «комендантом» которого был «палач» Сталин.

И вот коварный и сильный враг наносит по этому «колоссу на глиняных ногах» мощный, по территориальному и материальному размаху ранее в истории небывалый, военный удар.

Фронт разваливается, в плен сдаются целые соединения. Враг быстро занимает миллионы квадратных километров территории страны. Многие представители власти позорно бегут на восток, бросив всё на произвол судьбы. В некоторых местах немцев встречают хлебом-солью...

«Тиран» Сталин и его «сатрапы» — на грани краха. Управление потеряно. Помощь извне мала, деятельных союзников нет, второго фронта нет. Значительная часть страны оккупирована, часть — под бомбежками...

Бомбят даже столицу, а вторая столица попадает в блокаду.

Тысячи важнейших промышленных предприятий или потеряны из-за оккупации, или разрушены, или эвакуируются на восток. Добыча угля упала со 165,9 миллиона тонн в 1941 году до 75,5 миллиона тонн в 1942 году. Выплавка стали упала с почти 15 миллионов тонн в 1940 году до 4,8 миллиона тонн в том же 1942-м, чугуна — с 18 миллионов тонн до 8...

А потом...

А уж потом — когда война получила дальнейшее развитие, Россия мощно пошла вперёд, отбирая назад вначале пяди, крохи, а потом...

А потом уже и до «европ» дойдя!

Эта, новая, Советская Россия смогла в ходе войны воссоздать такую мощную экономику, которая дала армии десятки тысяч танков, самоходных артиллерийских установок, сотни тысяч самолётов, артиллерийских орудий!

И каких танков!

Каких орудий!

Эта Россия стала единым военным лагерем. Не на словах, а на деле она жила призывом «Всё для фронта, всё для Победы!». Эта Россия создала в ходе войны выдающиеся произведения искусства: симфонии и подлинно народные песни, романы и повести, поэмы и пьесы...

Эта Россия даже новые линии и станции метро строила!

И какие станции!

Она во время войны даже екатерининскую букву «Ё» восстановила.

Она разгромила врага и пришла в Берлин, отлив из ратной бронзы медаль и за его взятие, и за взятие Будапешта и Вены, и за освобождение Варшавы, Праги, Белграда.

В результате Второй мировой войны, ставшей для России второй Отечественной, Россия окончательно оформилась как великая сверхдержава.

Какая слава!

Какой итог!

И какой контраст по сравнению с итогами той, первой, «царской» войны...

Зная всё это, проголосовал ли бы за Николая Второго Пётр Первый? Или даже — Екатерина Вторая? Она ведь тоже была патриотом России, она называла её «Вселенной»...

Кому отдали бы свои голоса Александр Невский, Александр Суворов и Александр Пушкин, Дмитрий Донской и Дмитрий Менделеев, Иван Суриков и Иван Грозный, Пётр Багратион и Пётр Чайковский, Михаил Ломоносов, Михаил Кутузов, Михаил Лермонтов, Николай Гоголь и Николай Лобачевский?

Монарху Романову или большевику Сталину?

Барду Высоцкому или Генералиссимусу Советского Союза?

Хрущёву, который в приступе откровенности как-то признался участникам пленума ЦК, что все они вместе с ним сталинского г... не стоят, или тому, кого Хрущёв предал и оклеветал, приписав ему руководство войной по глобусу?

И за кого, интересно, проголосовал бы сам последний венценосный Романов? Он был слабовольным человеком, но и последней сволочью его называть всё же нельзя... Как-то по-своему, уродливо, но он ведь тоже Россию любил...

В 1944 году, на Урале, в сталинском «Танкограде», 74-летний академик Патон написал заявление о приёме в ВКП(б).

Вот что он писал:

«Когда Советская власть взяла в свои руки управление нашей страной, мне было уже 47 лет. Проработав много лет в условиях капиталистического строя, я усвоил его мировоззрение... Начинания новой власти я считал нежизненными... Когда я познакомился с планом первой пятилетки, я не увидел возможностей для его выполнения. Время шло, развернулась работа по Днепрострою, которая никак не давалась прежней власти. Я начал понимать свою ошибку по мере того, как осуществлялись новые стройки... Всё больше менялось моё мировоззрение. Я стал понимать, что к Советской власти меня приближает то, что труд, который является основой моей жизни, Советская власть ставит выше всего. В этом я убедился на деле... Начавшаяся Великая Отечественная война явилась блестящим подтверждением мощности и стойкости советского строя. Перед моими глазами прошли

две последние войны — японская и империалистическая. Я имел возможность сравнить положение тогда с тем, что происходит сейчас, во время Отечественной войны. Меня поражает выдержка и героизм, с какими советский народ борется на фронтах и в тылу под твёрдым руководством партии и Советского правительства»...

А вот оценка России Сталина и самого Сталина со стороны...

Генерал-майор Фридрих Вильгельм фон Меллен-тин был врагом, но врагом умным и опытным: воевал в Польше, во Франции, на Балканах, в Африке, на Восточном фронте, а затем опять во Франции, в Арденнах и в самой Германии... Закончил войну начальником штаба 5-й танковой армии в Рурском котле. В 1956 году в Лондоне вышла его книга «Panzer battles 1939—1945», изданная у нас в 1957 году («Танковые сражения 1939—1945 гг.»), где он писал:

«Русский солдат любит свою «матушку Россию», и поэтому он дерётся за коммунистический режим, хотя, вообще говоря, он не является политическим фанатиком. Однако следует учитывать, что партия и её органы обладают в Красной Армии огромным влиянием. Почти все комиссары являются жителями городов и выходцами из рабочего класса. Их отвага граничит с безрассудством; это люди очень умные и решительные. Им удалось создать в русской армии то, чего ей не доставало в Первую мировую войну — железную дисциплину... Дисциплина — главный козырь коммунизма, движущая сила ар-

мии. Она также явилась решающим фактором и в достижении огромных политических и военных успехов Сталина...

...Умелая и настойчивая работа коммунистов привела к тому, что с 1917 года Россия изменилась самым удивительным образом. Не может быть сомнений, что у русского всё больше развивается навык самостоятельных действий, а уровень его образования постоянно растёт...»

Генерал Меллентин писал, что русская пехота «полностью сохранила великие традиции Суворова и Скобелева», что русская артиллерия «является очень грозным родом войск и целиком заслуживает той высокой оценки, какую ей дал Сталин», что танкисты Красной Армии «закалились в горниле войны», что «их мастерство неизмеримо возросло» и что «такое превращение должно было потребовать исключительно высокой организации и необычайно искусного планирования и руководства»...

При этом Меллентин констатировал: «Русское высшее командование знает своё дело лучше, чем командование любой другой армии».

Это ведь сказано прежде всего о Сталине! И то, что это сказано именно о нём, убедительнее чего другого подтверждается фактом того глубокого уважения к полководческому таланту Сталина, уважения младшего по масштабу к старшему, которое всегда выказывал по отношению к Сталину рыцарственный Константин Константинович Рокоссовский — кристально честный и лучший советский полководец времён Великой Отечественной войны.

Причём Сталин руководил войной не только на фронте, но и в тылу. А каким был этот тыл новой

России, можно судить, например, по признаниям знаменитого немецкого авиапредпринимателя и конструктора Хейнкеля. Советский авиаконструктор А.С. Яковлев писал, что выполнение советских заказов в начале 30-х годов заставило Хейнкеля резко улучшить технологическую дисциплину и методы заводского контроля. «Я думал, — удивлялся Хейнкель, — что у меня отличный завод, но большевики работают лучше».

«Российские» «демократы» ставят свечки перед образами «невинно убиенного злодеями-большевиками» «святого» Николая Второго...

Но величие Русской Державе обеспечила эпоха Сталина. И обеспечила не за счет ГУЛАГа, заградительных отрядов и страха, а за счет созидательных, творческих сил народа, во главе которого тридцать лет стоял Сталин.

ПРОВЕДЁМ ещё одно сравнение... Возьмём периоды в два десятилетия, приходящиеся на времена, когда во главе России стояли такие исторические фигуры, как, например, Пётр Первый, Николай Первый, Александр Второй, Николай Второй и...

И, естественно, Сталин.

Итак..

Россия Петра.

1700-й год... Позор первой Нарвы, ухмылки Европы, полное отсутствие современной науки и промышленности...

К 1710 году: Основан Петербург, взята Нарва, одержана Полтавская победа... Россия имеет европейское значение, выходит первая русская газета «Ведомости», бурно развивается промышленность... Навигацкая школа готовит русские национальные кадры...

К 1720 году: Россия — морская держава с собственным судостроением, выигравшая в 1714 году славный Гангутский бой, а в 1720 году — Гренгамское сражение... Русские десанты доходили до Стокгольма, ставя предпоследние победные точки в Северной войне... Россия уже имеет весьма мощную промышленность. Созданы предпосылки для учреждения в 1724 году Петербургской Академии наук...

Россия Николая Первого...

1834 год: Крестьянство — в «крепости»... Николай неумно вмешивается в «восточный вопрос», однако всё же заключен выгодный для России Унклар-Искелесский русско-турецкий договор... Наука и промышленность развиваются медленно... В 1836 году император — по воспоминаниям инженера Дельвига — произнёс своё знаменитое: «Мне учёные не нужны. Мне нужны исполнители»...

К 1844 году: Крестьянство — в «крепости»... Николай продолжает вмешиваться в «восточный вопрос», промышленность развивается медленно... Внешняя политика в руках Нессельроде, Россия погрязает в трясине внешних долгов, готовится продать свои калифорнийские владения в Америке... Выдающийся русский химик Николай Зинин в 1842 году синтезировал анилин восстановлением нитробензола, однако серьёзной государственной поддержки не имеет...

К 1854 году: Ценой ещё больших внешних долгов Россия подавила европейскую революцию 1848—1849 годов... Крестьянство — в «крепости», промышленность развивается медленно, пренебрежение к строительству железных дорог приобрело преступный характер и во многом запрограммировало позор Крымской войны.

Россия Александра Второго...

1860 год: Россия недопустимо медленно и мало-успешно пытается преодолеть всесторонний кризис, вызванный Крымской войной, и готовится к «освобождению» крестьян в 1861 году сверху ввиду угрозы проведения этой реформы низами...

К 1870 году: По-прежнему недостаточно развивая науку и промышленность, Россия утрачивает фантастические геополитические перспективы, бездарно продав свои огромные владения в Северной Америке... Относительно успешной можно назвать лишь туркестанскую политику закрепления за Россией Средней Азии... Барон Лайонелл Натан Ротшильд стал финансовым агентом правительства Александра...

К 1880 году: Проведя избыточную с точки зрения национальных интересов России Балканскую кампанию 1877/78 годов, Россия окончательно увязает во внешних долгах, увеличив их за несколько лет втрое! Промышленность, наука, техника развиваются удручающе недостаточно... Благосостояние народа абсолютно не соответствует ресурсам и возможностям России. Технический уровень армии и особенно флота в целом всё ещё низок.

Россия Николая Второго...

1894 год: Начало царствования... Россию «дрейфуют» в сторону англо-французов в видах последующего сраживания её с Германией. Проникновение иностранного капитала в Россию принимает массовый характер, русские нефтеносные районы прибирают к рукам Нобели...

К 1904 году. В ближней перспективе — позор Цусимы и поражения в Русско-японской войне; «столыпинские галстуки» — удавки виселиц; потеря половины Сахалина... Атмосфера во всём обществе на-

калена несправедливостью и бездарностью власти снизу доверху... Уровень экономического развития по-прежнему катастрофически отстаёт от уровня ведущих держав, хотя по валовым показателям Россия входит в их первую пятёрку. Половина населения страны неграмотна, система государственного народного образования фактически отсутствует.

К 1914 году: Внешние долги приобрели характер кабалы, а влияние иностранного капитала носит уже почти колониальный характер... Россия Николая Второго — накануне ненужной ей войны, которая приведёт её к тотальной катастрофе.

В новой истории царской России можно выделить лишь четверть века, пришедшиеся на развитую Петровскую эпоху, когда жизненные цели, установки и усилия высшего национального лидера высоко совпадали с жизненно насущными, коренными национальными интересами...

«Дщерь Петрова», «весёлая Елизавет», больше развлекалась, хотя и не препятствовала своим подданным служить России, изредка даже поощряя их. Но — не более того...

Екатерина Вторая — немка, ставшая русской, возвеличившая Россию, а с ней и себя, была в своём служении России непоследовательной... Стареющая самодержица, она под конец жизни окончательно запуталась в интригах любовников-прошелыг.

Её сын Павел — отнюдь не полусумасшедший и не изверг, как его часто представляют, был убит тогдашними «перестройщиками» по заказу англичан, не успев сделать многого из задуманного. Но и успех, не сравнился бы, конечно же, даже с Петром...

Об остальных, не упомянутых здесь, российских монархах после Петра нечего и говорить.

Но что обидно — и в послепетровской России XVIII века, и в России XIX — начала XX веков, то есть во времена трёх Александров и двух Николаев, народ созидателей, народ Иванов да Марий, не исчезал... Он жил в верхах общества, жил и в низах...

Так, было немало людей в привилегированных или образованных слоях, которые и тогда служили России верно, умно и успешно... Военачальники Румянцев, Суворов, Кутузов, Багратион, Скобелев, администраторы Мордвинов, Ермолов, Инзов, Головнин, Муравьев-Амурский, химики Бутлеров, Марковников, Менделеев, Бородин (последний был ещё и выдающимся композитором), металлурги Соболевский, Аносов, Чернов, инженеры Вышнеградский, Журавский, Лодыгин, Славянов, Шиллинг, Шухов, Яблочков, мореплаватели Крузенштерн, Лисянский, Беллинсгаузен, Лазарев, флотоводцы Корнилов, Нахимов, Макаров, оружейники Гадолин и Мосин, исследователи новых земель Врангель и Невельской — это лишь малая часть представителей человечески и профессионально состоятельных верхов российского общества времён только пяти последних русских императоров.

Имена их человечески и профессионально состоятельных современников из народа в истории почти не сохранились... Даша Севастопольская, матрос Кошка, ещё несколько имён, и, пожалуй, всё... Но они были, эти безымянно великие сыны и дочери России — герои освоения Дальнего Востока и Русской Америки, обороны Севастополя и Петропавловска-Камчатского, мастеровые «Русского дизеля» и Сормова, пролетарии Путиловского и Балтийского заводов...

Однако России Александров и Николаев народ Иванов да Марий не очень-то был и нужен — ей бо-

лее подходил народишко Ванек и Манек, как подходит он и «элите» нынешней «Россиянин».

А вот Россия Сталина была бы без опоры на великий народ Ивана да Марьи просто невозможной!

И поэтому посмотрим на два десятилетия из истории сталинской России...

1930 год: Начата первая пятилетка, но многие проекты почти срываюся, типичны поломки ценного оборудования уже в период пуска... «Великий перелом» на селе привёл к тому, что половину скота и лошадей крестьяне в одночасье пустили «под нож». Россия в очередной раз на распутье...

К 1940 году: СССР — вторая индустриальная держава мира с небывало динамичной экономикой и мощно набирающим обороты крупнотоварным кооперированным сельским хозяйством. Национальная система образования обеспечила быстрое развитие национальной науки и техники, Россия превращается в страну учащихся... В состав России возвращены Западные Украина и Белоруссия, Прибалтика, Бессарабия...

И ещё одно сталинское десятилетие — первое послевоенное...

1946 год: Россия победила в тяжелой войне, возвратила себе весь Сахалин и Курилы... Однако вся европейская её часть — в развалинах, и хотя за время войны экономический потенциал России в некоторых отношениях даже возрос, положение страны крайне сложно, уровень благосостояния народа низок, в ряде регионов немало людей живут под угрозой голодной смерти... России грозит ядерное уничтожение...

К 1956 году: Страна преобразилась и внешне, и по своим социально-экономическим показателям!

Голод и разруха забыты... Могущество державы растёт год от года... Хотя основная масса населения живёт ещё скромно, все честные, работающие люди смотрят в завтрашний день с уверенностью и обоснованным оптимизмом. Престиж образования и тяга к нему огромны, а возможности для образования у всех граждан — при желании и способностях — реальны. Россия — термоядерная и ракетная держава, которая через год пошлёт в космос первый искусственный спутник Земли...

Вот что могла совершать Россия под руководством первой фигуры русской истории — товарища Сталина.

Да, формально последние три года этого десятилетия Россия жила уже без Сталина, а на последний год десятилетия пришлось начало его хрущёвского шельмования... Однако рискнёт ли даже Александр Минкин утверждать, что успехи России в 1954—1956 годах не были подготовлены эпохой Сталина?

НО КОГДА же она началась, эта эпоха? Пожалуй, она началась вместе с сознательной жизнью самого Сталина. Но раз так, нам надо обратиться к годам его становления.

Ведь все мы действительно родом из детства.

Передо мной книга в строгом тёмно-вишнёвом переплёте с вытесненным потускневшей позолотой названием: «Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография». Второе издание, исправленное и дополненное... Книга подписана к печати 16 января 1947 года, тираж — 1 000 000 экземпляров.

Это — единственная прилично изданная в СССР биография Сталина, которую открывает лучший, пожалуй, из всех фотопортретов ещё молодого Сталина. В нём нет ничего парадного, официального —

стоячий воротник знаменитого френча расстёгнут...
И лицо...

Глядя на него, я однажды написал:

В этом взгляде - эпоха,
До последнего вздоха.
И она - не мелка...
Смотрит издалека
Он -
Эпохи той суть,
Говоря:
«Что же, в путь!»

О начале эпохи, много позднее названной эпохой Сталина, его официальная биография сообщает так:

«СТАЛИН (Джугашвили) Иосиф Виссарионович, родился 21 декабря 1879 года в городе Гори Тифлисской губернии. Отец его — Виссарион Иванович, по национальности грузин, происходил из крестьян села Диди-Лило Тифлисской губернии, по профессии сапожник, впоследствии рабочий обувной фабрики Адельханова в Тифлисе. Мать — Екатерина Георгиевна — из семьи крепостного крестьянина Геладзе села Гам-бареули.

Осенью 1888 года Сталин поступил в Горькийское духовное училище. В 1894 году Сталин окончил училище и поступил в том же году в Тифлисскую православную семинарию».

Моя книга, уважаемый читатель, не относится к биографическому жанру. Основная цель автора — показать роль и место Сталина в истории России и мира. И все сведения, относящиеся к биографии Сталина, которые я привожу, подчинены этой ос-

новой цели. Вот почему я постараюсь ограничиться самым необходимым минимумом биографических деталей и буду отбирать их так, чтобы они не просто знакомили читателя с теми или иными событиями в жизни Сталина, а показывали его исторический масштаб.

Но можно ли понять исторический масштаб даже самой выдающейся, известной всем исторической личности, если мы пребываем в неведении относительно её человеческого масштаба?.. Кто-то из великих однажды заметил, что писатель-романист наделяет своего главного героя значительностью, умом, талантом, яркой незаурядностью, а история в этом отношении неразборчивей — она берёт того, кто оказывается под рукой. Сказано остроумно, а в отношении многих «исторических» фигур типа Гришки Отрепьева, Мишки Горбачёва, Тьера, Керенского, Трумэна, Ельцина и его ельциноидных последышей — верно.

Однако вышеприведённая мысль верна лишь в отношении истории, но — не в отношении Истории с большой буквы... Эта — Большая — История выдвигает в выдающиеся исторические эпохи на первый план такие реальные фигуры, облику и судьбе которых позавидует фантазия самого талантливого романиста!

Македонский и Цезарь, Карл Великий и Ярослав Мудрый, Людовик XI и Иван Грозный, Генрих IV и Пётр I с Екатериной II, Наполеон и Бисмарк, Махатма Ганди и Кастро — о каждом из них можно написать увлекательный роман, главный герой которого будет интересен и значителен прежде всего как личность, как человек, а не как исторический персонаж..

Что уж говорить о Ленине, о Сталине! Их верные и полные психологические портреты, при всей

цельности и целеустремлённости натур обоих, должны содержать множество тонов, полутонов и сложное, диалектическое смешение различных красок и оттенков.

Но в мою задачу не входит намерение дать развёрнутый психологический портрет Сталина. И если я буду касаться этой стороны вопроса, то тоже — в связи с основной целью: показать не просто выдающуюся роль Сталина в русской истории, а роль не отменяемо первую — даже по сравнению с Лениным. Однако как тут обойтись вообще без «психологии»? А она тоже начинается с детства...

О детских годах тех, кто вошёл в Историю, придя на её «бельэтаж» с социального «чердака», всегда имеется много вымыслов и домыслов, но мало точной информации. И побасёнок о детских годах Сталина при желании можно начитать в достатке. Тем не менее не приходится сомневаться, что детство у юного Сосо Джугашвили лёгким не было уже потому, что он родился в семье небогатой. Но первые годы его жизни не были наверняка и нищими, потому что — по позднему публичному свидетельству самого Сталина — его отец был не просто отличным сапожником, а владельцем мелкой сапожной мастерской. Разорившись, он вернулся работать на обувную фабрику Адельханова, однако мечтал о возврате из пролетарского в мелкобуржуазное состояние...

Американский политолог, профессиональный дипломат Роберт Такер написал в 1973 году одно из наиболее, пожалуй, интересных зарубежных исследований о Сталине. При этом Такер, так сказать, «честно» не понял ни сути эпохи Сталина, ни роли Сталина в ней, даром, что со второй половины 40-х и почти до середины 50-х годов жил в Москве и даже женился в 1946 году на русской. И

вполне типично то, что Такер излагает сведения о горийских годах юного Сосо по книге некоего тёзки Сталина — Иосифа Иремашвили «Сталин и трагедия грузин», изданной в 1932 году на немецком языке в Берлине. Иремашвили учился вместе с Сосо Джугашвили в Горийском духовном училище, позднее стал меньшевиком, а с установлением в Грузии Советской власти — эмигрантом. Пренебрегать его положительными сведениями о Сталине нельзя — Иремашвили действительно хорошо знал Сталина в детстве. Но вряд ли разумно будет воспринимать как достоверные практически все негативные сведения о жизни и натуре Сосо, исходящие от Иремашвили. Слишком уж специфическими оказались и судьба тёзки Сталина, и время и место выхода его книги, чтобы верить тому плохому, что эмигрант-меньшевик написал о Генеральном секретаре партии большевиков.

Ну, в самом-то деле! С одной стороны, Иремашвили утверждает, что квартира Сосо стала его вторым домом. С другой же стороны, он пишет, что дома у Сосо вечно были пьяные скандалы отца, сопровождавшиеся избиениями жены и сына. Но вряд ли один Сосо оставался бы охотно в гостях у другого Сосо, если бы это было так на *деле*. Сам Сталин в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом сказал коротко: «Мои родители были необразованные люди, но обращались со мной вполне неплохо...»

И что уж говорить о «сведениях» Эдварда Радзинского, который ссылается на «воспоминания» некой Ханы Мошиашвили — 112-летней (!) грузинской еврейки, в 1972 году переехавшей в Израиль, которая якобы знала мать Сталина и «поведала» о якобы «жуткой семейной жизни» своей «подруги»?!

О подлинном же Сосо достоверно свидетельствует такой источник, как «Духовный вестник Гру-

зинского экзархата», где в перечне учеников Горийского духовного училища, переходивших из класса в класс «по первому разряду», из года в год фамилия Джугашвили стояла первой. Юрий Васильевич Емельянов, автор отличного исследования о Сталине, справедливо замечает по этому поводу, что похвальные листы выдавали лишь при наличии отличной отметки по поведению, и это никак не укладывается в облик угрюмого строптивца и т.д.

Зато портрет худого, но крепкого мальчика с упорным *безбоязненным* взглядом живых тёмных глаз и с гордо откинутой головой, данный Иремашвили, явно точен.

Грузинский город Гори расположен у слияния горных рек Куры, Большой Лиахви и Меджуды в 76 километрах от Тифлиса (Тбилиси). «Стрелки» рек — это всегда, как сейчас говорят, энергетически благоприятные точки земного шара. Но слияние трёх горных рек — это нечто особое. Причём бурное течение ледяной воды не очень-то располагает к обучению плаванию. Возможно, поэтому, а также потому, что в детстве Сталин получил травму руки, плавать он так и не научился. Но жизнь на берегу Куры и созерцание Куры не могло не отпечататься в его сознании и подсознании глубоко.

Любая крупная река — это судьба и самой реки, и людей, на ней живущих. У полуторатысячекилометровой Куры — тоже своя судьба. Начавшись в горах Турции, она стекает на русский горный Кавказ, протекает через Гори, Тбилиси и далее спускается в низменную зону Азербайджана, а там питает болотистые Ширванскую, Мильскую, Муганскую степи, принимает в себя в нижнем течении Аракс и около Байрамлы не прорывается напрямую к Каспию,

а резко спадает вниз, чтобы впасть в него в ста с лишним километрах к югу от Баку.

Конечно, Сталин, изучая географию, узнал об этом рано, а, имея пытливый ум, он — как я понимаю — не раз устремлялся мыслью за течением Куры, и это течение мысли уводило его далеко.

Гори — это ещё и горы. Собственно, название города и означает по-грузински «холм, гора»...

А горы — это тоже особая судьба, особый строй мысли и чувств. Недаром Сталин, говоря о Ленине после его смерти, раз за разом сравнивал его с горным орлом. И это — явно образ из детства Сталина.

Сталин сам был орлиной породы, и то, что в его мальчишечьем восприятии символом яркой жизни стал именно орёл, говорит о нём как о человеке, на мой взгляд, много больше, чем различные «воспоминания».

Сегодня о Гори тех лет, когда по его улицам ходил юный Сосо, узнать что-то не так просто, если, например, не заглянуть в 17-й том Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона за 1893 год, где мы можем прочесть...

Но перед тем, как сообщать о том, что я там прочёл, хотелось бы уведомить читателя о следующем... Открыв этот том, я с удивлением обнаружил, что — во всяком случае в нём — буква «Ё» тоже отсутствует. В издании-то 1893 года! А все источники относят время её упразднения к послереволюционной реформе правописания 1917—1918 годов. Тёмная всё же история получается со звонкой русской буквой «Ё»... Скажем, современный «россиянский» историк Геннадий Костырченко, автор монографии «Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм», изданной в 2001 году при финансовой поддержке Российского Еврейского Конгресса, излагая историю восстановления в правах буквы «Ё»

Сталиным, почему-то намекает на «завуалированный личный антисемитизм» Сталина... Странно, господа-с, странно...

Вернёмся, впрочем, к сведениям о Гори конца позапрошлого века

«Гори... у[ездный] г[ород] Горийского у[езда], Тифлисской губ[ернии], расположен при впадении (текст приведён в современном написании, включая отсутствие буквы «Ё»; у Брокгауза — «впадении» и т.д. — С. К.) рр. Ли́хвы и Меджуды в Куру, в 72 в[ерстах] от Тифлиса, на Закавказской жел[езной] дор[оге], на высоте около 2000 фут[ов] н[ад] ур[овнем] м[оря], у подошвы горы, увенчанной развалинами древней крепости Горисцихе, которая, по преданию, основана еще византийскими императорами, во время войны с Персией... Время основания Г[ори] в точности неизвестно; во всяком случае, крепость существовала раньше города...»

Брокгауз же сообщает, что в грузинской летописи Гори упоминается по одним данным в VII веке, а по другим — впервые в царствование Тамары. По армянским источникам, город был основан в 1123 году Давидом Возобновителем и населён армянами, искавшими в Грузии убежища. В XVI веке городом и крепостью овладели турки. В 1599 году царь Симон отвоевал Гори обратно, а когда царь Ростом пошёл под руку персов, шах Сейф поставил в Горисцихе персидский гарнизон. В 1710 году, при Вахтанге VI, здесь снова были турки, а позднее шах Надир, отняв Грузию у турок, разрушил Гори, и лишь в 1801 году, после присоединения Грузии к России, Гори стал весьма процветающим живописным уездным горо-

дом с грузино-армяно-русским населением около 8 тысяч.

В конце XIX века Максим Горький, путешествуя по Грузии, заглянул и в Гори.

26 ноября 1896 года газета «Нижегородский листок» опубликовала его очерк, где были и такие строки: «Знойное небо над городом, буйные и мутные волны Куры около него, неподалёку горы, в них какие-то правильно расположенные дыры — это пещерный город — и ещё дальше, на горизонте, вечно неподвижные белые облака — это горы главного хребта, осыпанные серебряным, никогда не тающим снегом».

Надеюсь, читатель не будет на меня в претензии за такую подробную справку по старому Гори. Мало того, что она небезынтересна сама по себе, она к тому же позволяет нам лучше понять ту атмосферу, в которой рос Сталин. Ему — при его-то творческой, незаурядной натуре, не надо было читать толстые фолианты, чтобы проникнуться духом Истории и её великих событий...

Мысль и душа мальчика парили в горних высях, свободно перемещаясь из одной бурной эпохи в другую, но телу приходилось жить реальностями царской национальной окраины. И они оставляли Сосо единственный путь к образованию: то самое Горийское духовное училище, в которое он поступил осенью 1888 года. К слову, Брокгауз указывает среди учебных заведений в Гори конца XIX века лишь женскую прогимназию и Закавказскую учительскую семинарию с татарским отделением, о духовном училище умалчивая.

Ни в первое, ни во второе из этих заведений Сталин поступить не мог (во второе — по причине отсутствия начального образования), так что для девятилетнего грузина из обедневшей грузинской

семьи выбора не было. Духовное училище — это был шанс на будущее. Это понимала прежде всего мать — её натура на формировании характера сына явно сказалась, и сказалась благотворно. Екатерина Геладзе, несомненно, желала для сына карьеры священника, однако нельзя исключать, впрочем, и того, что впечатлительный и охваченный высоким порывом мальчик переступил порог училища в той или иной мере сознательно, взыскуя духовных истин...

Имеет ли кто-либо право ухмыльнуться на такое предположение? Сосо Джугашвили было всего девять лет, и в конце концов, он ведь не в купеческую лавку пошёл, будучи и до поступления в училище безусловно грамотным, а в обителище Высшего — как ему тогда представлялось — Духа... Важно то, что он смолоду желал жить жизнью, наполненной служением высокой идее, и именно так он свою жизнь и прожил.

КАК Я УЖЕ СКАЗАЛ, я пишу не биографию. И поэтому далее сообщу кратко лишь следующее... В четырёхклассном Горийском духовном училище Иосиф Джугашвили проучился шесть лет — сказалась попытка отца сделать из сына сапожника, для чего он временно забирал его с собой в Тифлис.

А 2 сентября 1894 года Иосиф поступает в первый класс Тифлисской духовной семинарии, чтобы блестяще проучиться в ней почти пять лет и быть исключённым из неё 29 мая 1899 года за пропаганду марксизма.

Кобе — двадцать лет, но он уже почти сформировавшийся профессиональный революционер, причём явно большевистского толка, хотя в то время ещё и понятия «большевик» не существовало.

Сам Сталин в предисловии к первому тому своего Собрания сочинений писал в январе 1946 года, что его ранний период деятельности (1901-1907 гг.) пришёлся на время, «когда выработка идеологии и политики ленинизма не была ещё закончена...». Однако Сталин шёл к ленинизму и большевизму в немалой степени даже помимо Ленина — самостоятельно. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть передовую статью, опубликованную Кобой в сентябре 1901 года в первом номере газеты «Брдо—ла» («Борьба») от имени редакции. Газета вышла в Баку, а 11 ноября 1901 года Сталин, ещё с марта перешедший на нелегальное положение, избирается в состав первого Тифлисского комитета РСДРП и в конце ноября направляется в Батум для организации там социал-демократической организации.

5 апреля 1902 года его впервые арестовывают, и он полтора года отсидживает вначале в батумской, потом в кутаисской, а затем — опять в батумской тюрьме, откуда его 27 ноября 1903 года высылают по этапу в первую сибирскую ссылку, в село Новая Уда Балаганского уезда Иркутской губернии.

5 января 1904 года Сталин совершает свой первый в жизни побег, в феврале приезжает в Тифлис, и начинается активнейший период его нелегальной организаторской деятельности в Закавказье, прервавшийся лишь 25 марта 1908 года, когда Сталин под именем Гайоза Нижарадзе был арестован в Баку и заключён в Баилловскую тюрьму.

К этому времени он уже прочно входит в ленинское ядро партии, на I Всероссийской конференции большевиков в Финляндии, в Таммерфорсе, знакомится с Лениным, в апреле 1906 года участвует в работе IV «Объединительного» съезда в Стокгольме, а через год — в работе V Лондонского съезда. Замечу, что позднее Сталину приходилось бывать

за границей ещё не раз, жить, например, в Вене, в Берлине, однако нередко приходится сталкиваться с ложью злонамеренных «биографов» насчёт того, что Сталин якобы никогда за границей не был и зарубежной жизни не знал...

Знал! И весьма неплохо.

Знал «Коба Иванович» (или — просто «Иванович») неплохо и царские тюрьмы. А как он там себя показал, можно судить хотя бы по свидетельству Семёна Верещака, бывшего эсера, а в двадцатые годы — эмигранта. В парижской газете Керенского «Дни», в номерах за 22 и 24 января 1928 года, Верещак опубликовал о Сталине два фельетона.

Что мог, казалось бы, написать о Сталине его политический враг? А вот что...

«Я был ещё совсем молодым, когда в 1908 году Бакинское жандармское управление посадило меня в бакинскую Баиловскую тюрьму. Тюрьма, рассчитанная на 400 человек, содержала тогда более 1500 заключённых.

Однажды в камере большевиков появился новичок. И когда я спросил, кто этот товарищ, мне таинственно сообщили: «Это Коба» (Сталину было тогда тридцать лет. — С. К).

Живя в общих камерах, поневоле сживаешься с людьми и нравами. Тюремная обстановка накладывает свой отпечаток на людей, особенно на молодых, берущих примеры со старших. Бакинская же тюрьма имела огромное влияние на новичков. Редкий молодой рабочий, выйдя из этой тюрьмы, не делался профессионалом-революционером. Это была пропагандистская и боевая революционная школа. Среди руководителей со-

браний и кружков выделялся и Коба как марксист. В синей косоворотке, с открытым воротом, всегда с книжкой...»

Верешак имел революционное прошлое, и, очевидно, поэтому у него не нашлось моральных сил клеветать на собственную молодость. Очевидно, поэтому и его портрет молодого Сталина вышел на удивление впечатляющим.

Я продолжаю цитирование:

«В личных спорах Коба участия не принимал и всегда вызывал каждого на «организованную дискуссию». Эти «организованные дискуссии» носили перманентный характер.

Марксизм был его стихией, в нём он был непобедим. Не было такой силы, которая выбила бы его из раз занятого положения. На молодых партийцев такой человек производил сильное впечатление. Вообще же в Закавказье Коба слыл как второй Ленин. Отсюда его совершенно особая ненависть к меньшевикам. По его мнению, всякий называющий себя марксистом, но толкующий Маркса не по-большевистски — прохвост.

Он всегда активно поддерживал зачинщиков. Это делало его в глазах тюремной публики хорошим товарищем. Когда в 1909 году, на первый день пасхи, 1-я рота Сальянского полка пропускала сквозь строй, избивая, весь политический корпус, Коба шёл, не сгибая головы под ударами прикладов, с книжкой в руках...»

Вот так!

К слову, если всмотреться в помещаемую иногда в книги о Сталине сыскную карточку И.В. Джугашвили из архивов царской охранки (фото сбоку, анфас, стоя), где мелкими буквами набрано: «рост 1 метр ____сант.,» то можно разобрать, что перед типографским «сант.» от руки проставлено «74».

Вполне средний рост. А сколько раз приходилось читать и слышать о «карлике» Сталине ростом в 155 и даже ниже сантиметров!

9 ноября 1908 года Сталина высылают из Баку в Вологодскую губернию под гласный надзор полиции, сроком на два года. Далее работает испытанная схема: 24 июня 1909 года он нелегально покидает Сольвычегодск и вскоре опять оказывается в Закавказье.

С 1910 года Коба — уполномоченный ЦК, «агент ЦК». Однако 23 марта этого года его арестовывают под именем Захара Григорьяна Меликянца и после полугодовой отсидки в Баилове опять высылают в Сольвычегодск

Оттуда он через Вологду нелегально выезжает в Петербург, где его 9 сентября 1911 года арестовывают и заключают в Петербургский дом предварительного заключения, после чего следует высылка в Вологду сроком на три года.

А в январе 1912 года Сталин на шестой «Пражской» общепартийной конференции заочно избирается членом Центрального комитета РСДРП (б) и параллельно — руководителем Русского бюро ЦК для практического руководства революционной работой в России.

Это даже формально делало Сталина, пожалуй, вторым человеком в партии после Ленина. Для личной информации о решениях Пражской конференции к Сталину в Вологду приезжает Орджоникидзе, и 29 февраля 1912 года Сталин в очередной раз пе-

реходит на нелегальное положение. И вновь: Баку, Тифлис, Москва, Петербург...

22 апреля 1912 года вышел первый номер «Правды» со статьёй Сталина «Наши цели». Сталин писал: «...мы отнюдь не намерены замазывать разногласий, имеющих среди социал-демократических рабочих. Более того: мы думаем, что мощное и полное жизни движение немыслимо без разногласий, — только на кладбище осуществимо «полное тождество взглядов»...».

Знающие эпоху Сталина поверхностно по прочтении этих слов могут ухмыльнуться — мол, вот для того, чтобы осуществить «полное тождество взглядов» в СССР, Генсек и превратил-де впоследствии всю страну в подобие кладбища.

Но зубоскалить подобным образом могут лишь те, кто пробавляется мифами о Сталине и его делах, не имея документальной информации или злостно игнорируя её. На самом же деле Сталин был в полном смысле этого слова толерантен (то есть — терпим) по отношению к чужим заблуждениям, но лишь к искренне, так сказать, искренним заблуждениям. Современное понятие «толерантность» происходит от латинского «tolerantia» — «терпение». И Сталин — я готов это повторять и повторять — был в высшей степени *терпелив* по отношению к Троцкому, Томскому, Зиновьеву, Каменеву, Рыкову, Бухарину и прочим, им подобным...

Лишь неоднократно убедившись в их дальнейшей неспособности к лояльному сотрудничеству в интересах державы, в их предательстве, двоедушии и двурушничестве, он шёл на их устранение — не в силу мстительности, а в силу исторической необходимости.

Вот пример... 17 апреля 1923 года открывался XII съезд РКП(б). Когда в зале появился Лев Троцкий

в сопровождении Карла Радека, Клим Ворошилов крикнул: «Вот идёт Лев, а за ним его хвост».

Радек тогда в неумеренном печатном восхвалении Троцкого доходил до прямого лакейства — прошу читателя поверить мне на слово. Так что горячий и острый на язык Ворошилов (в молодости он взял себе партийную кличку «Антимеков», что означало «Против «меков», меньшевиков) был прав, хотя выразил свои чувства и грубовато.

А вот как ответил — письменно, что уже исключало запальчивость, — Радек. Он распространил среди делегатов съезда следующее, неостроумное, но злобное четверостишие:

«У Ворошилова тупая голова.
Все мысли в кучу свалены.
И лучше быть хвостом у льва,
Чем ж... у Сталина».

Сталин тогда заметил, что у Радека не язык подчинён ему, а он — языку.

Тем дело и ограничилось, и Радек-Собельсон долгое время находился в высшем руководстве, отправившись в 1936 году в тюремную камеру отнюдь не за те давние стишки... В 1934 году он, между прочим, писал о Сталине: «К сжатой, спокойной, как утёс, фигуре нашего вождя шли волны любви и доверия...», и т.д.

Вернёмся, впрочем, в день 22 апреля 1912 года. В этот день выхода первого номера «Правды» Сталина арестовывают и 2 июля высылают в Нарымский край сроком на три года.

И опять он бежит — почти сразу. Добравшись до невской столицы, всю осень 1912 года ведёт активную работу, а в ноябре Ленин вызывает его в Краков — тогда австро-венгерский. Вернувшись в Петербург, Сталин вскоре — опять по вызову Ленина —

едет в Краков и Вену, а по возвращении в Россию вместе со Свердловым реорганизует «Правду».

Но 23 февраля 1913 года Кобу арестовывают в очередной и последний раз.

2 июля 1913 года он высылается по этапу в Туру-ханский край, а в марте 1914 года его переводят ещё дальше — за Полярный круг в «станок» (посёлок) Курейка.

В Россию его вернула лишь Февральская революция в Петрограде.

ОДНА ИЗ глав дилогии Ю. Емельянова о Сталине называется «Мастер революции»... Безусловно — мастер. Но не просто мастер революции, а её признанный — уже до революции — вождь!

Причём с одним существенным дополнением: Сталин вёл борьбу за подготовку революции в России всегда непосредственно в России. В этом его отличие от всех остальных признанных вождей, кроме Якова Свердлова.

Лишь последний имел очень схожую со Сталиным дореволюционную биографию профессионального революционера. Моложе Сталина на шесть лет, Свердлов был арестован впервые в 16 лет. А потом, как и у Сталина, до 1913 года — нелегальное положение, революционная работа, тюрьмы, ссылки, побег, тюрьмы, ссылки, побег, нелегальная работа...

Все остальные вожди революции бывали в России наездами — как наездами бывал за границей Сталин.

Троцкий — одноклассник Сталина, в августе 1902 года бежал из первой ссылки за границу. Арестованный в России в период первой русской революции и приговорённый в 1906 году к вечному поселению

в Сибири, он тогда же бежал и уехал за границу окончательно.

Бухарин эмигрировал в 23 года, Зиновьев (моложе Сталина на четыре года) — окончательно в 1908-м, Рыков (моложе Сталина на два года) — в 1910 году.

Каменев — будучи моложе Сталина на четыре года и одно время входя вместе со Сталиным в состав Кавказского комитета РСДРП, эмигрировал в 1908 году. В 1914 году он, правда, был направлен Лениным в Россию для руководства думской фракцией большевиков. В Петрограде Каменева арестовали, однако он согласился осудить антивоенную агитацию большевиков и был сослан в Енисейскую губернию. Освобождённый Февралём 1917 года, Каменев прибыл в Петроград вместе со Сталиным 12 (25) марта 1917 года.

То есть Сталин знал не только за границу, но, прежде всего, прекрасно знал Россию — от Балтики до Енисея и от Вологды до Закавказья.

Необходимость постоянного нахождения за границей Ленина была очевидна, а вот остальных лидеров большевиков...

Ленин был не только теоретиком партии, её «мозгом», но и — если продолжить сравнение с человеческим телом — «средостением» партии. Рисковать им было нельзя ни в коем случае! Но ведь кому-то из первых лиц большевиков надо было «тянуть» на месте повседневный «воз» внутрироссийской партийной работы!

Так вот, его всё более и более «тянул» прежде всего «Коба Иванович» Джугашвили... И если мы посмотрим на роль и значение Сталина в партии до 1917 года, то они оказываются уступающими однозначно лишь Ленину. Только после вынужденного отстранения от активной борьбы Сталин с лета 1913 года до 1917 года отходит в тень — как и Свердлов.

Причём изменить ситуацию побегом на этот раз не удавалось и не могло удаться для обоих. Дело в том, что из той, последней их ссылки успешно бежать было просто невозможно — весь начальный маршрут полностью и эффективно контролировался полицией, поскольку другого маршрута не было в силу географических особенностей местности. Вот почему из Туруханского края не пытались бежать даже такие асы побегов, как Сталин и Свердлов, — при всей потребности в их присутствии в центре назревавших событий.

Но Ленин помнил о Сталине...

23 июля 1915 года он спрашивает вначале Зиновьева: «Не помните ли фамилии *Кобы*?» Затем 9 ноября повторяет этот вопрос Карпинскому: «Большая просьба: узнайте (от Степка (Н.Д. Кикнадзе. — С К.) или Михи (М.Г. Цхакая. — С К.) и т.п.) фамилию «*Кобы*» (Иосиф Дж.....?? мы забыли). Очень важно!!».

До этого он сообщает тому же ВА. Карпинскому: «Коба прислал привет и сообщение, что здоров».

То, что в Швейцарии запомнили фамилию Кобы, говорит об одном — уровне эффективной конспирации в партии большевиков. Ведь Ленин не жил вместе со Сталиным годами и лично виделся с ним нечасто — преимущественно на крупных партийных совещаниях и съездах.

И можно предполагать, что Ленин имел на Кобу серьёзные виды в расчёте на его побег из ссылки. Но побег, как я уже говорил, был нереален.

Лишь после свержения царя стала возможна телеграмма, ушедшая в Цюрих Ленину и Зиновьеву из Перми: «*Salut fraternal Ulianow, Zinowief. Aujourd'hui partons Petrograd...*» («Братский привет Ульянову, Зиновьеву. Сегодня выезжаем в Петроград») с подписями: Каменев, Муранов, Сталин...

В АПРЕЛЕ 1917 года в Петроград приезжает Ленин. Сталин — уже здесь. Утром 4 (17) апреля Ленин выступает в Таврическом дворце и провозглашает лозунг: «Вся власть Советам!» Начинается более чем полугодовая эпопея подготовки к Октябрю.

Сталин, введённый сразу после возвращения в Петроград в Бюро ЦК РСДРП (б) и в редакцию «Правды», на 7-й (Апрельской) партийной конференции избирается в ЦК и входит затем в Политическое бюро ЦК и в ВРК — партийный Военно-революционный комитет по подготовке вооружённого восстания. Это восстание, положившее начало Великой Октябрьской социалистической революции, стало реальностью 25 октября (7 ноября) 1917 года.

С этого дня Сталин — один из высших государственных лидеров новой России, намеренной стать социалистической не только по названию, а и по существу.

Некий Пшимаф Аскорбиевич Шевоцуков в издании, рекомендованном в качестве учебного пособия для «россиянских» преподавателей истории (в том числе и вузовских), пишет:

«В краткой биографии Сталина, изданной в 1950 году, говорилось: «Непосредственным вдохновителем и организатором важнейших побед Красной Армии был Сталин. Он был творцом важнейших стратегических планов. С именем Сталина связаны самые славные победы нашей Красной Армии». У современного читателя все это может вызвать лишь улыбку...».

Утверждение насчёт «улыбки» настолько же нагло и злобно, насколько и невежественно...

Во-первых, в 1950 году с именем Сталина сам народ связывал самые славные свои победы. А во-вторых, уже в Гражданскую войну роль Сталина была исключительной. Кроме Троцкого, никто другой не помотался по всем фронтам так, как Сталин. Но Троцкий был официально председателем Революционного Военного Совета Республики и наркомвоенмором. Да и его пребывание на фронтах имело характер наездов. А Сталин и здесь выполнял огромный объём повседневной черновой работы.

В состав первого Совета Народных Комиссаров он вошёл как нарком по делам национальностей, а с 1919 года — ещё и как нарком государственного контроля.

Однако уже с мая 1918 года (то есть с самого начала Гражданской войны) Сталин бывает в Москве лишь наездами — как Троцкий наездами на фронте. В некотором смысле повторяется ситуация до 1917 года, когда вожди работали в эмиграции, а Сталин — в России. Теперь вожди — в столицах, а Сталин — на фронтах.

В мае 1918 года он назначается руководителем продовольственного дела на Юге России с диктаторскими полномочиями и 6 июня убывает в Царицын с отрядом особого назначения в 400 человек. У него две задачи: заготовка и вывоз хлеба с Северного Кавказа в промышленные центры и — как вскоре стало понятно — оборона Царицына от войск генерала Краснова.

Оборона Царицына — ключевой момент первого военного лета в Гражданской войне. «Красные» называли его «красным Верденом», а «белые» — например, генерал Врангель, с этим определением соглашались. Верденское же сражение в районе города и крепости Верден на северо-востоке Франции было ключевым моментом Первой мировой вой-

ны — общие потери сторон составили там около миллиона человек.

Сдача Царицына в Гражданскую войну была бы равнозначна по военно-политическому и военному ущербу сдаче Сталинграда в Великую Отечественную войну. Вот что значил Царицын!

Прибыв туда, Сталин застал в Царицыне невесёлую картину, и 19 июля 1918 года был создан Военный Совет Северо-Кавказского военного округа во главе со Сталиным. Членом Военного Совета вскоре был назначен Ворошилов.

Успешная оборона Царицына — первый крупнейший успех Сталина в возникающей сталинской эпопее.

«Необыкновенное лето» 1918 года закончилось. В сентябре возник Южный фронт, и член уже его Военного Совета Сталин борется с Троцким, который хотел насытить руководство фронта своими ставленниками (из-за этого мы имели ряд провалов, и дела наладились только после появления на Юге Сталина в качестве члена Военного Совета Южного фронта).

А до этого Сталин ликвидирует катастрофические провалы на Восточном фронте. А после Юга Сталин входит в комиссию ЦК по расследованию причин падения Перми.

Весной 1919 года с мандатом уполномоченного ЦК он прибывает в зиновьевский Петроград, где не «вождь» Зиновьев, а «солдат ЦК» Сталин организует оборону Питера от наступающего Юденича.

В октябре 1919 — январе 1920 года Сталин организует разгром Деникина — последней смертельной угрозы для Советской России. Но Деникин был угрозой и для России как таковой, потому что он, как и все остальные «белые» «лидеры», был лишь ставленником тех или иных внешних сил. «Белые»

и сами не скрывали того, что весь вопрос в том — кто какой «ориентации»... Колчака, например, создали янки, однако он вынужден был считаться и с японцами, тем более что они поддерживали формально подчинённого Колчаку атамана Семёнова.

Деникин же был преимущественно англо-французской «ориентации». Так что, разгромив «белых», Россия Ленина и Сталина совершала исторически важнейшее общерусское дело — сохраняла страну как суверенную державу. Лозунг «Единой и неделимой России» был написан на «белых» знамёнах, а в жизни его реализовала — в тяжелейшей борьбе против иностранных интервентов и внутренних предателей — «красная» Россия. И масштаб заслуг Сталина в том был без преувеличения историческим.

Надо заметить также, что во время Гражданской войны Сталин, кроме решения важнейших политических задач, занимался тем, чем позже — во время Великой Отечественной войны — занимались уже его, сталинские, особо уполномоченные представители Ставки Верховного Главнокомандования, в том числе Жуков и Василевский.

Возможно, и сам институт представителей Ставки ВГК возник как переосмысление личного полководческого опыта Сталина времён Гражданской войны.

Пожалуй, надо пару слов сказать и о роли Сталина в советско-польской войне 1920 года... Эта война была неизбежна постольку, поскольку: а) «новодельная» Польша желала простираться «от моря до моря», то есть — от берегов Балтики до берегов Чёрного моря, и ещё в 1919 году оккупировала часть украинских и белорусских земель; б) Польшу подстрекала и вооружала против России Антанта, в расчёте на поляков как на антисоветский таран. Франция пре-

доставила Пилсудскому кредит в миллиард франков, Америка — ещё более весомый кредит в сумме около 160 миллионов тогдашних долларов.

Однако начавшись, эта война в представлении Троцкого и леваков, сторонников немедленной «мировой революции», должна была принести эту революцию на концах сабель красных конников через Польшу в Европу. Командующий же Западным фронтом Тухачевский был креатурой Троцкого, имел непомерные амбиции и самомнение, но не умел мыслить системно. Он рвался и рвался к Варшаве, а точнее — сидя далеко от линии фронта, гнал и гнал к Варшаве всё более устающие советские войска.

Член Военного Совета Юго-Западного фронта Сталин мыслил системно всегда. И поэтому хорошо понимал, что успех красные конники будут иметь лишь до того предела, пока они освобождают родные земли от польских панов. Киев они *освободили* «на ура»... А вот так же *взять* Варшаву?..

На этом Сталин с Тухачевским и разошлись... Сталин не хотел поддерживать Конармией Будённого троцко-тухачевские авантюры, откуда и пошёл позднее «звон» о конфликте Сталина и Тухачевского в польскую войну. Мол, завистник и военный невежда Сталин сорвал блестящие стратегические планы умницы Тухачевского, не дал последнему вовремя Первой Конной и т.д.

Увы, мало кем и по сей день понято, что Сталин поддерживал верное, реалистическое направление удара — на Львов. Львов — это Украина, это — законная часть западного края русской земли. Это — поддержка населения.

А Тухачевский шёл через чисто польские земли и уже видел себя воином Троцкого на просторах «революционной Европы». Именно воином *Троц-*

кого, потому что Ленин в конце августа 1920 года подписал такое постановление Политбюро: «Политбюро постановляет выразить самое суровое осуждение поступку гг. Тухачевского и Смильги, которые издали, не имея на то никакого права, свой хуже чем бестактный приказ, подрывающий политику партии и правительства». Речь здесь о приказе Реввоенсовета Западного фронта № 1847 от 20 августа, где заявлялось, что польская мирная делегация сплошь состоит из шпионов и контрразведчиков и что мир может быть заключен только «на развалинах белой Польши».

В этом приказе — весь Тухачевский: троцкистские амбиции и спесь, склонность к самостоятельной политической роли, игнорирование директив, своеволие.

Не останавливаясь на этой истории подробнее, просто скажу, что правоту Сталина в стратегической оценке ситуации на польском фронте и неправоту ЦК, включая собственную неправоту, позже признал сам Ленин.

Сталин же после польской войны был направлен уполномоченным Политбюро ЦК РКП (б) на Кавказ и сыграл выдающуюся роль в возврате Закавказья в состав России.

Это ведь тоже было общерусское дело, необходимое одновременно и народам самого Кавказа. То, что происходит в Закавказье сегодня, у всех на глазах. Но и девяносто лет назад там происходило нечто подобное — откол от России, активные попытки установления влияния США, Англии, Германии, Турции при откровенно предательском по отношению к интересам грузин, армян и азербайджанцев поведении буржуазной политической «верхушки»: грузинских меньшевиков, армянских дашнаков, азербайджанских мусаватистов.

Но Сталин сохранил для России Закавказье... Безусловно, он был лишь выдающимся организатором кавказских масс в условиях, когда процесс советизации Закавказья был неизбежен объективно. Но всегда ли политические лидеры идут в ногу с историческим процессом? Скажем, сегодня объективно необходимо скорейшее воссоединение с Россией Абхазии, Южной Осетии, Приднестровья... Но бездарные ельциноиды в упор не видят этой объективной реальности и преступно упускают историческое время и исторический шанс — причём в ситуации, ещё более выгодной для России, чем девяносто лет назад.

В такие моменты и выявляется — кто является кем в русской истории и каково в ней место тех или иных исторических фигур и «фигур»...

Возвращаясь же в двадцатые годы, мы видим, что в апреле 1922 года Сталин на Пленуме ЦК РКП (б) был избран Генеральным секретарём ЦК

Впереди были тридцать лет борьбы и труда, названных ещё при жизни Сталина эпохой Сталина.

ЕСЛИ БЫ РОССИЯ не стала Советской, то она оказалась бы полуколонией Запада сразу же после окончания Первой мировой войны. Это — ответ на вопрос: «Что было бы, если бы Россия стала в 1918 году не Советской, а буржуазной парламентской республикой или конституционной монархией?»

А что было бы, если бы после смерти Ленина во главе Советской России оказался не Сталин, а его главный оппонент Троцкий?

В 1918 году Троцкий и Сталин смотрели на развитие событий примерно одинаково. Оба они: один — изысканно, по-барски, другой — просто, по-мужицки, работали для мировой социалистической

республики. Новой России отводилась в ней роль передового отряда. Роль почётная, да не очень-то штабная.

Впрочем, Троцкий при удачном развитии событий себя иначе чем в штабе мировых потрясений не мыслил. Он соглашался лишь на роль партийного «барина» — как когда-то Плеханов. Троцкий органически не был способен на жертвы, если речь шла о личных жертвах. Он охотно жертвовал другими — как политически, так и физически... Но собой... Такого не мог представить себе ни он, ни кто-либо из его окружения...

Сталин же был тем, что точно называли «солдат партии». Он знал, что каждый солдат носит в своём ранце маршальский жезл, но знал и то, что солдат должен быть готов лечь костями в любую минуту, не дослужившись и до капрала. И, даже став уже «маршалом», Сталин сохранил в себе эту вечную готовность истинного солдата к жертве во имя долга, вплоть до жертвы *своей* жизнью.

Кончилась Гражданская война, образовался в 1922 году СССР. Для Троцкого и большинства тогдашней большевистской элиты это означало лишь «мирную передышку» перед новыми мировыми боями.

Сталин же и его соратники слово «передышка» в такой формуле всё чаще и охотнее заменяли словом «строительство». С обязательным прибавлением — «социалистическое».

Вот по этой разнице и начали пролегать вначале трещины различных «оппозиций» и «уклонов», а потом — *пропасть*, разделяющая уже два противоположно различающихся мировоззрения.

Одно мировоззрение — сталинское, осознавшее: «Начинается Земля от советского Кремля». Это мироощущение формировалось как новый уровень самобытного русского чувства — уже свободного

от первоначальной петровской наивности, от провинциального Киреевского «славянофильства» и от кадетской, светящей отраженно-европейским светом, «милюковщины».

Русский монарх Александр Третий говорил хорошо: мол, у России есть лишь два надёжных союзника — «ея армия и флот». Однако на деле, а не на словах он вогнал Россию в гибельный для неё франко-русский союз, уже при его сыне преобразованный в ещё более гибельную для России тройственную Антанту.

Русский монарх Александр Третий оставил истории крылатую фразу: «Когда русский монарх удит рыбку, Европа может и подождать»... Но уже при его сыне — Николае Втором Кровавом Европа предоставляла русскому монарху право невозбранно избивать зубров и оленей в Беловежской пуще да стрелять ворон в Царском Селе, а к серьёзной европейской и мировой политике его не подпускала.

Генералиссимус Суворов не только делал всё с толком, но и говорил хорошо. Он говорил: «Где олень пройдёт, там и русский солдат пройдёт. Где олень не пройдёт, и там русский солдат пройдёт!» Когда австрийский гофкригсрат (высший военный совет) решил отчеканить медаль в честь суворовского перехода через Альпы, Суворов, в ответ на шуточный вопрос адъютанта — как он представляет себе такую медаль, ответил, что на аверсе медали изобразил бы русского солдата и написал: «Бог с нами!», а на реверсе (обратной стороне медали) он изобразил бы гофкригсрат и написал бы: «*бог с ними...*»

Этими же чувствами и мыслями жил и Сталин — как великий патриот России. И такое мышление — даже само о том не зная — могло бы вести свой отсчёт от идей, например, выдающегося русского геополитика Данилевского. Первое изда-

ние его книги «Россия и Европа» вышло через год после рождения Ленина, а за два года до Октября Владимир Ильич в своих феноменально интересных «Тетрадах по империализму» (в тетради «ни») записал: «Данилевский доказывал, что России выгоден разгром Франции в интересах ссоры и вражды Франции и Германии *для* господства России».

Интересная все-таки штука — история! Она протягивает тонкую нить от Николая Яковлевича Данилевского к внимательно читавшему его Ленину, а от Ленина с его пониманием значения для России Германии — к Сталину, уже с его пониманием значения Германии для нас, с его противодействием попыткам Троцкого и Радека поссорить Российское и Германское государства с начала 20-х годов.

Впрочем, я отвлёкся... Дело не в предтечах политики Сталина, а в сути дела! Впервые в своей истории новая, то есть — сталинская, Россия не созерцала собственный пуп, как Россия боярская, не смотрела в прорубленное Петром окно на завидную европейскую жизнь, не подсматривала в замочную скважину парижских борделей...

Россия впервые посмотрелась в зеркало и... начала приводить себя в порядок.

Себя! И для себя!

Писаная, но только-только отмывающаяся от грязи красавица, она поглядывала то на людей, то в зеркало, чтобы видеть там, опять-таки, *себя*.

Эта Россия все яснее сознавала *свою* красоту и верила в *собственные* судьбу и звезду.

Вот чем уже в первые годы своей самостоятельной политики был велик Сталин, вот чем он зарабатывал себе первое место в истории России — выработкой у русских чувства национальной полноценности! Лишь в России Сталина поэт мог сказать: «У советских собственная гордость, на буржуев

смотрим свысока!» В том числе и поэтому Сталин, уже после смерти этого поэта, сказал: «Маяковский был и остаётся лучшим поэтом нашей пролетарской эпохи...»

Второе мировоззрение, пытавшееся после окончания Гражданской войны утвердиться в России, было троцкистским. Враждебное первому, сталинскому, оно было пропитано неверием в самоценность России и в её личный творческий путь.

Наиболее ярким представителем такого мышления был даже не сам Троцкий, а его ближайший сподвижник Христиан Раковский — революционный космополит по всей своей биографии (он даже родился в Румынии). Фигура ныне почти забытая, а в двадцатые годы — знаменитая. Председатель Совнаркома и нарком иностранных дел Украины, секретный эмиссар в Европе и собеседник основателя веймарской Германии Вальтера Ратенау в 1922 году, посол СССР в Англии в 1923—1924 годах, посол во Франции в 1925—1927 годах!

Заслуги Раковского во внешнеполитическом становлении СССР без преувеличения можно определить как выдающиеся. Но он был предан не России как России, а СССР как базе для организации «мирового пожара». Утром 5 декабря 1927 года, на XV съезде ВКП(б), он обратился к собравшимся в Кремле делегатам с речью, которая стала его последним публичным появлением в роли крупного государственного деятеля. Слово ему предоставил председательствующий Рыков, а закончить выступление Раковский не смог. Под бушевавшую в зале бурю и крики: «Долой! Исключить его из партии» он ушёл в политическое небытие.

Почему?

В 1927 году Раковский с трибуны съезда чётко выявил как свою позицию, так и позицию своего оппонента Сталина. Раковский — «глашатай «непримиримых», как его называли — обвинил Сталина в том, что он не просто берёт курс на «закрепление и расширение мирной передышки», но более того — уверовал в возможность «мирного сожительства СССР с капиталистическими странами».

Раковский же, как убеждённый троцкист, считал, что победу социализма обеспечит только «священная революционная война». Только так можно-де «разжать тиски, которые душат первое пролетарское государство», и перевести в лагерь социализма крупные промышленные страны Западной Европы, затем их колонии и в конечном счете — весь мир.

Раковский заявил, что создалась трагическая (его собственная оценка!) ситуация: СССР «перестал быть идеологической опасностью для капиталистических правительств».

То, что СССР Сталина готовился к первой пятилетке, Раковского не ободряло. Наоборот — в этом (*конкретно в этом!*) он видел доказательство «контрреволюционности сталинского ЦК».

И выходило, что со сталинским Советским Союзом, превращавшимся из пролетарской базы мировой революции в социалистическую *Россию*, ни Раковскому, ни Троцкому, ни десяткам и сотням тысяч их сторонников было не по пути!

Тогда не все в России осознали это до конца, с полной ясностью. А вот опытный Мировой Капитал сразу разобрался в смысле деятельности Троцкого, и не иронией истории, а точным расчётом надо объяснять то, что в период, когда Троцкий, находясь внутри Союза, хотел свалить Сталина, буржуазные газеты вроде бы поддерживали... Сталина.

Скажем, «Нью-Йорк таймс» перед XV съездом заявляла: «Не уничтожить (политически. — С. К.) оп-

позицию (то есть троцкистов. — С. К.) означало сохранить то взрывчатое вещество, которое было подложено под капиталистический мир».

Выходило, что Сталин уничтожал в лице Троцкого «мину», подложенную под Капитал. Но если Сталин оказывался чуть ли не агентом капитала, надо ли было «Нью-Йорк таймс» заявлять об этом так громогласно, разоблачая перед русскими коммунистами «капиталистического приспешника» Сталина? Зачем было усиливать позиции в СССР Троцкого, так якобы опасного для Капитала? Тем не менее крупнейшая газета Капитала сама давала козыри в руки Раковского, и он предъявлял их с трибуны съезда!

Странно?

Нет!

«Нет» потому, что это была умная поддержка Троцкого Западом по принципу «от противного». Капитал уже понял тогда, что не так страшен советский штык, как советские серп и молот.

Революционный «штык» — это Троцкий. Это — изнуряющая Россию внешняя распря со всем миром.

А за Сталиным — укрепляющие Россию «серп и молот».

Троцкий — это красивая идея для *сотен тысяч* увлекающихся идеалистов.

А Сталин — если он прочно окажется во главе мощной и богатой страны, где не властен Капитал, это убедительный пример для *миллиардов* простых людей.

Считать же Капитал умел.

А когда Троцкий был изгнан, буржуазные газеты сочувственно отзывались об изгнанном из СССР Троцком и клеветали на Сталина. Теперь нужнее было *это*, потому что Сталин и СССР Сталина приобре-

тали в глазах всех честных людей всё более привлекательный облик.

Да ведь Сталин того и заслуживал! Он ведь — вспомним свидетельство мадам Толстой — обладал несомненным обаянием.

ВОТ ПИСЬМО Сталина дочери. Я привожу его по фотокопии, помещённой в книге Александра Николаевича Колесника «Главный телохранитель Сталина», состоящей не из сплетен, а из фрагментов судебного дела бывшего начальника охраны Сталина, генерала Власика — личности, заслуживающей отдельного разговора, в этой книге, впрочем, избыточного.

Почерк Сталина при яркой индивидуальности настолько разборчив, что без всякой натуги читаешь:

«Моей хозяйюшке-Сетанке - привет!

Все твои письма получил. Спасибо за письма! Не отвечал на письма потому, что был очень занят. Как проводишь время, как твой английский, хорошо ли себя чувствуешь? Я здоров и весел, как всегда. Скучновато без тебя, но что поделаешь, - терплю. Целую крепко-накрепко.

Твой секретаришка

Папка-Сталин

Целую мою хозяйюшку.

22/VII 39».

Так может писать не просто любящий отец, но и предельно несебялюбивый человек. Ведь тот, кто, как мажордом церемониальную трость, несёт перед

собой своё «величие», ни за что не напишет ничего подобного! Выпяченное брюхо не позволит!

А ведь это написано уже многолетним главой мировой державы, одним из лидеров мировой политики — что тогда не все в мире признавали вслух, но не могли не признавать в реальных политических планах и расчётах! Это написано «товарищем Сталиным»!

И это же написано очень добрым, неспесивым человеком. Способным на самоиронию и...

И, кроме прочего, обладающим фактически идеальным душевным и духовным здоровьем. Ко временам «катастрофы» относится гнусная акция, главным действующим лицом которой стала ныне уже покойная внучка академика Бехтерева — тоже академик Наталья Бехтерева. Тогда широко тиражировалось её заявление о том, что Сталин-де, по словам её деда, был параноиком. А уже в «россиянские» времена Бехтерева простодушно призналась, что ничего такого дед не говорил, а её просто «попросили» так сказать...

Случай для клеветы на Сталина не рядовой. Но — типичный. И тут невольно вспоминаются горькие слова Пьера Огюста Карона де Бомарше, который очень хорошо знал, что такое наветы клеветников: «Прежде оклеветаем его, а уж затем вменим ему в вину дурную славу, которую сами и создали»...

Типичными примерами социального (в данном случае точнее будет сказать — антисоциального) заказа в чистом (или — в грязном?) виде являются и «биографии» Сталина, написанные авторами типа генерала «от идеологии» Волкогонова, Эдварда Радзинского, братьев Медведевых и им подобных. Возьмём «Взлет и падение Сталина» Федора Волкова — в 70—80-е годы заурядного «советско-агит-

проповского» историка. Несмотря на антагонизм фамилий, Волков и Волкогонов оказались в одной «стае» — фальсификаторской. Так, ещё в 1989 году доктор исторических наук Волков вместе с другим доктором наук Арутюновым сообщили, что знакомились с документом, подтверждающим сотрудничество Сталина с царской охранкой, а подлинник, мол, хранится в Центральном государственном архиве Октябрьской революции в фонде Департамента полиции Енисейского губернского жандармского управления.

При этом доктора наук цитируют заведомую фальшивку — так называемое «письмо жандармского полковника Ерёмина», запущенное в оборот американцем Левином и сработанное весьма топорно, начиная от неверной формы углового штампа и его орфографии, продолжая ошибками текста и заканчивая явной подделкой подписи Ерёмина, хорошо известной архивистам по *подлинным* документам Департамента полиции.

Но что показательно! Волкову хочется остаться в рамках исторического исследования, а не пасквиля, и поэтому в его книге хватает не только злобы, но и фактов, цифр из жизни СССР сталинской эпохи. И при вдумчивом чтении результат оказывается противоположным авторскому замыслу. Перед нами предстаёт не злобная, а великая фигура Сталина в его многотрудных борениях за мощь и величие страны.

А, впрочем, что нам доморощенные «аналитики», когда есть, скажем, сравнительное жизнеописание Сталина и Гитлера, принадлежащее перу знаменитого английского историка сэра Алана Буллока. Его «Гитлер и Сталин. Жизнь и власть» — книга известная, в разных странах мира изданная и переизданная.

Два тома могут вместить многое, и сэр Алан многое в них вмещает. Но чего? Казалось бы, такая книга — если это труд историка, написанный для широкой публики, просто обязана быть не только популярной, но и историчной, то есть точной в фактах и аккуратной в концепциях.

Однако можно ли всерьёз принимать историка, который ссылается на цифровые оценки, касающиеся репрессированных в СССР, сделанные физиком Сахаровым? Крупнейший специалист в своей области, физик Сахаров в истории и политике разбирался чуть лучше, чем в палеонтологии.

Но это так, мелочи. Чтобы понять уровень «историчности» и «основательности» сэра Алана, достаточно открыть наугад почти любую из страниц его «сталинско-гитлеровской» эпопеи и сравнить утверждения, там имеющиеся, с историческими данными. Скажем, Буллок может написать так: «Хотя рабский (! — С. К.) труд в лагерях был и не очень производителен, всё же он составлял часть советской экономики: миллионы трудились в шахтах, полтора миллиона на стройках, прокладывали железнодорожные пути».

Это написано не фантастом или бульварным писателем. Это написано историком, который может не приводить цифр, но обязан их знать, а не зная, не имеет права какими-то цифровыми данными оперировать.

Так вот, по Буллоку, в сталинском СССР только на шахтах трудились миллионы «рабов-шахтеров». Что ж, сверимся с цифрами...

В 1913 году в России имелось 643 745 горнозаводских и горнорудных рабочих. Это всего — не только на шахтах. На шахтах работало 194 тысячи человек. Число врубовых машин не достигало тогда 100 (ста), а удельный вес механизированной добычи

угля не достигал и двух процентов (1,7 %). Практически вручную добывалось 29 117 тысяч тонн угля.

Ко временам, описываемым Буллоком, добыча угля в СССР возросла до 64 миллионов тонн в 1932 году и 128 миллионов тонн в 1937 году. При этом одних лишь тяжёлых врубовых машин в СССР имелось 1278. Отбойных молотков — почти семь тысяч! А механизированная выемка угля достигла к 1937 году 89,6 процента (в Германии тогда — 84,7 %, в США — 77 %, в Англии сэра Алана — 51%). Правда, катали добытый уголь ещё больше чем наполовину вручную.

По сравнению с 1913 годом число шахтёров в стране увеличилось к 1935 году до 425 тысяч человек... Немало, однако «миллионами» «рабов», «отысканными» где-то Буллоком, на шахтах и не пахло. К тому же каменноугольная промышленность СССР тогда была чуть ли не самой передовой в мире, и иначе быть не могло! Это ведь не шутка — увеличив число работающих вдвое, увеличить добычу более чем вчетверо. Это могут обеспечить не «рабы», а новейшая механизация производства, что в СССР и произошло, и весьма квалифицированные работники.

Увы, «объективность» в кавычках Буллока типична для всех антисталинских «исследований». Так, уже доморощенные клеветники, братья Медведевы (один из которых, Жорес, уже давно, правда, пробавляется британской овсянкой), в книге «Неизвестный Сталин», ничтоже сумняшеся, утверждали, что «главную роль в быстроте практического решения» всех задач советского Атомного проекта «в форме реакторов, заводов, полигонов и всей инфраструктуры играл безусловно ГУЛАГ (именно так, строчными буквами. — С. К.), уникальный гигантский резерв высокоомобильной и, по существу, рабской, но квалифицированной рабочей силы»...

В системе Главгорстроя СССР МВД СССР, ответственной за строительные — не более того — работы в Атомном проекте, действительно работало в некоторые периоды до ста и более тысяч заключённых, находившихся, к слову, в достаточно удовлетворительных — для заключённых — условиях.

Но, во-первых, заключённые работали на крупных стройках и в 60-е, и в 70-е годы, что вообще-то вполне объяснимо. При этом все стройки могли бы быть успешно завершены и без них.

Во-вторых, ни о каком интеллектуальном участии заключённых в создании реакторов, заводов, полигонов и прочей инфраструктуры атомной отрасли говорить не приходится (участие немецких специалистов в атомных работах — это отдельная статья, к тому же они жили и работали, не будучи заключёнными, в местах хотя и изолированных, но курортных в точном смысле этого слова).

В-третьих, за сведениями, опровергающими «ГУЛАГовские» инсинуации Медведевых, я отсылаю читателя даже не к своей книге «Берия: лучший менеджер XX века», а к официальному многотомному изданию документов «Советский атомный проект», под редакцией Л.Д. Рябева, над которым уже много лет работают два таких опытных ветерана атомной отрасли, как Г.А Гончаров и П.П. Максименко. Там, к слову, имеются любопытные данные о тех «художествах», которые творили на «объектах» освобождённые по окончании срока «жертвы сталинизма»... Из-за них научные и инженерные работники и члены их семей одно время вечером нос на улицу боялись высунуть.

ТАК ОБСТОЯЛИ ДЕЛА с «миллионами рабов» Булло—ка на шахтах Советского Союза и прочими «рабами», включая «атомных»... А как там было в СССР

Сталина вообще с «рабским трудом» — как категорией социальной и нравственной?

К теме репрессий тридцатых годов я обращаюсь в этой книге впервые, однако вернусь к ней ещё не раз, потому что сегодня «Большой террор» — пожалуй, последний крупный антисталинский «козырь» «демократов»... И поскольку он, хотя порядком и засаленный, пока что «играет» в массовых антироссийских «играх» весомую роль, этот козырь надо раз за разом бить и бить...

Прежде всего надо сказать, что репрессии и система ГУЛАГа в СССР тридцатых годов — сложное явление, и настоящий (то есть честный) историк должен подходить к ней особенно тщательно.

Например, сегодня «продвинутые» журналисты охотно иллюстрируют свои статьи о «Большом терроре» фотографией, где на переднем плане замурзанный парень в ватнике и ушанке держит в руках большое долото, поставленное на валун, а второй парень в ватнике готовится ударить по нему кувалдой. И это — на фоне каменных склонов, групп других заключённых, занятых кто чем, чекистов в шинелях и кожанках...

Начало того, что «демократы» называют «Большим террором» и о чём я в своё время ещё скажу, относится к августу 1937 года, а излюбленное «демократами» фото сделано не позднее 1933 года, потому что запечатлело эпизод строительства знаменитого Беломорканала, который вступил в строй в 1934 году.

Но не это даже главное... Замечательно то, что фото взято из официальной фактически книги об истории строительства Беломорско-Балтийского канала имени Сталина, написанной коллективом советских писателей по предложению Горького, который её и редактировал.

Эта книга поражает своей психологической достоверностью не из-за такой уж сверхталантливости её профессиональных авторов, среди которых были Е. Габрилович, М. Зощенко, В. Инбер, В. Катаев, В. Шкловский, а из-за помещённых в ней исповедей ряда «каналоармейцев» из числа бывших вредителей-инженеров, которые и на Беломорканале работали инженерами, а также из числа бывших уголовников.

В книге была описана, например, жизнь бывшего дельца-инженера, бывшего начальника обороны Зимнего дворца полковника Ананьева... И там же был помещён портрет инженера К.А. Вержбицкого с подписью: «Бывший вредитель, а затем один из авторов проекта Беломорстроя. Награжден орденом Ленина».

Это были судьбы, действительно *перекованные* трудом и эпохой Сталина. И это поражало тогда, и ещё более поражает сегодня!

Чтобы показать неоднозначность той эпохи, я .остановлюсь лишь на одной из её трагических судеб...

Георгий Иванович Поршневу, в своё время — весьма известный книговед... Работал, ездил в Германию. А в начале 30-х стал заключённым как раз на Беломорканалстрое. Его письма к дочери, изданные в 1990 году, показывают, как тогда всё было непросто...

Вот письмо от 3 апреля 1932 года: *«Устремлений никаких... Я разучился размышлять, сознание не озаряется мечтой... Я по-прежнему верю в прогрессивный ход исторического процесса, восхищаюсь соцстроительством и сам по мере сил и разума участвовал в нём, но меня давит обрушившийся на меня позор и полное игнорирование личности, человека»...*

Казалось бы, вот он, приговор «рабскому труду» устами самого «раба». Но тон письма от 1 мая уже иной: *«Мир хорош! Май - праздник не хуже пасхи. Природа его ещё ласковее, а смысла неизмеримо больше. Сегодня меня не смущают даже гримасы истории и превратности судьбы. Я слушаю прибой общественного возбуждения Москвы, Ленинграда, Харькова (у «рабов» Беломорстроя были не только радио, но и свои газеты, журналы. — С. К.), завидую идущим в колоннах и созерцающим их, и радуюсь. Да, мир хорош, дочка! Умирать ещё рано, тем более что в наши беспокойные годы и покойникам покоя нет»...*

А уж письмо от 4 июля вообще рисует очень странный для «сталинского раба» образ жизни: *«Вновь, милая, роюсь в книжной пыли, купаюсь в легендарном Онего и брожу по Медвежьим горам. Погода прекрасная, столь же очаровательно озеро (и пляжи, как в Евпатории)».*

Прошёл год.

И «рабские» письма приобретают вообще невероятный вид: *«От книжной повинности, дорогая, ты совсем освобождаешься. Премного сыт. В очереди стоят Роллан, Гёте, Блок, Тынянов («Восковая персона»). Рука тянется к журналам («Кр. Новь», «Нов. Мир», «Звезда», «Октябрь» и проч.), к Реформатскому («Техническая редакция книги»), Кугелю, Боборыкину... Жду и ищу Белого «Маски». «Поэзия и правда» Гёте разочаровала»...*

Как это понимать? Это зачем же «рабам» (а речь — о рабочей библиотеке для заключённых и вольнонаёмных) Тынянов?

Ну, писал бы «раб» о том, что его разочаровала баланда — тут бы все было на месте. А Гёте?..

Ну, искал бы он лишний чёрный сухарь, так нет — подай ему Белого! Да не хлеба, а поэта...

Через три дня новое сообщение — о некоем «открытии». Что могло обрадовать «раба» на этот раз — дыра в колючей проволоке или в стене продовольственной кладовой? Нет: «*Калевалу*» *открыл!*..»

Н-да...

В «рабскую» концепцию это всё втискивается едва ли. Хотя трагедию не отменяет. Но что до наших болей сэру Алану Буллоку. Ему сподручней довольствоваться фальшивками типа солженицынских. Уж они-то в его «историческую» концепцию вписываются идеально.

Как и многочисленные фальшивки и клевета о сталинской коллективизации сельского хозяйства.

СУТЬ РЕАЛЬНОГО Сталина лучше, чем в любых его делах при жизни, выявилась в первые дни после его смерти: **страна плакала**. Что значат по сравнению с этим все опусы стаи волкогоновых с Волковыми и радзинскими? Когда умер Брежнев, страна ухмыльнулась. Смерти Ельцина она не заметила. Смерти Горбачёва наверняка обрадуется. А по Сталину она рыдала. Между прочим, 5 марта 1953 года величайший богослов двадцатого века Карл Барт говорил, что он годами молился за Сталина... Не грехи его отмаливая, а желая ему здоровья.

А ведь даже в тот, 1953-й, год более половины населения России жило на селе. Ко времени же года «великого перелома», к 1930 году, Россия была сельской более чем на три четверти.

Плакала ли бы Россия по Сталину, если бы коллективизация сельского хозяйства не была насущной необходимостью, которую Сталин осознал раньше других, но, к слову, и не первым.

Впрочем, обо всём по порядку...

В 1929 году в СССР начиналась первая пятилетка. Её успех или неуспех определял всё — и положение России в мире, и судьбу России.

19 ноября 1928 года Сталин выступал на пленуме ЦК:

«...Вопрос о быстром темпе развития индустрии не стоял бы у нас так остро, как стоит он теперь, если бы мы имели такую же развитую промышленность и такую же развитую технику, как, скажем, в Германии, если бы удельный вес индустрии во всём народном хозяйстве стоял у нас так же высоко, как, например, в Германии. В том-то и дело, что мы стоим в этом отношении позади Германии и мы далеко ещё не догнали её в технико-экономическом отношении.

Вопрос о быстром темпе развития индустрии не стоял бы так остро, если бы мы представляли не единственную страну диктатуры пролетариата, а одну из стран пролетарской диктатуры. При этом условии вопрос об экономической самостоятельности нашей страны, естественно, отошел бы на задний план, мы могли бы включиться в систему более развитых пролетарских государств, мы могли бы получать от них машины для оплодотворения нашей промышленности и сельского хозяйства, снабжая их сырьем и продовольственными продуктами. Но вы знаете, что мы не имеем этого условия. Вот почему вопрос о том, чтобы догнать и перегнать экономически передовые страны, Ленин ставил как вопрос жизни и смерти нашего развития...»

Итак, вопрос индустриализации для России был вопросом жизни и смерти. Но чтобы работать, рабочему надо есть. А тогдашнее село хлеба городу не давало — даже на полуголодный паёк...

15 января 1928 года литерный поезд со Сталиным отправился на три недели в Сибирь.

Новосибирск, Барнаул, Рубцовск, Омск...

Разговоры выявляли ситуацию невесёлую: сельскохозяйственная проблема заходила в тупик. В 1926/27 году СССР вывез 2 миллиона 178 тысяч тонн зерна, а через год — только 344 тысячи, и 248 тысяч даже пришлось ввезти. Причина была не в неурожаях, а в том, что село не хотело отдавать зерно «задёшево». Кулаки саботировали хлебопоставки и выжидали повышения рыночных цен *второе* (!).

Чем должна была Советская власть кормить тех, кто на заводах и фабриках должен был заложить основу новой индустриальной мощи России?

Чем она должна была кормить тех, кто должен был строить тысячи новых заводов и фабрик?

Ещё пятнадцать лет назад на среднего жителя Российской империи приходилась в день *одна чайная ложечка* сахара. Среднестатистический же крестьянин сахара не видел, по сути, вовсе. В докладе Пятому съезду уполномоченных объединённых дворянских обществ 1909 года его автор В. Гурко писал:

«Вывоз хлеба происходит не от недостатка, а от нужды, происходит за счет питания населения. Наш народ, как известно, вынужденный вегетарианец, то есть мяса почти никогда не видит».

Советская власть дала мужику землю и *сытость* — во второй половине двадцатых годов, при восстановлении дореволюционного производства

зерна, его вывозилось в четыре-пять раз меньше, чем раньше!

В наследство же от столетий царизма остался у села кругозор не дальше воробьиного носа. Заканчивалась первая треть двадцатого века, а психология среднего крестьянина недалеко ушла от века этак восемнадцатого. В обстановке тех лет такой разрыв грозил уже не отсталостью, а гибелью страны. Россия не смогла бы ни развиваться, ни защищаться.

К тому же могло ли тогдашнее село Россию прокормить — даже при желании?

При «демократическом» кандидате на право олицетворять собой в XXI веке всю историю России — царе Николае хлеба вывозили много за счёт голодного брюха крестьянина, а не за счёт крупного товарного производства зерна, о чём, как видим, беспokoились даже дворяне на своих съездах. Когда началась Первая мировая война, эта слабость русского сельского хозяйства проявилась очень быстро. И не большевики, а царское правительство 29 ноября 1916 года впервые ввело понятие «принудительная продразвёрстка», выпустив постановление «О развёрстке зерновых хлебов и фуража».

Всё это вполне определённо показал профессор Кондратьев в своей книге «Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции». В 1922 году её издали тиражом в две тысячи экземпляров, и один из них был в личной кремлёвской библиотеке Ленина. Второе издание — 1991 года — тоже массовым не назовёшь: четыре тысячи экземпляров.

Из данных Кондратьева сразу было видно, что хлебный экспорт царя держался на недоедании мужика без всякой пользы для последнего, зато с большой выгодой для первого. Не было бы заплат на зад у Ивана, и любовница царя и великих князей, ба-

лерина «Малечка» Кшесинская, не имела бы ни дворца, ни бриллиантовых гарнитуров.

Теперь, в конце двадцатых годов, надо было пойти даже на крайность, на «перелом», на заплаты, для того чтобы взамен у крестьянина появились трактор и свой, русский, ситец. Но главное — чтобы у России появились в необходимых для обороны количествах свои **самолёты и танки!**

Но для этого надо было накормить миллионы новых рабочих России...

Понимала ли необходимость этого деревня?

Нет.

Что оставалось? Только то, что предлагал...

А кто и что предлагал?

Читатель наверняка ответит: «Конечно, Сталин! Это ведь он предложил немедленно обобществить крестьянские хозяйства!»

Однако, ответив так, читатель ошибётся!

И тут я должен сообщить, что форсированную коллективизацию российского сельского хозяйства предложил не Сталин и вообще не член партии, а беспартийный — выдающийся русский экономист Василий Сергеевич Немчинов.

Родившийся в 1894 году (умер в 1964-м), он был представителем той же русской экономической школы, из которой вышел один из крупнейших экономистов мира Василий Леонтьев и которая сложилась в конце XIX — начале XX века. Специалист в области экономики сельского хозяйства и аграрных отношений, к середине 50-х годов автор более 40 научных трудов, среди которых был удостоенный в 1946 году Сталинской премии учебник «Сельскохозяйственная статистика с основами общей теории», и кавалер двух орденов Ленина, Немчинов был не политиком, а учёным и в конце 20-х годов входил в

коллегию Центрального статистического управления СССР.

Немчинов и написал историческую, без преувеличений, докладную записку, собственно — исследование, в котором были не декларации, а цифры. И они показывали, что до 1917 года более 70 % товарного (то есть на продажу) хлеба давали крупные хозяйства капиталистического типа, использовавшие в 1913 году четыре с половиной миллиона наёмных работников! Что к 1928 году в сельском хозяйстве СССР преобладал середняк, не способный обеспечить страну хлебом при всём желании... Что село конца 20-х годов, хотя и обеспечивало общее производство хлеба на 40 % больше, чем дореволюционное крестьянство в целом, почти всё потребляло само, отправляя на продажу только 11,2 % производимого зерна!

Для Сталина знакомство с исследованием Немчинова означало без преувеличения коренной переворот в сознании! Ещё 13 февраля 1928 года, сразу после сибирской поездки, Сталин направил обращение ко всем организациям ВКП(б) под названием «Первые итоги заготовительной кампании и дальнейшие задачи партии». И там он объяснял неудачи в заготовках, во-первых, ошибками центральных и местных властей и, во-вторых, тем, что крестьянам не было обеспечено потребное количество промышленных товаров в обмен на зерно, а точнее — в обмен на деньги, выплаченные им за хлебопоставки.

И вдруг Немчинов строго научно, с цифрами в руках, доказал, что даже если бы село завалили граммофонами, бальными платьями и сарафанами, штиблетами и бочками с «карасином», то всё равно тогдашнее село с его структурой производства не смогло бы дать стране необходимого ей для развития продовольствия!

Слишком отсталым было сельское хозяйство даже Советской России в конце 20-х годов. И «благодарить» за это надо было прежде всего «демократического» кандидата на право олицетворять собой в XXI веке всю историю России — царя Николая Второго... А также его отца, царя Александра Третьего, а также деда Николая — царя Александра Второго, а также прадеда царя Николая Второго — царя Николая Первого...

Это они, вместо того чтобы отдавать делу государственного управления и развития вверенного им государства — как это делал Сталин — все свои силы и всё свое время, тешили гордыню, устраивали смотры, ублажали элиту, закатывали балы, строили любовницам хоромы, попустительствовали казнокрадам... А Россией занимались так — между делом. И даже когда занимались ей, делали это до преступного бездарно!

Что оставалось делать Сталину после того, как он ознакомился с докладной Немчинова?

Ещё 13 февраля Сталин заявлял:

«Разговоры о том, что мы будто бы отменяем нэп, вводим продразвёрстку, раскулачивание и т.д., являются контрреволюционной болтовнёй, против которой необходима решительная борьба...».

Теперь же он узнал из записки Немчинова, что в урожайном 1926 году село произвело 65,5 миллиона тонн зерна — на 25 миллионов тонн больше, чем в хороший год до революции, а продано было всего 7,4 миллиона тонн. Собственно, саму цифру Сталин знал и до этого, но общую картину и её анализ мог дать лишь умный и хорошо знающий проблему профессионал. Выдающийся профессионал Немчинов общий анализ проблемы и дал.

Решение же проблемы должен был дать политик, глава государства. То есть Сталин. Через год начиналась первая пятилетка с её неизбежным увеличением городского населения... Да и без этого к концу 1928 года в городах пришлось ввести хлебные карточки.

Что оставалось Сталину, да и вообще любому ответственному перед прошлым и будущим России государственному деятелю?

Отказаться от форсированной индустриализации? Это означало, скорее всего, безнаказанную оккупацию России в перспективе ближайших пяти-десяти лет.

Восстановить те хозяйства, которые давали до 1917 года почти весь товарный хлеб? Это означало, по сути, возврат к капитализму, то есть возврат к ситуации, когда кто-то жрал устрицы в Париже, а кто-то не имел к столу даже чайной ложечки сахара. Этого Россия, пережившая три революции и две войны, позволить себе уже не могла и не позволила бы этого Сталину.

Да и он сам на это не пошёл бы — он что, за *это* харкал кровью на сорокаградусном морозе в Туруханском крае?

Так что же оставалось Сталину и России?

А то, что Сталин и народ Ивана да Марьи и сделали: преодолевая сопротивление Ванек и Манек всех уровней, они в кратчайшие сроки создали такое сельское хозяйство, которое смогло накормить и село, и город...

ПРИЧЁМ СТАЛИН — это коллективизация. А волкогоновы и радзинские того времени — это её намеренные «перегибы». Хотя хватало перегибов и ненамеренных, потому что наиболее «виновной» в экс-

цессах коллективизации, а точнее — без вины виноватой, оказалась извечная темнота крестьянской массы — как части тех, кто одобрил коллективизацию и активно в ней участвовал, так и тех, кто её вначале не принял и ей противодействовал.

Скажем, в 1929 году — в году, по точному выражению Сталина, «великого перелома» — в стране было (между прочим, все сведения взяты из массового календаря-справочника на 1941 год) почти тридцать пять миллионов лошадей.

А в 1932 году — всего двадцать миллионов.

Овец с козами стало за два года меньше на две трети, свиней — наполовину, коров — на треть. Их вырезали сами крестьяне!

Но резал-то их не Сталин, а мужик, сбитый с толку кулацкой пропагандой тогдашних волкогонных, местечковой спесью тогдашних радзинских и собственным куцым: «не съем, так надкушу».

Вдумайся, читатель! Десятки миллионов зарезанных в одночасье, то есть по сути загубленных голов скота! Вот цена упрямой «единоличности» середняка и классового сопротивления кулака. И это же — одна из причин скудного народного стола в тридцатые годы, одна из причин голода 1933 года...

А вот ещё цифры.

Частные, относящиеся к одной лишь местности, но — красноречивые.

Несколько лет в селе Новики Рязанского уезда оперировала банда в 35 человек. 38 краж, 28 поджогов, 13 убийств, 11 избиений, 3 вооружённых налёта. «Кроме того, — писала «Вечерняя Москва» 17 ноября 1928 года, — бандиты преследовали и избивали комсомольцев, загнав ячейку в подполье. Запуганное население молчало».

Неумение народа думать, его неспособность верно оценить ситуацию и видеть перспективу —

страшные вещи, страшные прежде всего для самого народа.

Скажем, в 1991 году это неумение привело к реализации самых злых замыслов врагов России и дало начало тем гибельным процессам, которые развиваются в пределах границ СССР и вне их по сей день. Причём страшный для народов СССР «момент истины» ещё впереди — когда начнут вымирать профессионалы, когда начнут быстро распадаться уже сегодня распадающиеся общественные связи, когда углеводородную энергетику (на нефти) сменит водородная энергетика (на водороде) и дутое «нефтяное» «благополучие» «россиян» в считанные годы лопнет...

Так ведь и будет — если народы СССР не одумаются хотя бы на краю пропасти.

Для тогдашних крестьян «момент истины» — но благодетельный — был тоже впереди, и потом они будут говорить: «Перед войной мы начали жить...»

А в реальном масштабе времени было всякое...

Историк Вадим Валерианович Кожинов в своих оценках, как на мой вкус, точен далеко не всегда. Однако его книги содержат много интересных фактов. Относятся к ним и данные, которые В.В. Кожинов приводит со ссылкой на крайне малотиражную книгу современного тюменского писателя К.Я. Лагунова о Тобольском крестьянском восстании 1921 года.

Далее я цитирую книгу Лагунова по книге В.В. Кожинова «Правда сталинских репрессий»:

«Дикая ярость, невиданные зверства и жестокость — вот что отличало крестьянское восстание 1921 года... Коммунистов не расстреливают, а распиливают пилами или обливают холодной водой и замораживают. А ещё разбивали дубинами черепа; заживо сжигали;

вспарывали животы, набивая в брюшную полость зерно и мякину; волочили за скачущей лошастью; протыкали кольями, вилами, раскалёнными пиками; разбивали молотками половые органы; топили в прорубях и колодцах. Трудно представить и описать все те нечеловеческие муки и пытки, через которые по пути к смерти прошли коммунисты и все те, кто хоть как-то проявлял благожелательное отношение к Советской власти...»

Вот он — народ Манек и Ванек в своём логически, психологически и исторически завершённом виде. Даже читать это непросто... Но знать это надо — для верной оценки значения Ленина и Сталина для России, для понимания того, *от чего* они уводили Россию.

А чем всё закончилось? Что ж, Лагунов — надо отдать ему, при его явном, хотя и вялом антикоммунизме, должное — этого не скрывает. Он хотя и лаконично, но сообщает, что сибиряки быстро разочаровались «в созданной в ходе восстания власти» и «не только спешили покинуть повстанческие полки, но и помогали Красной Армии поскорее затушить пламя восстания... Народ запалил восстание, народ его и гасил...».

Лагунов, как и сам, пожалуй, Кожинов, — вялый антикоммунист, что для россиянствующих интеллигентов достаточно типично. И он, похоже, искренне не понимает, что *гасил-то* зверский, бессмысленный русский бунт против Советской власти народ вместе с Советской властью...

А вот «*запаливал*» его отнюдь не народ. Сам Лагунов описывает одного из истинных поджигателей (точнее, конечно, агента истинных поджигателей) — сельского священника Булатникова. Этот

«служитель Божий» приговаривал к мучительным казням людей даже тогда, когда к ним были снисходительны сами «повстанцы»... Лагунов сообщает:

«Приговорённых Булатниковым учителей, избачей, коммунистов убивали специальным молотком с напаянными зубьями и вилами с зазубренными концами...».

А ведь это — не только реальная историческая деталь из нашей истории, уважаемый читатель!

Это — ещё и «знаковая» деталь, обобщённая суть противостояния того времени!

С одной стороны — Ленин и Сталин, Советская власть и коммунисты, пришедшие к власти в России для того, чтобы сплотить и просветить её народ, а, значит, сделать его истинно свободным. И на их стороне — учителя и просветители...

С другой стороны — жадные собственники, любой ценой желающие сохранить старую, тёмную, невежественную, разобщённую Россию и не оставившиеся для этого перед любыми, самыми зверскими способами. И на их стороне — мракобесы и изуверы.

Стоит ли удивляться, что сегодняшние «россиянские» церковники призывают начать новый крестовый поход против коммунизма? Ведь прозревший народ всегда смертельно опасен для режима олигархов, щедро «отстёгивающих» «батюшкам» несправедные «пожертвования».

Нечто подобное тому, что совершали провокация и невежество в начале двадцатых годов и что описал К. Лагунов, повторится и в период коллективизации на переломе двадцатых и тридцатых годов.

И я об этом сейчас расскажу.

УВЫ, НЕ ТОЛЬКО в 1921 году и не в одном Тобольске хватало жестокого и жадного кулацкого желания сохранить свою неформальную власть и жестокого мужицкого невежества.

Шёл февраль 1930 года. В Пителинском районе Рязанского округа Московской области начиналась коллективизация. Председатель окружного исполкома троцкист Штродах поставил во главе района трёх бездарных, но ретивых «начальников» Федяева, Субботина и Олькина, и они принялись «коллективизировать» район без всякой предварительной подготовки. Зато к такому повороту дела заранее хорошо подготовилась другая сторона.

В сёлах района появились «странники» и «предсказатели», которые рассказывали о колхозах дикие вещи, пугали обобществлением жён и детей по приказу Сталина. Зрело восстание, а штабная «пятёрка» была готова давно: эсер, кулак, поп села Веряево, бывший белый офицер и бывшая уголовница «Алёна-богатырь».

2 марта из семи сел и четырёх деревень вышла толпа под три тысячи человек, в основном — женщин. Кулаки знали, что делали... Знаток русской деревни, народник Александр Николаевич Энгельгардт, о котором читатель позднее узнает подробнее, тонко заметил в своё время: «У баб гораздо больше инициативы, чем у мужиков. Бабы как-то мелочно жадны, без всякого расчёта на будущее. Кулакам это всегда на руку, и они всегда стремятся задушить баб, и раз это сделано, деревня в руках деревенского кулака, который тогда уже всем вертит и крутит».

Это было сказано о деревне 70-х годов XIX века, но было верно для и деревни XX века.

Из села Веряево шли на Пителино. Шли с топорами, вилами и берданками, с иконами и хоругвя-

ми, с пением «Боже, царя храни», под набат коло-
колов.

Толпа росла, а вела её хмельная Алёна с двумя наганами в карманах и гранатами за поясом.

Современник этой смуты пишет так:

«Навстречу обезумевшей от злобы толпе из Пителина вышли милиционер Горюнов с агрономом, чтобы уговорить разойтись по домам, но не успели они открыть рты, как со всех сторон раздались выкрики: «Бей их! Долой!... Дави!... Дави!» И после этого послышались глухие удары колов, треск черепных коробок, и не стало милиционера и агронома. Они были убиты мятежниками, которые, двигаясь дальше, продолжали сметать всё ненавистное им на своём пути».

Районный центр Пителино окружали...

Со стороны Сасово подошёл отряд в триста красноармейцев, впереди которого были командир и Штродах с наганом.

- А, ты приехал нас страшать и в колхозы загонять? Не пойдём! Долой колхозы, — ревела толпа, подбираясь к Штродаху, чтобы разорвать его.

Крепкая Алёна повернулась к Штродаху спиной, взорам красноармейцев открылся громадный голый зад, и его обладательница заорала под улюлюканья **ТОЛПЫ**:

- Вот тебе колхоз! Погляди!

Штродах выстрелил, Алёна упала.

Новый рёв:

- Бей! Смерть коммунистам!

И командир отряда приказывает дать первый залп поверх голов, но только после третьего, всё так же поверх, толпа начала разбегаться...

Тем не менее в тот же день были убиты три председателя колхоза, коммунисты, комсомольцы и некоторые колхозники.

С 5 по 11 мая 1930 года в Пителине шёл суд. За превышение власти разные сроки с последующим запрещением занимать руководящие должности получили председатель райисполкома Субботин, его заместитель Олькин, судья Родин, начальник районного административного отдела Юрков, районный уполномоченный по коллективизации Косырев, секретарь райкома партии Васильченко и ещё несколько человек.

Был снят и Штродах.

А пителинцы, как когда-то и тобольцы, опомнились.

Но никто из них так и не узнал, что о «героических рыцарях борьбы с коммунизмом под Москвой» уже вовсю писали газеты Лондона, Парижа, Нью-Йорка...

Такое вот было это «стихийное» народное волнение.

Много шума на Западе наделала тогда и история внешне совсем другого рода. Почти тысяча колонистов-шведов из села Старошведское Херсонского округа Украинской ССР решила возвратиться в Швецию под влиянием антисоветской пропаганды.

Шведы уехали, но газеты Запада уже не писали о том, что на «исторической родине» у переселенцев сразу возникли сложности с землёй, с работой. Приходилось наниматься в батраки.

И херсонские шведы потянулись обратно. Надо отдать должное шведскому правительству — оно не препятствовало им, как и Советское правительство.

В 1931 — 1932 годах большинство вернулось.

Коллективизация проходила по-разному. Уполномоченный по организации колхоза, военный ко-

миссар Павлоградского округа на той же Украине, бывший чапаевец Сидор Ковпак перед тем, как созвать собрание селян, две недели жил в селе и ходил по хатам.

И уж тут с колхозного пути людей не смогла бы сбить никакая Алёна с выпуклостями любого размера и в любом месте.

Сталин обо всём этом знал. Точная информация о положении на селе ложилась ему на стол в виде сводок ОГПУ. И ответом Сталина были вначале секретные директивы и телеграммы, рекомендующие снизить темпы коллективизации. Но ожесточение штродахов, нетерпение шолоховских нагульновых, подстрекательство кулаков и тёмное иступление крестьянства уже сплелись в один колючий клубок. Телеграммы не помогали.

И тогда появилась статья Сталина «Головокружение от успехов». Вздрыбленная страна начинала приходить в себя. И много позже елецкий крестьянин Димитрий Егорович Моргачёв признавался в своей статье в крестьянскую газету: «Да, уважаемый читатель, трудно и очень трудно отказаться от личной собственности природному крестьянину».

Зато легко отказаться от личной ответственности «природному интеллигенту». Скажем, философ Михайлов и экономист Тепцов через шестьдесят лет после «переломного» 1929 года, в 1989 «перестроечном» году, заявили, что якобы даже в 1940 году колхозные поля давали лишь 88 процентов зерна, хотя занимали 99,1 процента посевной площади. Выходило, что урожайность на личной делянке превышала колхозную в 13 раз? Конечно, это — глупая и злобная чепуха.

Правдой, впрочем, было то, что в конце тридцатых годов личное стадо колхозников превышало

колхозное, однако росло оно намного быстрее, чем в доколхозные годы. Количество свиней с 1923 по 1929 год увеличилось на девять миллионов, а с 1932 года по 1938-й — на пятнадцать миллионов.

Но ведь и это — не по щучьему велению... Пленум ЦК ВКП(б) в июне 1934 года постановил «в кратчайший срок ликвидировать бескоровность колхозников». Выражение корявое, однако смысл искупал все литературные изыяны.

А вскоре улучшился и сам словарь коллективизации. VII съезд Советов СССР в феврале 1935 года решил повести дело так, чтобы «к концу второй пятилетки не осталось ни одного колхозника, который не имел бы в личном пользовании коровы и мелкого скота».

Но до этого стране пришлось пережить трагический 1933 год. Год голода.

Тогда в одно сплелось многое... Под ножом провокации недавно погибли миллионы голов скота. Привычка к коллективному труду укреплялась не очень-то. Профессор-народник Энгельгардт когда-то написал известную книгу писем «Из деревни», где в письме седьмом описал типичный крестьянский двор из нескольких родственных семей так

«Все отлично умеют работать и действительно работают отлично, когда работают не на двор, а на себя. Каждая баба смотрит, чтобы не переработать, не сделать больше, чем другая. Каждая моет *свою дольку стола* (выделение моё. — С. К.), за которым обедают».

Дольку, читатель!

Многие сыновья и дочери (вдумайся, читатель, — всего лишь *сыновья и дочери!*) энгельгардтовских «баб» работали в колхозе ни шатко ни

валко — «боясь, как бы не переработать за соседа, даже если работали с утра до вечера». Это — не моя выдумка, читатель, а цитата из седьмого номера журнала «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства» как раз за 1933 год.

К слову сообщу, что Сталин 31 декабря 1928 года на заседании Политбюро по вопросу «Доклад Донугля и ЦК горняков о работе Донугля» говорил:

- Факт является фактом, что прогулы растут. Факт является фактом, что профсоюзы прямой открытой борьбы с прогулами не ведут, не выступают открыто. Недавно было сообщение из Шахтинского района, что есть рабочие, которые 25 дней в месяц ходят к врачу. На предприятии их считают героями...

Это ведь тоже — от крестьянской темноты, от психологии «дольки» народишка Ванек и Манек... В 1921 году обрусевший немец М.М. Гаккебуш, уехавший в Германию, издал в Берлине под псевдонимом «М. Горелов» книгу с заглавием «На реках Вавилонских: заметки беженца», где было написано:

«...«Богоносец» выявил свои политические идеалы: он не признаёт никакой власти, не желает платить податей и не согласен давать рекрутов. Остальное его не касается...»

Практически в то же время — 11 сентября 1922 года и писатель Михаил Пришвин, живший в деревне, записал в своём дневнике:

«...Крестьянин потому идёт против коммуны, что он идёт против власти...»

Имелось в виду — вообще против «власти»!
Любой...

Ни Гаккебуш-Горелов, ни Пришвин не были социально активными людьми, занятыми вместе с Лениным и Сталиным делом преобразования России. И писали они не об Иванах да Марьях, а о Ваньках и Маньках... Но ведь таких было большинство!

И вот тут пришла засуха. Недород... Особенно на Украине стихии помогли тогдашние волкогоновы и радзинские — это был удобный повод вызвать недовольство Сталиным. Всё, что ослабляло Сталина, было выгодно Троцкому, даже если это ослабляло СССР.

А кроме троцкистов, были выжидающие своего шанса эсеры, монархисты, белогвардейцы, националисты, просто саботажники и — как ни странно — действительно агенты иностранных разведок.

Монархическая газета «Возрождение» писала 28 марта 1930 года:

«Необходимо подумать, как отомстить этой сволочи, да отомстить так, чтобы не только завыли, но чтобы земной шар лопнул надвое, услышав стоны большевиков. Мечь, мечь и мечь, на истребление! И не здесь, за границей... Там, в самом гнезде этой сволочи».

18 апреля эта же «газета» повторила: «Нужно что-то делать сейчас, не откладывая, желать хоть конца мира, только чтобы уничтожить большевиков».

Такое вот «возрождение» готовила нам эмиграция. А в самой России хватало её единомышленников и прямых порученцев.

Стервятники по натуре, они тут же слетались на поле смерти. Ведь ещё во времена голода в Поволжье 1921 года член кадетского «Всероссийского комитета помощи голодающим» (известного и как «Прокукиш» от фамилий его сопредседателей Прокоповича, Кусковой и Кишкина) Булгаков

в своём дневнике писал: «И мы, и голод — это средство политической борьбы».

Тогда им удавалось действовать открыто, теперь они действовали тайно.

Но действовали.

Однако основная причина была всё же в недороде. Люди пухли, ели лебеду и умирали. Умерли тогда миллионы.

И тут опять не обошлось без природной безнравственности «природных интеллигентов». Трагедией спекулировали тогда, спекулируют и поныне. Английский ученый Виткрофт изучил эти годы пристально и пришёл к выводу: просчёты коллективизации и голод 33-го унесли около трёх миллионов жизней. Это — уже очень много. И это, очевидно, и есть истинная цена, заплаченная напоследок русским народом за былую социальную инертность, за темноту и отсталость.

Но «тельцы мнози тучны», помянутые Сталиным однажды в 1917 году, окружают историческую правду, перемалывают её своими крепкими зубами в труху, и цифры растут: 9 миллионов, 18 миллионов, 20 миллионов «загубленных и репрессированных».

Вначале — Стивен Розфилд, потом — Роберт Конквест... За ними — волкогоновы и радзинские всех сортов...

И чёрт ли для русского интеллигента в том, что по «статистике» Конквеста получается, что к концу 1937 года в СССР за решёткой, не считая уголовников, был якобы каждый четвёртый мужчина, а в городах — каждый второй.

Так кто же тогда срывал распутившиеся «в парке Чаир» розы для юных и не очень юных подруг? Кто обеспечивал постоянно растущую рождаемость?

Бирмингемец Виткрофт назвал свою работу «Ещё одна (! — С. К.) клюква Стивена Розфилда»,

а отечественное интеллигентское «болото», которое высмеивал молодой русский грузин в серой шинели в 1917 году, жадно набрасывается на эту развесистую «клюкву» и заглатывает её, не морщась. И объявляет раскулаченного (справедливо ли, несправедливо) — фигурой с «типичной для нашего народа судьбой».

Хотя для простого человека всё более типичной становилась судьба уверенная, осмысленная.

Большая...

Интеллигенция высокомерно объявляла сама себя совестью народа, но на самом деле та её часть, которая была враждебна новой власти, оказывалась лишь сгустком народного политического невежества. Русский народ — народ крестьянский. А русского крестьянина веками отучали быть хозяином своей судьбы. И вот теперь, когда Сталин и большевики эту привычку ломали, слишком многие держались **за неё по привычке к привычному.**

Хотя за старым стояли невежество, голод, иностранная кабала, гибель и смерть...

У МУЖИЦКОЙ серости и кулацкой злобы оказалась и ещё одна высокая человеческая цена: четверть миллиона кулацких и середняцких семей отправились в ссылку. Это — немало, потому что это — трагедия полутора миллионов человек. Но это и немного, если знать, что ломкой одного процента было оплачено будущее остальных девяноста девяти процентов. Да и многих из этого же одного процента.

Среди воспоминаний современников тех событий можно найти показательные свидетельства. Потомок древнего княжеского рода Гедиминовичей Сергей Голицын после революции мальчиком остался с семьёй в России, скончался в 1989 году и ос-

тавил «Записки уцелевшего». За всю свою долгую жизнь Голицын, похоже, так и не понял сути происходившего с его Родиной — он и не хотел её понимать и судил об эпохе как обыватель. Но именно искренней непосредственностью восприятия и ценны такие вот его строки:

«Для крестьянства самыми страшными временами были последние три месяца 1929 года и первые три месяца 1930-го, когда, точно под ударами топоров, рушились вековые устои, обычаи, привычки жителей села. Брат Владимир высказывал мысль о группе садистов, захвативших власть, которые довели страну до такого состояния, что казалось, она покатилась в пропасть. И нет таких сил, чтобы её удержать...»

Голицын, к слову, признаёт и то, что началось массовое уничтожение скота самими крестьянами.

Итак, в восприятии русских дворян князей Голицыных, большевики — это «группа садистов», а их политика — «пропасть».

А вот немецкий дворянин, генерал Фридрих фон Меллентин, битый большевиками, оценивал ту эпоху по её **результатам иначе**.

Напомню, он писал: «..Дисциплина — главный козырь коммунизма. Она явилась решающим фактором в достижении огромных политических и военных успехов Сталина... Умелая и настойчивая работа коммунистов привела к тому, что с 1917 года Россия изменилась самым удивительным образом. Не может быть сомнений, что у русского всё больше развивается навык самостоятельных действий...»

Впрочем, нельзя упускать из виду то, что в первый период коллективизации, как и в более поздний период массовых репрессий, на объективные

процессы, историческая необходимость которых для обеспечения будущего России была несомненной, враждебные России силы наложили ряд сознательно негативных факторов.

Сталин об этом знал. Вот, например, типичный для того времени документ — совершенно секретная записка, направленная Сталину заместителем председателя ОГПУ Ягодой и начальником Секретно-Оперативного управления ОГПУ Евдокимовым 20 марта 1930 года... В этой объёмной, содержащей как конкретные факты, так и верные обобщения записке, в частности, говорилось:

«Массовые перегибы и извращения в ходе коллективизации и раскулачивания по многим округам Сибири приняли угрожающие размеры. Непрекращающиеся извращения вызывают серьёзные колебания в настроении середняцко-бедняцких масс, что создаёт благоприятную почву для развёртывания кулацкой к[онтр]-р[еволюционной] агитации и для распространения кулацкого влияния на часть середняков и даже бедноты. <...>

Необходимо отметить, что в ряде районов (Ачинского, Славгородского окр[угов] и др.) массовые перегибы и грубейшие извращения не были только результатом непонимания и искажения директив вышестоящих организаций — низовыми аппаратами, но являлись в значительной мере следствием неправильных директив, преподаваемых районными организациями (РИКи и райкомы) и уполномоченными окружных организаций. <...>

Приводим ряд фактов, иллюстрирующих грубые ошибки руководства. <...>

Крутинский райком ВКП(б) Канского окр. дал такую директиву:

«Конфискации (у кулаков. — С. К.) подлежат все имущество, с оставлением необходимой одежды и посуды, исключая ценную посуду...»

В с. Ярском Томского окр. секретарь ячейки ВКП(б) арестовал двух бедняков за то, что они выступали на общем собрании против коммуны и высказались за организацию с.х. артели...», и т.д., и т.п.

А вот три конкретные фигуры, чьи имена прочно связаны с эксцессами коллективизации.

Иосиф Варейкис — сын рабочего, в то время первый секретарь обкома Центрально-Чернозёмной области...

Карл Бауман, сын крестьянина, окончивший в 1916 году Киевский коммерческий институт...

Мендель Хатаевич, сын торговца, в 1930 году первый секретарь Средне-Волжского крайкома.

Все три — большевики с дореволюционным стажем, активные участники революции и Гражданской войны. И все три — активные, жестокие «перегибщики» в деле коллективизации, лично виновные в том, что в их регионах она была связана с ненужным насилием, погоней за процентами и прочим подобным...

Что двигало ими?

Троцкистские взгляды и планы? Возможно...

Вульгарное моральное разложение и сомнение? Очевидно, и не без того...

Несогласие со Сталиным и сознательный подрыв его авторитета и его политики? Пожалуй, было и такое...

Но требовалось время, чтобы со всем этим разобратся, — ведь это были не явные враги, а старые члены партии, профессиональные её кадры. В 1937 году всех трёх расстреляли. Но в 1930 году их Сталин всего лишь одёрнул — за неумную ретивость.

Князья Голицыны воспринимали происходящее как гибель, но их опровергает уже статистика быстрого роста колхозных валовых сборов хлеба при меньшем количестве занятых на селе. России ещё предстояло пережить голод 1933 года, но это был последний в российской истории массовый голод — послевоенный голодный 1946 год уже не был отмечен таким ужасающим количеством голодных смертей, как это было в 1933-м...

Во второй половине тридцатых годов в России была создана база кооперированного крупного товарного производства всех видов продовольствия с хорошими перспективами развития этой базы. Но уже в отягощенном эксцессами 1930 году, в октябре, ОГПУ перехватило и направило Сталину донесение английского дипломата Вильяма Стрэнга в Лондон, где он сообщал, кроме прочего, следующее:

«...Народу тяжелее теперь, чем было год тому назад, и вероятно, ему придётся перенести весьма тяжёлую зиму... В некоторых отношениях многим теперь живётся лучше, чем жилось до революции, или, по крайней мере, имеют представление о лучшей жизни. В то время как до революции их стол состоял главным образом из чёрного хлеба, капусты и огурцов, теперь они считают себя вправе есть мясо и масло и по возможности достают эти продукты. Многие теперь носят кожаную обувь, чего раньше не было <...>

Не похоже, что пятилетний план рухнет, хотя на основании информации самой советской прессы можно нарисовать самую печальную картину его выполнения... Конечно, постоянно что-то где-то не ладилось благодаря высоким темпам... Но, обыкновенно, в конце концов ошибки исправляются. Налицо имеется очень много путаницы, но, с другой стороны, очень много достижений.

У русских есть умение добиваться осуществления огромных планов исключительно благодаря своему упорству...»

Ещё недавно тон донесений английских дипломатов был иным — злобно-снисходительным.

Теперь же Западу приходилось задумываться: какой станет Россия под руководством Сталина уже в ближайшие годы?

ОДНАКО нас должна интересовать и психологическая сторона жизни некоторых общественных кругов, и поэтому вернёмся к князю Голицыну ещё раз. В 1929 году он жил в Москве и развлекался со своими сверстниками вечеринками с фокстротом. Молодой, здоровый, достаточно образованный парень. Его арестовали, но вскоре выпустили. А перед этим следователь с искренним — по словам самого Голицына — участием сказал ему:

- Я хочу вам дать совет от себя лично. Сейчас по всей стране началось грандиозное строительство. А вы фокстроты танцуете. Вам следует включиться в общенародный созидательный процесс. Мой вам совет: уезжайте из Москвы на одну из строек, усердным трудом вы докажете свою приверженность Советской власти.

Голицыну не хотелось уезжать из Москвы, и он начал отговариваться:

- Но меня не примут, я лишенец, да ещё с таким социальным происхождением.

- В избирательных правах вы будете восстановлены, — убеждённо ответил следователь.

Но разве мог такой честный совет дойти до души Гедиминовича, если он и его приятели на тех вечеринках с фокстротами забавлялись в 1929 году разгадкой таких вот «предметных» шарад: под потолок нагромождали башню из стульев, а потом она рушилась. Отгадывали замысел все: «Это социализм строится».

Да, ломали не только судьбы, но и гибельную для страны психологию. Ломали и спесь князей древнего рода, и серость их бывших смердов.

«Психологию» сломали, а Россия получила крупную индустрию, надёжную базу производства товарного зерна и новое село. Мужик — при «божьей помощи» дождями — мог порой дать в двадцатые годы рекордный урожай лучше колхозного середины тридцатых. Но только колхозник обеспечивал устойчивый рост производства.

Через десять лет после переломного 29-го года Советская Россия уже имела такое сельское хозяйство и сельскохозяйственное машиностроение, что смертный голод её народам больше не грозил при любой погоде. Впервые за всю историю России.

И только колхозы и Советская власть в считанные годы вычищали из села многовековой навоз темноты и выводили крестьянскую молодежь на просторы двадцатого века. В 1917 году шестнадцатилетний Иван Чистяков — будущий генерал-полковник, Герой Советского Союза приехал в Питер из тверской деревеньки Отрубенёво, чтобы помогать дяде мести двор дома № 33 по Вознесенскому проспекту.

А через десять лет молодой краском уже изучал книгу Шапошникова «Мозг армии».

В то время кадровый военный не мог жениться без разрешения командира полка. Товарищ Чистякова Лобачёв такое разрешение получил без проблем: его симпатичная избранница Таня была из крестьянок-беднячек. Втроём друзья пошли в загс, где улыбающаяся женщина протянула книгу регистрации браков вначале жениху:

- Распишитесь.

Краском Лобачёв поставил лихой росчерк и протянул ручку невесте:

- Держи, Танюша...

А та лишь молчала и краснела.

- Распишитесь, гражданка, — нетерпеливо поторопила служащая, а Таня расплакалась:

- Я... Я неграмотная...

В тот день невеста поставила три креста не только на бумаге, но и на всей своей прошлой жизни. В конце тридцатых Чистяков вновь встретился со старыми друзьями Лобачёвыми. «Таня, — вспоминал он, — к тому времени уже имела высшее образование, закончила исторический факультет университета».

Ничего подобного в планах Троцкого не было и в помине. И это, читатель, не мнение, а факт. Заверил его сам Троцкий, заявляя в западной прессе: «Оппозиция никогда не бралась «в кратчайший срок догнать и перегнать капиталистический мир». Социалистическую переустройку крестьянских хозяйств мы мыслили не иначе, как в перспективе *десятилетий*. Это осуществимо лишь в рамках международной революции. Мы никогда не требовали ликвидации классов в рамках пятилетки Сталина—Кржижановского...»

Краском Чистяков пошёл за Сталиным и стал советским генералом. Крестьянка Таня пошла

за ним же — и стала историком. А вот такой их ровесник, как краском Бармин, пошёл за Троцким. И кончил тем, что из выпускника военной академии, разведчика и дипломата превратился в «невозвращенца» и очень скоро — в открытого агента спецслужб США. Ещё один их младший современник — князь Голицын выбрал позицию стороннего наблюдателя, высокомерно посматривающего на то, как его народ ликвидирует последствия господства голицынских же предков. Чистопородный вроде бы русский, в переломный момент истории Родины он оказался ей духовно чуждым. До смертного конца он видел эпоху через её невзгоды и не принял её свершений. Но и ему пришлось-таки поработать на стройках пятилеток, пройти по войне инженером-геодезистом, получить ордена и медали, написать книги для детей...

В царской России Голицын прожил бы жизнь припеваючи — бездельником или полубездельником. В России Сталина ему пришлось, пусть и без особой охоты, стать тружеником.

И в этом тоже сказались сила и правота Сталина как народного вождя и строителя державы. И вот почему он не нуждается в приукрашивании.

Точная историческая правда, извлечённая не из сомнительных по нынешним «фальшиво-архивным» временам «фондов хранения», а из зримых дел сталинской эпохи... Правда факта и логики... Этого достаточно для того, чтобы Сталин предстал перед нами тем, кем был в действительности, то есть крупнейшим созидателем во главе миллионов созидателей, самым могущественным патриотом среди миллионов молодых советских патриотов.

ЕЩЁ В КОНЦЕ двадцатых годов враги Сталина начали обвинять его в подавлении инакомыслия. И дей-

ствительно, в стране жестко пресекалась такая «свобода мысли», которая не делала различия между насилием в интересах Капитала и насилием в интересах Труда. *Инако* мыслить в Советском Союзе Сталина было занятием небезопасным. Но это не значило, что не позволялось или не поощрялось стремление *мыслить широко и оригинально*. И как раз это было стилем Сталина. Он не прощал верхоглядства и недобросовестности, но всегда был готов уважать подлинную самобытность.

Хороший пример здесь — его инициатива по отношению к Михаилу Булгакову. В непростое для писателя время Сталин позвонил Булгакову сам и потом помог ему. А вот травили Булгакова как раз те московские интеллигенты, которые признавали единственный вид многообразия: мелочные мнения собственного круга.

Был среди гонителей Булгакова и Фёдор Раскольников — будущий посол-«невозвращенец» и автор знаменитого «Открытого письма к Сталину», а в 1929 году — «начальственно-снисходительный» (выражение жены Булгакова) председатель Худполитсовета при Главреперткоме, претендовавший, по свидетельству опять же Елены Сергеевны Булгаковой, на лавры Шекспира, Мольера и Софокла с Еврипидом, вместе взятых.

В интеллектуальном и духовном отношении этот слой, в котором процветали раскольниковы, чаще всего был литературным ответвлением троцкизма, в национальном же...

Вот критики знаменитого в двадцатые годы литературного журнала «Красная новь»: Лелевич, Авербах, Волин, Гельфанд, Гроссман-Рощин, Гурштейн, Сергиевская, Маца, Нельс, Пикель, Нахамкес, Стецкий, Осип Бецкин, Поляк, Гурвич, Брайнина, Тагер, Чарный, Рамм, Мейлах, Гоффеншефер...

В журналах «Печать и революция», «Литература и марксизм» подвизались Азарх, Гельфанд, Нусинов, Коган, Мац, Эйхенбаум, Фохт, Дынник.

Редакторами «Молодой гвардии» были Авербах и Киришон. В журнале «На посту» рецензировали стихи критики Г. Перекати-Поле (Г. Кальмансон) и Гербстман. Там же могла появиться статья о Горьком с названием «Бывший Главсокол, ныне Центр — уж», или такие вот строки: «Бой беспощаден, патронов не жалко и пленные — излишни».

И там же некто Свердлова писала так: «Прилавки книжных магазинов услужливо предлагают дошкольнику книжку, насквозь пропитанную чуждой пролетариату идеологией». Это — о «Цирке» и «Чудесах» Маршака и «Муркиной книжке» с «Мойдодыром» Чуковского.

«На литературном посту» (в другом «журнале марксистской критики») стояли Авербах, Волин, Либединский и барственный Раскольников. А литературные разборы писали критики Гальперина, Исбах, Левин, Мессер, Поляк, Серебрянский, Машбиц-Веров, Коган, Запровская, Кор.

А вот актив журналов «РАПП» и «Литература и искусство»: Ральцевич, Гурштейн, Кронман, Аптекарь, Усиевич, Бочачер, Зивельчинская, Мессер, Альтман, Нусинов, Шупак...

Журнал «Огонёк» начинали Михаил Кольцов-Фридлянд, ещё один Фридлянд, фотограф, и фотограф Шайхет.

Уже в 1928 году Габор даёт в журнале «Прожектор» очерк из Берлина с названием «В лагере врага»... А этот «враг» вот-вот начнёт поставлять в СССР оборудование для промышленных гигантов первой пятилетки.

И пишут о Западной Европе Иоффе, Юст, Кушнер, Альский.

Возможно, кого-то утомили эти перечни... Но как же утомляла многих *в те годы* эта комариная возня *вокруг* жизни и литературы, создаваемой талантом Маяковского, Шолохова, Твардовского, Тихонова, Булгакова, Федина, Толстого, Гайдара, Ильфа и Петрова, Леонида Соболева, Багрицкого...

Среди делегатов Первого Всесоюзного съезда советских писателей из 582 делегатов русских было 243 человека... Из них великороссов — 201, украинцев — 25, белорусов — 17. Евреев насчитывалось 113 человек

А Московская делегация выглядела вообще хоть куда: из 175 делегатов великороссов — 91, белорусов — 1, украинцев — 1, евреев — 57.

Белорус Франциск Скорина и великоросс Иван Фёдоров явно промахнулись, занимаясь первопечатным делом на русском языке. Вернее было бы сразу осваивать идиш... Ибо к тридцатым годам двадцатого века нация Пушкина и Шевченко статистически пасовала перед литературными наследниками Шолом-Алейхема в десятки раз.

Вот кто создавал атмосферу нетерпимости и местечковости, мелкой групповой возни и группового же, фракционного попустительства «своим». Вот тот слой, который мельтешил вокруг дела, а не делал его. В конце двадцатых и начале тридцатых годов так было не только в литературе, но и в политике. Травили не только Булгакова, но и Сталина. Позднее многие из тех, кто его травил, будут славословить его так, что даже направление кое-кого на лесоповал не умеряло иудиного «восхищения» оставшихся...

Заболевающий нарком иностранных дел Чичерин в 1929 году уже отошёл от дел, точнее — его от них оттеснили, даром что Сталин считал, что Чиче-

рина надо оставить, даже если он будет работать по два часа.

22 марта 1929 года Чичерин пишет Сталину из-за границы:

«Когда я сейчас пишу вам, вспоминаю Ройземана (член Президиума ЦКК с 1924 года. — С. К.), Литвинова (будущий преемник Чичерина Меер Баллах. — С. К.), Мифа (деятель Коминтерна Фортус. — С. К.), у меня сразу обостряются боли. Если вместо хороших работников нам навяжут учеников Ломинадзе, Шацкина, Семёнова (заведующий издательством «Правда». — С. К.), я могу быть лишь за тысячу вёрст...»

И весь этот последний перечень относится к молодой гвардии троцкизма. В 1927 году выражался Чичерин и так: «Что же это делается! Проституированный Наркоминдел! Хулиганизированный Коминтерн! Зиновьевцы руководят делами». Это — взгляд на ситуацию изнутри глазами знающего человека. Не Сталин, а Троцкий, Зиновьев и их ярые приверженцы делали невозможными нормальные рабочие дискуссии о том, как лучше *строить* страну, а не ввергать её во внешние и внутренние авантюры.

И не жажда власти, не нетерпимость, а законное чувство занятого по горло практической работой человека заставляли Сталина писать Молотову в июле 1929 года:

«Статьи Стэна и Шацкина — это либо глупость редакции «Комсомольской правды», либо прямой вызов Центральному Комитету партии. Называть подчинение комсомольцев (а, значит, и членов партии) ге-

неральной линии партии «службизмом» — значит, призывать к пересмотру генеральной линии партии, к расшатке железной дисциплины, к превращению партии в дискуссионный клуб. С этого начал свою «работу» Троцкий. От этой же печки танцевал Зиновьев. Этот же путь избрал себе Бухарин. На этот путь становится и группа Шацкого — Авербаха — Стэна — Ломинадзе. Пора призвать к порядку эту группу, сбивающуюся на путь мелкобуржуазного (троцкистского) радикализма, так как только таким образом можно будет выправить этих молодых товарищей и сохранить их для партии».

А вот письмо находящемуся в отпуске Молотову от 5 декабря 1929 года:

«Молотштейну привет! Какого чёрта забрался как медведь в берлогу и молчишь? У нас дела идут пока неплохо. Сегодня решили увеличить неприкосновенный фонд продовольственных до 120 миллионов пудов. Подымаем нормы снабжения в промышленных городах вроде Иваново-Вознесенска, Харькова и т.п. О наших внешних делах должно быть уже известно тебе. Дела с Китаем должны пойти. Видно здорово их поугадили наши ребята из Дальневосточной (речь тут о конфликте на Китайской Восточной железной дороге, КВЖД. — С. К.). Только что получили от Чан Сюеляна телеграмму. Америку и Англию с Францией с их попыткой вмешательства довольно грубо отбрили. Мы не могли иначе поступить. Пусть знают большевиков. Думаю, китайские помещики тоже не забудут наших предметных уроков...»

Письмо человека — это его стиль, это сам человек. И человек, умеющий писать такие письма, — хороший, духовно здоровый, энергичный, но *очень* занятой человек. Через три недели он пишет Молотову так:

«Привет Вячеславу! Я знаю, что в душе ругаешь меня за молчание. Нельзя отрицать, что имеешь на это полное право. Но войди в моё положение: перегружен до безобразия, спать некогда (буквально!)...»

И некогда церемониться, если в связи с обесцениванием бумажных денег шустрые дельцы начинают скупать серебряную монету, спекулировать ею и припрятывать. Пятаков предлагает ввезти дополнительное серебро из Англии, но Сталин рекомендует другой метод — «проверочно-мордобойный».

Читатель, я не боюсь сообщить тебе эти слова Сталина, потому что применять такой метод к тем, кто ходит «весёлыми ногами» в часы народных трудностей, — это и есть высший гуманизм настоящего народного политического вождя. Ведь у труженика возможности *скупать и припрятывать* просто нет. Он деньги тратит на жизнь.

Не так ли?

ПРИЧЁМ у Сталина всегда, всё время, которое он находился во главе государства, находилось время на всё... В том числе на литературу, театр, на искусство вообще и особенно на кинематограф.

Так, в том же 1929 году он просматривает программный для тогдашнего советского кинематографа фильм Эйзенштейна, Александрова и Тиссэ, вначале имевший название «Генеральная линия» и потом, по совету Сталина, названный скромнее —

«Старое и новое»... К слову, Сталин «переименовывал» фильмы неоднократно, и каждый раз — удачно, точно!

О «Старом» же и «новом» Григорий Александров вспоминал в 1939 году вот что:

«Как-то днём, когда Эйзенштейн и я проводили обычную лекцию со студентами ГИК, в аудиторию вбежал дежурный. Он сообщил, что нас спрашивает товарищ Сталин. Через мгновение мы были у телефона.

- Извините, что я оторвал вас от занятий, — сказал Иосиф Виссарионович. — Я бы хотел поговорить с вами, товарищи. Когда у вас есть свободное время? Вам удобно завтра в два часа дня?..»

Когда же на завтра режиссёры были в Кремле, Сталин сказал им:

- Вы — киноработники — даже сами не представляете, какое ответственное дело на вас возложено. Относитесь серьёзно к каждому поступку, к каждому слову вашего героя. Помните, что его будут судить миллионы людей. Нельзя выдумывать образы и события, сидя у себя в кабинете. Надо брать их из жизни — изучайте жизнь...

Под конец разговора Сталин предложил изменить финал и заметил: «Вам нужно поехать по Советскому Союзу, всё пересмотреть, осмыслить, сделать обо всём свои собственные выводы...»

Авторы фильма «Старое и новое» ездили по путёвке Сталина по стране два месяца, и Александров признавался, что, когда он через несколько месяцев делал в Берлине, Париже и Лондоне доклады о пятилетнем плане Советского Союза, он «реально представлял себе грандиозные результаты, прогля-

дывавшие уже в контурах строительства нашей страны»...

Во время просмотра окончательного варианта ленты кто-то бросил реплику, что образы её недостаточно характерны... И Сталин на это возразил, что художник намечает типы и их образы не только простым перенесением их в своё произведение, но главным образом путём создания.

«Мог же Гоголь, — заметил Сталин, — создавать ставшие ныне классическими образы и типы — бровь, нос, походка, привычки одного, поступок или характерные внешние черты другого — и путём смещения этих черт, путём комбинации наиболее типических создавать свои ныне ставшие уже классическими образы...»

В таком замечании Сталина видно не только хорошее знание истории литературы, но и тонкое понимание природы и методологии художественного творчества.

Впрочем, эти сталинские качества крупные мастера культуры отмечали не раз... Он умел не только понять суть произведения, но и дать точный творческий совет.

И это всегда был совет, а не приказ — хотя случилось и так, что тот, кто к нему не прислушивался, получал трёпку. Но и она не была барственным капризом — Сталин был жёсток (но не жесток!) с деятелями искусства тогда, когда они изображали жизнь политически неверно, — что, надо сказать, влекло за собой, как правило, и творческие просчёты.

В этом смысле характерен случай кинорежиссёра Александра Довженко и его фильма «Щорс». Лента украинского кинематографиста стала классической и того заслуживала. Но мало кто знает, что саму идею фильма об «украинском Чапаеве» подсказал Довженко Сталин.

Впервые Довженко встретился со Сталиным 14 апреля 1934 года в его кремлёвском кабинете. 5 ноября 1936 года в «Известиях» он вспоминал об этом так:

«Меня побудила обратиться непосредственно к товарищу Сталину сумма обстоятельств, сложившихся перед постановкой фильма «Аэроград». Мне было очень трудно. И я подумал: один раз в трудную минуту моей жизни художника я уже обращался письменно к товарищу Сталину, и он спас мне творческую жизнь и обеспечил дальнейшее творчество; несомненно, он поможет мне и теперь. И я не ошибся. Товарищ Сталин принял меня ровно через двадцать два часа после того, как письмо было опущено в почтовый ящик

Товарищ Сталин так тепло и хорошо, по-отечески представил меня товарищам Молотову, Ворошилову и Кирову, что мне показалось, будто он уже давно и хорошо меня знает. И мне стало легко...»

Однако надо сказать, что «Щорс» дался Довженко не очень-то легко, в том числе и потому, что Сталин весьма тщательно и критически изучил сценарий фильма и добивался от его автора максимально широкого политического взгляда на события. Тему о Щорсе Сталин предложил Довженко после «Аэрограда», но сказал:

- Мои слова ни к чему вас не обязывают. Вы — человек свободный. Хотите делать «Щорса» — делайте, но если у вас имеются иные планы — делайте другое. Не стесняйтесь. Я вызвал вас для того, чтобы вы это знали...

Довженко вспоминал:

«Иосиф Виссарионович сказал мне это тихо и уже без улыбки, но с какой-то особенной внимательностью и заботой. Среди трудов огромной государственной важности товарищ Сталин нашёл время вспомнить о художнике, проверить его душевное состояние, *снять с него чувство хотя бы воображаемой несвободы* (выделение моё. — С.К.) и предоставить ему полную свободу выбора...»

Вот такой вот «тиран»...

Этот же «тиран» стал инициатором разработки и принятия новой Конституции СССР. При этом, раздумывая над её обликом, он писал Лазарю Кагановичу:

«У меня такой предварительный план. Конституция должна состоять из (приблизительно) семи разделов: 1) Общественное устройство (о Советах, о социалистической собственности, о социалистическом хозяйстве и т.п.); 2) Государственное устройство (о союзных и автономных республиках, о союзе республик, о равенстве наций, рас и т.п.); 3) Органы высшей власти (ЦИК или заменяющий его орган, две палаты, их права, президиум, его права, СНК СССР и т.п.); 4) Органы управления (наркоматы и т.п.); 5) Органы суда; 6) Права и обязанности граждан (гражданские свободы, свобода союзов и обществ, церковь и т.п.); 7) Избирательная система...»

Характерно то, что Сталин прибавлял: *«Я думаю, что нужно ввести референдум»*.

Принцип референдума в Конституцию ввели, и мнение Сталина о необходимости референдумов доказывало, что он не только не боялся возможности прямого совета власти с народом, но считал такую практику в будущем просто необходимой.

Сегодня в Конституции РФ пункт 3 Статьи 3 Главы 1 «Основы конституционного строя» тоже гласит:

«Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы...»

Однако насчёт «свободных выборов» нынешний «россиянский» «электорат» оскомину уже набил. Относительно же референдума могу сообщить, что действующего федерального закона о референдуме, определяющего его порядок, в «Россиянин» нет. А тот законопроект, который одно время рассматривали, начинается с того, что там перечисляются вопросы, которые на референдум выносить ***не разрешается***.

Вот такая вот «свобода»!

Сталин же...

11 декабря 1937 года, накануне первых выборов в Верховный Совет СССР, он выступил на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа Москвы. На следующий день его речь была опубликована в «Правде», и для современного, сытого картинками «россиянских» предвыборных кампаний, читателя познакомиться с одним фрагментом этой речи будет, пожалуй, ещё более интересно, чем тогдашним слушателям и читателям Сталина.

Он говорил тогда так:

«Я хотел бы, товарищи, дать вам совет, совет кандидата в депутаты своим избирателям... Если взять капиталистические страны, то там между депутатами и избирателями существуют некоторые своеобразные, я бы сказал, довольно странные отношения. Пока идут выборы, депутаты заигрывают с избирателями, лебезят перед ними, клянутся в верности, дают кучу всяких обещаний. Выходит, что зависимость депутатов от избирателей полная. Как только выборы состоялись и кандидаты превратились в депутатов, отношения меняются в корне. Вместо зависимости от избирателей получается полная их независимость. На протяжении четырёх или *пяти* лет, то есть до новых выборов, депутат чувствует себя совершенно свободным, независимым от народа, от своих избирателей. Он может перейти из одного лагеря в другой, он может свернуть с правильной дороги на неправильную, он может запутаться в некоторых махинациях не совсем потребного характера, он может кувыркаться как ему угодно — он независим».

Не напоминает ли это уважаемому читателю нечто, знакомое до отвращения?

Но это ещё не все!

Сталин сказал и следующее:

«Можно ли считать такие отношения нормальными? Ни в коем случае, товарищи! Это обстоятельство учла наша Конституция, и она провела закон, в силу которого избиратели имеют право досрочно отозвать своих депутатов, если они начинают фин-

тить, если они свёртывают с дороги, если они забывают о своей зависимости от народа, от избирателей».

Вот бы такой закон, да «электорату» «демократической» «Россиянин» — если уж на нынешних «народных избранников» нет товарища Сталина...

СТАЛИН на XVI съезде ВКП(б) говорил: «Мы отстали от передовых держав на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние за 10 лет, или нас сомнут».

XVI съезд — это 1930 год, это съезд «развёрнутого наступления социализма по всему фронту».

1930 год минус сто лет — это 1830 год... Чуть ли не наполеоновская эпоха... Может, Сталин тут перебрал через край?

Что ж, пусть читатель судит сам, учтя, что даже в Австрии промышленных рабочих было в сороковые годы девятнадцатого века больше, чем в Российской империи в наиболее «пиковом» для её экономики 1913 году.

В начале двадцатого века расходы по народному просвещению на душу населения в России были в двенадцать раз меньше, чем в Англии... Длина железных дорог на ту же душу — почти в пятнадцать раз меньше, чем в США.

Причём российские железные дороги в отличие от европейских были сплошь однопутными, а половина паровозов приходилась чуть ли не младшими братьями паровозу Черепановых (два из трёх были построены до 1880 года).

Уже знакомый нам В. Гурко докладывал на дворянском съезде уполномоченным объединённых дворянских обществ:

«Все без исключения страны опередили нас в несколько десятков раз. Годовая произ-

водительность одного жителя составляла в России в 1904 г. всего 58 руб., в то время как в Соединённых Штатах она достигла за пятнадцать лет до того 346 рублей».

Неглупый, хотя нередко и ограниченный, исследователь советской науки профессор Лорен Грэхэм из США писал:

«Революции 1917 г. произошли в стране, находившейся в критическом положении. В общем, Советский Союз был отсталой и слаборазвитой страной, для которой скорейшее решение основных экономических проблем было жизненно необходимым. Как это часто бывает в слаборазвитых странах, которые всё же располагают небольшим слоем высокообразованных специалистов, предыдущая научная традиция России имела преимущественно теоретический характер».

Грэхэм попал здесь, что называется, «в точку». В 1913 году российские вузы выпустили 2624 юриста, 236 священнослужителей и всего 65 инженеров связи, 208 инженеров путей сообщения, 166 горных инженеров, сотню строителей вместе с архитекторами.

И даже инженеров фабрично-заводского производства прибавилось в тогдашней России всего на 1277 человек.

Нынешняя ельциноидная «Россияния» усиленно идеализирует *то* прошлое... Не для того ли, чтобы обеспечить народам России подобные «впечатляющие» цифры *в будущем?*

Среди членов-корреспондентов Императорской академии наук по разряду физических наук на

10 отечественных имён приходилось 38 (!) зарубежных.

Зато по разряду историко-филологических наук «свои» преобладали: 16 на 14. Что ж, разводить псевдоисторические и околολитературные туры на колёсах российские интеллигенты всегда были горазды...

Вот каковыми оказываются цифровые дополнения к мнению американца Грэхэма.

Однако этот профессор обнаружил способности не только учёного, а ещё и карточного шулера, когда заявил, что такую особенность советской науки, как необычайно большая роль центральной власти, советское правительство якобы унаследовало от своего царского предшественника. Чуть позднее мы увидим, как центральная царская власть «поддерживала» русскую науку, а что касается молодой советской науки, то надо сказать, что в первые годы Советской власти внимания к науке было больше на словах, чем на деле, потому что на иное не всегда хватало средств.

И хотя уже в двадцатые годы наука в СССР находилась в лучшем положении, чем в царское время, на её серьёзное развитие сил тогда не было. Тем не менее ниже я приведу характерное свидетельство крупного советского оптика, потомка обрусевших шведов Сергея Фриша — между прочим, никогда не ущемлявшегося при Советской власти сына и внука сенаторов и внучатого племянника Председателя Государственного совета Российской империи!

Учитель Фриша — профессор Бурсиан — сразу после революции ворчал: «Наши комиссары — вчерашние полуграмотные рабочие. Они думают, что всякий наш учёный, если он из прежних, перекинется к буржуям. Нет, нас никогда не пустят за границу. Мы обречены на полный отрыв от мировой науки».

Однако с начала двадцатых годов начались длительные научные командировки за границу.

Пример любимца Резерфорда Петра Капицы лишь наиболее известен, но более чем не единичен. Фриш пишет:

«Во второй половине 20-х годов советская физика быстро продвинулась вперёд и во многих направлениях получила мировое признание. Эти успехи были вызваны не только возникновением большого числа щедро финансируемых институтов, но и широким общением советских учёных со всей мировой наукой».

Фриш уже двадцатые годы оценивает как бурный рост. Но на самом деле качественный скачок пришёлся как раз на те годы, которые сиятельные братья Голицыны воспринимали как гибель России. Если в 1929 году научно-исследовательских институтов и их филиалов было в СССР 438, то к концу 1932 года — уже 1028.

Но это был лишь разбег. В 1929 году страна имела двадцать тысяч научных работников, а через десять лет — почти сто тысяч.

Уже в 1928 году «папа советских физиков» Абрам Фёдорович Иоффе, пользовавшийся у Сталина большим авторитетом, организует Первый Всесоюзный съезд физиков. В Москву приехало и много иностранцев, среди которых блистали Дирак, Бриллюэн, Борн, Дебай...

После недели московских заседаний съезд переехал по железной дороге в Горький, а оттуда на специально зафрахтованном пароходе доехал до Сталинграда.

Заседания продолжались на пароходе и в больших университетских городах Казани и Саратове.

Из Сталинграда поездом перебрались в Орджоникидзе, а оттуда автомобилями — в Тбилиси.

В Тбилиси съезд официально закрылся, но большинство ещё поехало на море, в Батуми, и уж оттуда стали разъезжаться по домам.

И в таком воистину празднике мысли проявлялось действительно заинтересованное внимание центральной власти к нуждам и проблемам русской науки и учёных России. То есть лишь в России Сталина высшая власть — впервые с петровских времён начала относиться к науке и учёным как к национальному достоянию.

Но вот два «учёных» — Жорес и Рой Медведевы — заявляют, что наука-де в СССР «не стала... главным двигателем технического и экономического прогресса» и что она якобы всё время лишь «возрождалась», а развитие техники шло путём копирования того, что было достигнуто в других странах.

Что ж, во-первых, чтобы что-то с толком скопировать, и самому надо много знать и уметь.

Во-вторых, если пользоваться не «испорченными телефонами» Медведевых, а знать историю развития науки и техники, то можно понять, что в истории России Сталина имеется лишь один масштабный пример технического копирования, который был обусловлен не соображениями *исторической цейтнота* (как в Атомной проблеме), а действительно прорывными достижениями другой державы. Я имею в виду «ракетный» отрыв от остальных развитых стран Третьего рейха, где Вернер фон Браун с сотрудниками уже во время войны добился выдающегося научно-технического успеха, создав баллистическую ракету Фау-2. Но здесь от немцев катастрофически отстали все, включая Америку. Причём США не только пошли по пути копирования немецкой техники, но и вообще не смогли обойтись без таланта фон Брауна.

Россию же в космос вывел со своими сотрудниками — воспитанниками эпохи Сталина — русский инженер Сергей Королёв. Да и аббревиатуру, относящуюся к первой советской атомной бомбе, РДС-1 её создатели расшифровывали как «Россия делает сама», хотя имела хождение и другая неофициальная расшифровка: «Реактивный двигатель Сталина».

А вот в науке и технике России досталинской — царской положение было совершенно иным.

ЗА ОДИННАДЦАТЬ с половиной лет до Первого Всесоюзного съезда физиков, в январе 1917 года, профессор Богданович на заседании Комиссии по изучению производительных сил России, созданной при Императорской академии наук стараниями академика Вернадского, делал доклад «О месторождениях вольфрама в Туркестане и на Алтае».

Шла война... Вольфрам — это быстрорежущая сталь и, значит, возможность удвоенного выпуска шрапнели.

Богданович закончил сообщением:

- Итак; господа, для изучения туркестанских руд необходимы 500 рублей.

- А наш запрос в правительство? — поинтересовался профессор Ферсман.

- Недавно получен очередной ответ — денег в казне нет. Собственно, господа, как вы знаете, правительство отказывает нам вот уже два года.

Читатель! Богданович не оговорился, и здесь нет описки. У царизма не находилось **ПЯТИСОТ РУБЛЕЙ** на экспедицию. А по росписи государственного бюджета на 1913 год последний царь России Николай II получал 16 миллионов на нужды Министерства Императорского двора да ещё 4 миллиона 286 тысяч 895 рублей «на известное его императорскому величеству употребление».

И это — не считая его доходов от личных земель и прочего.

И это — только царь! А ведь была ещё и свора великих князей и прочих бездельников из «августейшей фамилии».

Таким вот был кандидат телеканала «Россия» на первое место в русской истории...

Богданович уныло поблёскивал очками, и тогда встал академик Крылов, математик и кораблестроитель. Тонотвёрдым и раздражённым одновременно он сказал:

- Что касается Туркестана, тут всё просто — вот пятьсот рублей. Для спасения армии, погибающей от отсутствия снарядов.

- А Алтай? — не унимался Ферсман.

- С Алтаем сложнее... — Крылов задумался, потом ответил: — Карл Иванович не указал, что рудники находятся на землях великих князей Владимировичей...

И вдруг взорвался:

- Это чёрт-те что! Царская семья захватила в свои руки ещё и вольфрамовые месторождения Забайкалья! Вот где уместны реквизиция или экспроприация...

Неловко протиснулась в заседание комиссии тишина, но тут же перешли, впрочем, к другому вопросу. Насчёт пятисот рублей было занесено в протокол, а вот насчёт династии...

Эта ситуация полностью документальна вплоть до диалога... Так что вольно было американцу Грэхэму обвинять Сталина в «безумных темпах» индустриализации и коллективизации.

Темпы определялись простым расчётом.

Вот 1929 год с его крестьянством уровня прошлого века и наукой — уже ушедшей от былой неприкаянности при царе, но ещё не ставшей крупной производительной силой.

А вон там — год 1939-й. Год, по трезвым оценкам, выводящий мир в эпоху нового серьёзного военного противостояния.

Разница — всего десять лет.

За этот срок надо было пройти путь от сохи до танка «Т-34», штурмовика «Ил-2» и мобильных систем реактивной артиллерии «БМ-13», более известных как «катюша».

А ещё надо было от подола рубахи вместо носового платка прийти к массовому владению этой техникой, к сотням тысяч лётчиков, танкистов, авиамехаников, радистов.

Так что глупости писал «скрупулёзный — как его кое-кто аттестует — исследователь истории советской науки» Грэхэм. Темпы-то были взяты с умом, да вот задачи такими темпами надо было решить безумно сложные!

Но — надо.

И можно лишь удивляться тому, насколько остро Сталин — с его всего-то духовной семинарией, прошлым боевика, профессионального ссыльного и бегуна из ссылок, — понимал необходимость для страны мощной науки.

Не вообще понимал, а понимал практически, вот **прямо сейчас**.

Ведь не сами по себе начали расти в СССР научные центры всего спектра знаний! Они создавались по постановлениям Политбюро ЦК партии большевиков.

Тот же академик Крылов, ставший, как и Ферсман, и Вернадский, членом Академии наук СССР, знал, что говорил, когда говорил вот что:

«Русская наука в прошлом не пользовалась уважением царского правительства. Тогда учёный-одиночка работал в основном

«на свою науку». Сейчас учёный работает на народ: он решает задачи гигантского строительства, он создаёт новую промышленность, новую технику. Впервые в нашей стране учёный стал подлинно государственным деятелем».

Но кому нужны были такие государственные деятели? Троцкому? Зиновьеву? Им были нужны деятели новой революции, революции как минимум в европейском масштабе, а не отечественные учёные в области фундаментальных и прикладных наук

Нет, не стараниями троцкистов готовились те постановления Политбюро ЦК, которые давали начало академическим институтам: Энергетическому, Геологическому, Палеонтологическому, Зоологическому, Институту химической физики, Ботаническому, Институту генетики, Институту географии, Институту физиологии растений, Физическому, Институту общей и неорганической химии, Институту физических проблем, Институту органической химии, Математическому, Микробиологии, Институту горючих ископаемых, Институту биохимии, Коллоидно-электрохимическому, Институту эволюционной морфологии и палеозоологии...

Это — только новые институты, только Академии наук СССР, только за пять лет, с 1930-го по 1934-й.

И за этим блестящим перечнем стоял именно сталинский — *лично* сталинский взгляд на то, чем должна заниматься страна: дискуссиями о строении партии или работой под партийным руководством.

Вот бы такой взгляд на отечественную науку — да нынешним «россиянским» «лидерам»!.. Но уж чего не дано — того не дано...

Пётр Капица пробыл в Кембридже у Резерфорда тринадцать лет. В 1934 году ему намекнули из дому «пора бы и честь знать». Отдадим Капице должное — он вернулся в СССР и сразу же стал крупной фигурой в теоретической и прикладной физике, директором Института физических проблем Академии наук.

Вот как писал он Сталину и Молотову о проблемах с материальной базой этих проблем: «Какое же Вы правительство, если не можете заставить построить?»

Тираны такой запальчивости не прощают, а Сталин против *такой* критики не возражал, потому что за ней стояло не мелочное самолюбие позёра, не брюзжание завистника и не злорадство скрытого врага, а деловое желание увидеть поскорее построенными новые лаборатории, установки, цеха. Желание делать новую науку новой державы.

И во имя этой же цели Сталин умел видеть разницу между, скажем, Львом Давидовичем Троцким и Львом Давидовичем Ландау. Первый показывал кукиши Сталину, а внешний мир видел кукиши в сторону СССР.

И это было непрощаемо.

Второй держал фигу Сталину и Советской власти в кармане. Однако при этом в Харькове, в Украинском физико-техническом институте, основанном в 1928 году, он был занят хотя и особого рода, но тоже **строительством**. Строительством нового знания.

И этого оказывалось достаточно для того, чтобы враждебный социализму Ландау мог продолжать работать.

В 1932 году из Харькова на имя Сталина, Молотова и Орджоникидзе ушла телеграмма директора Украинского физико-технического института (УФТИ) Обреимова:

«10 октября научным сотрудникам УФИ первыми в СССР и вторыми в мире удалось осуществить разрушение ядра лития путем бомбардировки ядрами водорода, ускоренными в разряженной трубке».

Да, мы были вторыми, но после кого? Первый ускоритель протонов в том же 1932 году построила страна Ньютона, Максвелла, Фарадея, Кельвина, Резерфорда! В Англии умели ценить труд учёного издавна. Однако ни англосаксы Черчилль и Рузвельт, ни — тем более — череда тогдашних французских и германских парламентских политиканов не шли ни в какое сравнение со Сталиным в уровне осознания перспектив научного знания и его будущего места в прогрессе общества.

Политический лидер, он имел здесь точность взгляда организатора науки, соединённого с расчётом умного промышленного воротилы, знающего, что вложенное в науку всегда окупится с лихвой. Собственно, по хозяйскому и глубокому отношению к науке Иосифа Сталина нельзя сравнить ни с одной другой исторической фигурой в мировой истории, кроме Петра Великого и, естественно, Ленина.

Но Пётр жил во времена, когда Россия вынуждена была пользоваться плодами чужого научного поиска... Петру приходилось заботиться не столько о науке, сколько об элементарном образовании.

Ленин, сам обладая качествами блестящего учёного, успел лишь наметить подходы Советской России к науке.

А Сталин повседневно эти подходы конкретизировал, расширял и углублял, реально создавая научно-техническую базу строительства социализма.

Гедиминовичи-Голицыны «строили» в это время пирамиды из стульев...

Троцкий строил планы свержения Сталина...

Сталин и СССР Сталина просто строили.

Недаром Горький создал журнал с названием «СССР на стройке», где в редакционной статье первого номера заявлялось:

«Чтобы лишить наших врагов внутри и вне Советского Союза возможности искажать и порочить показания слов и цифр, мы решили обратиться к работе солнца — к фотографии. Солнце не обвинишь в искажениях, солнце освещает то, что есть, так, как оно есть...»

Но как вне СССР, так и в самом СССР было немало тех, кто не мог согласиться с местом под солнцем для первой державы, создаваемой не «героями», а народом. А точнее — создаваемой самым выдающимся в мировой истории строителем великой державы Сталиным, величие которого заключалось также и в том, что он прекрасно понимал: герой может иметь успех, лишь опираясь на лучшие силы народа и служа ему.

Могли ли согласиться с таким взглядом те, кто привык опираться лишь на собственный интерес или на интерес своих хозяев?

Нет, конечно.

А могли ли они не противодействовать Сталину?

Тоже, конечно, — нет.

Они, как читатель вскоре увидит, и противодействовали.

ОКТАБРЬ 1917 года в России был вполне логичен, хотя он вряд ли стал бы возможен без энергии и напора Ленина, — он один не только обладал идеальным пониманием исторического момента, но и был

непререкаемым авторитетом для революционных масс, для партии большевиков и для руководства партии.

Но Октябрь был всё же логичен уже потому, что лишь большевики-ленинцы неуклонно усиливали своё положение в *сознательных* массах! Манек и Ванек можно было обмануть, но Иваны да Марьи всё уверенней шли за большевиками. К осени 1917 года на всех выборах в Петрограде и Москве большевики ещё при Временном правительстве получали не менее половины голосов, а среди гарнизонов — и более двух третей!

Россия действительно выстрадала — по выражению Ленина — большевизм.

В начале марта 1920 года Ленин выступал на Всероссийском съезде трудовых казаков:

- Эсеры и меньшевики говорят, что большевики залили страну кровью в гражданской войне. Но разве эти господа не имели 8 месяцев для своего опыта? Разве с февраля до октября 1917 года они не были у власти вместе с Керенским, когда им помогали все кадеты, вся Антанта? Тогда их программой было социальное преобразование без гражданской войны...

Ленин остановился, окинул взглядом внимательно слушающий зал, а потом озорно улыбнулся и продолжил:

- Сегодня мы вправе сказать этим господам: «Нашёлся ли бы на свете хоть один дурак, который пошёл бы на революцию, если бы вы действительно начали социальную реформу?»

По залу пошел понимающий хохот, а Ленин махнул рукой, и во вновь наступившей тишине опять зазвучало:

- Почему же они этого не сделали? Потому что их программа была пустой программой, была

вздорным мечтанием. Потому что нельзя сговориться с капиталистами и мирно их себе подчинить, особенно после четырёхлетней империалистической войны. Как можно согласиться с этим капитализмом, который 20 миллионов людей перекалечил и 10 миллионов убил?..

Ленин ошибся тогда в одном, потому что точной статистики потерь тогда ещё не было. Капитализм убил не 10, а 26 миллионов человек, из них 13 миллионов — гражданских лиц.

Ни в Европе, ни в самом СССР противники нового строя ЭТИХ цифр видеть не хотели. Кто-то просто показывал при этом фигу в кармане. Кто-то имел более серьёзные намерения.

«Промпартию» профессора Рамзина не раз объявляли выдумкой ОГПУ, а расстрелянного в 1929 году горного инженера Петра Пальчинского — «невинной жертвой сталинского террора» и всего лишь «идеологом технократии».

Именно так о нём пишет профессор из США Лоурен Грэхэм. Однако кто мешал этому «идеологу» проводить свои якобы благотельные для народа идеи в жизнь в 1917 году, когда Пальчинский был товарищем министра торговли и промышленности в правительстве Керенского? Да и ещё раньше — когда он руководил капиталистическим синдикатом «Продуголь» и был тесно связан с российскими и международными банковскими кругами.

Но вот как он «технократствовал» в 1917-м...

5 мая 1917 года создано коалиционное министерство, в которое входит Пальчинский. Оно обещает контроль и даже организацию производства.

16 мая меньшевистско-эсеровский Петроградский Совет требует немедленного государственного регулирования производства, и тут же министр Ко-

новалов уходит в отставку, а Пальчинский начинает саботировать все меры контроля.

В Донбассе создаётся катастрофическая ситуация. Не большевистская, а проправительственная газета «Новая Жизнь» сообщала:

«Безвыходный круг — отсутствие угля, отсутствие металла, отсутствие паровозов и подвижного состава, приостановка производства. А тем временем уголь горит, на заводах накапливается металл, когда там, где он нужен, его не получишь».

Донецкий комитет через Советы солдатских и рабочих депутатов организует анкету (всего лишь анкету!) о количестве металла. Промышленники жалуются, и товарищ министра Пальчинский запрещает «самочинные контрольные комиссии». Правительственных же комиссий этот «технократ» не назначает, зато срывает все попытки учёта и регулирования. Возмущение настолько велико, что Пальчинского удаляют из правительства, обеспечив «хлебное» местечко губернатора Петрограда с доходом в 120 тысяч рублей. В качестве такового Пальчинский и организовал оборону Зимнего дворца, выставив вокруг него пушки, предлагая их народу вместо масла.

Этот-то Пальчинский и стал одним из ведущих первых организаторов «профессорского саботажа» и вредительства. В 1926 году это был «Союз инженерных организаций», позднее образовалась «Промышленная партия».

В начале 20-х годов чекисты провели блестящие операции «Трест» и «Синдикат-2» по внедрению своих людей в круги эмиграции. И как раз «Трест» обеспечил тайную поездку по СССР выдающегося деятеля «белого» движения Шульгина. Его не аресто-

вали, позволили вернуться в Европу, и в Берлине он издал книгу «Три столицы» о впечатлениях от Москвы, Ленинграда и Киева. Шульгин ожидал увидеть умирающую страну, а увидел «несомненное её воскресение» и признался, что в Советской России «быстро теряешь отвращение к тамошней жизни, которое так характерно для эмигрантской психологии».

Однако многие «технократы» внутри России это отвращение скрывали с трудом и надеялись на возврат старого тем или иным, но обязательно насильственным образом. В 1921 году много шума наделала поездка в США деятелей так называемого Торгово-промышленного комитета, «Торгпрома», образовавшегося ещё при Временном правительстве, — Петра Рябушинского, Гукасова, Лианозова, Денисова. «Торгпром» и другие объединения промышленников пытались активно влиять на процессы в СССР. Методы при этом избирались, естественно, конспиративные, тайные. В середине 1918 года представители «Торгпрома» внедрили в учётные комитеты при Госбанке, в Главное управление текстильной промышленности ВСНХ — Центротекстиль.

Тогда ВЧК сработала оперативно, однако Пётр Рябушинский в мае 1921 года с трибуны торгово-промышленного съезда в Париже заявил:

- Мы смотрим отсюда на наши фабрики, а они нас ждут, они нас зовут. И мы вернёмся к ним, старые хозяева, и не допустим никакого контроля...

Пальчинский остался в стране как один из тех, кто должен был эту программу подготавливать «на местах». А с кадрами у Пальчинского с Рябушинским проблем не было. Вот сословный состав студентов российских университетов в 1914 году: детей дворян, чиновников и офицеров — более трети, детей почётных граждан и купцов — треть. Остальные —

это дети мещан, цеховых, крестьян, казаков, духовенства (каждый десятый), иностранцев и «прочих».

В высших технических учебных заведениях «белоподкладочники» составляли четверть, дети почётных граждан и купцов — половину студентов.

Так обстояло дело с теми, кого учили.

А кто учил их ещё в 1917 году?

А вот кто: в университетах профессорско-преподавательский состав из потомственных и личных дворян, из чиновников и обер-офицеров составлял 56 процентов, а если сюда прибавить почётных граждан с купцами, то получится уже 64 процента.

Из крестьян и казаков происходило 2,8 процента, а сыновья врачей, юристов, художников, учителей и инженеров профессорствовали в размере всего 4,7 процента.

В технологических институтах, высших технических училищах и политехниках выходцев из этой последней («инженерской») категории было среди преподавателей, как ни странно, ещё меньше — всего 4 процента. Зато «белых» профессоров насчитывалась примерно половина (ещё 15 процентов давало купечество с почётными гражданами, и пятую часть — мещане и цеховые).

Многие из них не захотели сотрудничать с «быдлом» и вместо того, чтобы остаться в трудный час с Россией, эмигрировали. Хотя удалось это далеко не всем.

Своим благополучием их прадеды, деды, отцы и они сами были обязаны народу, его поту и крови. А когда пришло время отдавать долги, они высокомерно увильнули, лишив страну большей части её образованного слоя. Если до революции в одном лишь Лысьвенском горном округе работало 66 инженеров, то в 1924 году на всём Урале их было 91. Теперь от каждого инженера зависело намного

больше, чем раньше. Он мог принести исключительную пользу, а мог и нанести серьёзный вред.

И здесь уж каждый выбирал своё.

КСТАТИ, любителям мифов о «зверствах» ОГПУ не мешает напомнить мнение знаменитого нашего правоведа Анатолия Фёдоровича Кони. Кони царская власть терпела лишь постольку, поскольку он был выдающимся юристом. Родившись в 1844 году, к 1917 году он успел стать членом Государственного совета, сенатором и действительным тайным советником (чин II класса), то есть штатским генералом, кавалером орденов Анны и Станислава I степени, Владимира II степени, Белого орла и Александра Невского.

Это был высший класс чиновных заслуг, но после революции Кони ни минуты не сомневался в том, на чьей стороне его симпатии. И он предупреждал большевиков:

«Вам нужна железная власть и против врагов, и против эксцессов революции, которую постепенно нужно одевать в рамки законности, и против самих себя. А сколько будет болезненных ошибок. И всё же я чувствую, что в вас действительно огромные массы приходят к власти».

Увы, не все обладали таким безоговорочным чувством Родины, как Анатолий Фёдорович.

Были среди специалистов просто недалёкие, растерявшиеся люди. Горный техник Краснянский весной 1927 года писал в газету «Красный шахтёр» Шахтинского округа Северо-Кавказского края: «Мы не догоняем Америку, а наоборот — в противопо-

ложную сторону бежим с быстротой американского поезда, занимаемся самообманом».

Это была, так сказать, «честная паника». Хотя перед наступлением (а дело шло к первой пятилетке) паникёры — явление не лучше предателей.

Были, однако, и просто предатели...

В марте 1928 года Северо-Кавказский крайком партии обсуждал «Шахтинское дело» о вредительстве в угольной промышленности. Шахтинский процесс, прошедший парой месяцев позже, сразу же многие расценили как «очередную штуку большевиков», но председатель краевого исполкома Богданов не ошибался, когда делил старых специалистов на три группы: первый тип — связанные с буржуазией и враждебные Советской власти, второй — связавшие свою судьбу и работу с большевиками, и третий — большинство, промежуточная масса, которая свои убеждения скрывает и работает из-за хлеба.

Что ж, оценка трезвая и без истерики. Главное же — оценка верная в том смысле, что первый тип, увы, существовал реально.

Никто на помянутом выше заседании крайкома не собирался сваливать на вредительство все грехи. Полномочный представитель ОГПУ по Северному Кавказу Евдокимов сообщил: «За 1926/27 операционные годы несчастных случаев, происшедших на рудниках Шахтинского округа, 6213. Неполадок у нас зарегистрировано 1733 и проходит 500 вредительских актов».

Итого, вредительством объяснялся лишь каждый двенадцатый случай. И он-то чаще всего выдумкой не был...

Ильф и Петров хорошо описали настроения «бывших» в то время. Интервенции ждали с часу на час в уверенности, что «Запад нам поможет». И это было не только литературным образом. Вот цитата

из стенограммы всё того же заседания крайкома: «На последнем этапе они настолько обнаглели, настолько уверены, что интервенция на носу, что решили вести себя более активно по подготовке свержения Советской власти».

Что ж, и это звучало убедительно. Скажем, в Донбассе чекисты обнаружили у арестованного инженера Павленко записку хозяина каменноугольного рудника действительного статского советника Парамонова, помеченную... «июня 2-го дня 1919 года».

«Милостивый государь Василий Петрович! — писал Павленко хозяин. — В случае захвата рудника большевиками прошу Вас не оставлять предприятия, всеми мерами заботиться о сохранении шахт, машин и инвентаря...»

Статский советник в 1919 году, на втором году Гражданской войны, явно рассчитывал на скорое возвращение, но ожидание затянулось. Оказалось, что, прежде чем свергать «Советы», надо было их расшатать. И теперь актуальным стал вопрос не о сохранении, а о порче оборудования.

Но зачем хранил столько лет старую записку инженер Павленко? Конечно, он хранил её как своего рода пароль на случай успешной интервенции. Ну, действительно, — не для коллекции же держал инженер Павленко этот небезопасный документ где-то в тайнике целых десять лет!

Да, по мере усложнения обстановки — а она усложнялась потому, что в стране назревали новые огромные перемены, — всё активнее действовали не только большевики, но и наши внутренние враги.

Тут могли быть частные ошибки, но в общем настроении многих «спецов» ошибиться было уже нельзя. И «настроениями» дело не ограничивалось!

Так, с 25 ноября по 7 декабря 1930 года в Москве прошёл открытый судебный процесс «Промышленной партии».

Судили людей, в СССР видных. Профессора Калининков и Ларичев были членами президиума Госплана СССР, профессор Рамзин — директором Теплотехнического института. По «торгпромовской» традиции не обошлось без крупных руководителей из Оргтекстиля ВСНХ.

Подсудимые не раз бывали в заграничных командировках, и возможностей для контактов со старыми знакомыми из эмиграции у них хватало.

Главной на процессе была тема возможной интервенции. Профессор Рамзин говорил:

- Нашей основной ставкой была ставка на интервенцию против Советского Союза, ибо лишь интервенция признавалась верным и быстрым способом совершения контрреволюционного переворота...

Да, без интервенции рассчитывать на переворот не приходилось, так же как без внутреннего переворота внешняя интервенция была обречена ещё до её начала, потому что, хотя имущие классы Антанты и желали страстно падения Советской власти, народные массы Франции и Англии в поход на Москву не пошли бы.

Оставалось одно: действовать руками Польши, Румынии, прибалтийских «лимитрофов» и сил белой эмиграции. И вот такой вариант был вполне реален, потому что каждый возможный участник интервенции был у Антанты в кармане. Кроме того, у каждого из этих клиентов Антанты и США были в СССР свои планы.

Мировой экономический кризис 1929 года ударил по Польше очень больно, и война могла здесь

«спустить пар» (не говоря уже о Киеве — сладкой мечте белополяков).

Румыны постоянно опасались утраты оккупированной ими Бессарабии, и тоже поддерживали бы интервенцию.

Лимитрофы большого значения не имели, но были бы не лишними.

О настроении же офицерской эмиграции можно и не говорить.

То есть шанс был. Но обязательно — при серьёзном внутреннем заговоре. Так что ОГПУ никак не могло выдумать его уже потому, что тут чекистов явно опережали спецслужбы Запада.

Рамзин признавался:

- От прямого технического вредительства центр быстро пошёл к «плановому» вредительству, которое сводилось к таким способам планирования отдельных отраслей народного хозяйства, которые искусственно замедляли бы темп экономического развития страны, создавали диспропорцию между отдельными участками народного хозяйства...

Это говорилось в конце 30-го года — всего через год после начала первой пятилетки. Ещё не время было подсчитывать её успехи и просчёты, и у Сталина не было необходимости объяснять неудачи вредительством. Совсем не с руки было Сталину и расхолаживать народ, «выдумывая» сообщения о том, что в пятилетний план уже при его создании были заложены «мины» планового вредительства. Ведь первой мыслью при этом было бы: «А надо ли выполнять такой план?»

То есть Рамзин говорил правду. И это подтверждается одним письмом Сталина, которое — надо же! — «россиянские» фальсификаторы истории трактуют как доказательство того, что Сталин якобы

придумывал «показания», которые следовало получить у арестованных по делу якобы несуществующей партии.

А ведь это письмо Сталина председателю ОГПУ Менжинскому от октября 1930 года доказывает обратное, а именно то, что Промпартия была реальностью и что показания её руководителей не изобретали в сталинском кабинете.

Письмо же Сталина было вызвано вот чем...

Описания деятельности Рамзина и его коллег (стенограмма процесса и материалы, приобщённые к делу) составили приличную книгу и были изданы в Москве в 1931 году. А материалы следствия были вообще многотомными, и за этой массой показаний и деталей могло легко ускользнуть основное — политический момент.

Тянуть с процессом не позволяла обстановка, а следствие разрасталось. Чекистам были важнее конкретные детали внутреннего заговора, но Сталина — как политика, как ответственного вождя страны интересовали, естественно, не столько явки, сколько общий замысел заговора, стержнем которого была внешняя интервенция.

С мыслью о необходимости такого — «внешнеполитического» — подхода к следствию Сталин и писал:

«Тов. Менжинский!

Письмо от 2/X и материалы получил. Показания Рамзина очень интересны. По-моему, самое интересное в его показаниях — это вопрос об интервенции, вообще, и, особенно, вопрос о сроке интервенции. Выходит, что предполагали интервенцию 1930 г., но отложили на 1931 или даже на 1932 г. Это очень вероятно и важно. <...> Может

показаться, что ТКП (Трудовая крестьянская партия. — С. К) или «Промпартия» представляет главную силу. Но это не верно. Главная сила — ... «Торгпром». ТКП, «Промпартия», «партия» Милюкова — мальчики на побегушках у «Торгпрома». Тем более интересны сведения о сроке интервенции, исходящие от «Торгпрома». А вопрос об интервенции вообще, о сроке интервенции, в особенности, представляет, как известно, для нас первостепенный интерес...»

Как видим, выше идёт речь об уже имеющихся показаниях, о реальных планах интервенции... Но «россиянскими» «историками» ставится в вину Сталину следующая часть его письма:

«Отсюда мои предложения:

а) Сделать одним из важных узловых пунктов новых (будущих) показаний верхушки ТКП, «Промпартии», и, особенно, РАМЗИНА, вопрос об интервенции и сроке интервенции (1. Почему отложили интервенцию в 1930 г.? 2. Не потому ли, что Польша ещё не готова? 3. Может быть потому, что Румыния ещё не готова? 4. Может быть потому, что лимитрофы ещё не сомкнулись с Польшей? 5. Почему отложили инт-цию на 1931 г.? 6. Почему «могут» отложить на 1932 г.? 7. И т.д. и т.п.)...

б) Привлечь к делу Ларичева и других членов ЦК «Промпартии» и допросить их строжайше о том же, дав им прочесть показания РАМЗИНА. <...>

Если показания РАМЗИНА получают подтверждение и конкретизацию в показаниях

других обвиняемых..., то это будет серьёзным успехом ОГПУ, так как полученный таким образом материал мы сделаем в той или иной форме достоянием секций КП и рабочих всех стран, поведём широчайшую кампанию против интервенционистов и добьёмся того, что парализуем, подорвём попытки к интервенции на ближайшие 1—2 года, что для нас немаловажно.

Понятно?

Привет! И. Сталин».

Вот каково это письмо...

Но ведь из его контекста ясно, что предложение Сталина сделать одним из важных узловых пунктов новых (будущих) показаний верхушки Промпартии вопрос об интервенции и сроке интервенции является указанием не фальсифицировать такие показания (из письма Сталина видно, что показания об интервенции уже имелись), а всего лишь перенести акцент в следствии с оперативных вопросов на аспект интервенции...

Казалось бы — всё очевидно! Но вот же, из этого письма, которое я привёл почти полностью, выпустив лишь те части, где Сталин говорит о группе Лиа—нозова—Нобеля и руководстве ТКП, «россиянские» «историки» делают обвинительную для Сталина «улику».

Н-да...

ЗАГОВОРЫ старых специалистов были, увы, реальностью, потому что были внешние силы, прямо заинтересованные в них. Рябушинские, Пальчинские и Рамзины ещё со времён «бывшей» жизни сидели за одними столами и дышали одной атмосферой.

Было время — все они были единомышленниками. Прошло десять лет, и одни старые специалисты порвали былые связи, а другие их сохранили.

Известный книжный график Евгений Кибрик молодым парнем в 1936 году проиллюстрировал знаменитого «Кола Брюньона» Ромена Роллана. На Всемирной выставке в Париже в 1937 году эти иллюстрации получили серебряную медаль. А весной 1931 года Кибрик приехал с творческой агитационной бригадой ЦК ВЛКСМ на строительство Бобриковского химического комбината на Валдайской возвышенности.

Голая серая равнина, ветер, угрюмый пейзаж с недостроенными газгольдерами. Москвичей встретил комсомольский секретарь строительства — маленький весёлый чёрный парень с оторванными кистями рук Раздвоенные кости предплечья — и для еды, и для письма, и для «рукопожатия».

Этот секретарь и рассказал, что проект комбината был составлен так, что заводы строятся, а электростанция для них уже сдана. Стройплощадку под Соцгородок химиков вырубili подчистую, и до ближайшего деревца — три километра. Да и руки он потерял в аварии, происхождение которой было явно вредительским.

Это и был метод работы коллег Рамзина. Они закладывали в проекты цехов дорогие мраморные полы, а в ответ на недоумение отвечали, что, мол, новый труженик должен работать во дворцах. Это был действительно «профессорский» класс подрывной работы.

Где-то хватало ума заменить мрамор на цемент, а кое-где и проходило.

Против новой России пошло меньшинство старых специалистов — примерно один из дюжины. Но под подозрением оказывались и остальные

одиннадцать. Кто-то из них оказался и под несправедливым арестом. Но вот что писал из британской тюрьмы на индийской территории Джавахарлал Неру своей юной дочери Индире Ганди:

«Есть старая русская пословица: «У страха глаза велики». Она удивительно верна независимо от того, идёт ли речь о младенцах, или же о странах и обществах. Нервы у большевиков всегда напряжены, и глаза у них расширяются при малейшей провокации, ибо империалистические страны всячески стараются уничтожить коммунизм, затевая с этой целью всевозможные манёвры и интриги. У большевиков достаточно часто имелись основания для беспокойства, и даже внутри страны им приходится сталкиваться с многочисленными попытками саботажа...»

Да, глухая, а то и открытая злоба буржуазных специалистов на Советскую власть родилась в один день с Советской Россией. И сразу же приняла формы прямой гнусности. Чего стоила одна забастовка, провозглашённая Пироговским обществом в 1917 году! Великий хирург в гробу, наверное, переворачивался, глядя, как порочат его имя те, кому сама профессия предписывала *сострадать*. А врачи Москвы и Петрограда забастовали уже 22 ноября 1917 года — через полмесяца после Октябрьской революции.

И врачами саботаж не ограничивался.

Осенью 1918 года видный кадет профессор Кар-
ташёв говорил в Гельсингфорсе (Хельсинки): «Мы уже не те кадеты, которые раз выпустили власть. Мы сумеем быть жестокими».

Кто же собирался быть жестоким в составе, скажем, кадетского подпольного «Национального центра» на территории РСФСР? Вполне цивилизованные люди: инженер Штейнингер — совладелец патентной конторы «Фосс и Штейнингер», профессора Котляревский, Муравьёв, Устинов, Сергиевский, Муралевич, Каптерев, Фельдштейн, бывший попечитель Петроградского учебного округа Воронцов...

Профессора-экономисты Плетнёв, Букшпан, Кафенгауз были всего лишь «техническими экспертами» центра.

Это «Национальный центр» готовил сдачу Петрограда Юденичу. И шанс у него был — в заговоре участвовали крупные военные, служившие в Красной Армии: адмирал Бахирев, начальник сухопутного отдела штаба Балтфлота полковник Медиокритский, начальник штаба 7-й армии полковник Люндеквист, начальник авиаотряда Ерёмин.

В министры-председатели правительства намечался профессор Технологического института Быков.

Директора Института экспериментальной биологии Кольцова мы знаем как генетика, «пострадавшего» в конце тридцатых годов. А в 1920 году он был казначеем «Национального центра», хозяином конспиративной квартиры и явки для курьеров Колчака и Деникина.

Инженер Жуков готовил взрывы на железной дороге Пенза — Рузаевка, чтобы не допустить переброски войск с Восточного фронта на Южный.

О научных премиях Альфреда Нобеля знает весь мир. Но в 1918 году существовали и ещё одни «нобелевские» премии. Их назначил перед отъездом из России член правления акционерного общества нефтяных предприятий «Нобель» Густав Нобель русским служащим фирмы за саботаж указаний Совет-

ской власти и экономический шпионаж. Среди «лауреатов» были профессор Тихвинский, лаборант «Главнефти» Казин, начальник технического управления «Главнефти» в Москве Истомин, председатель «Главнефти» в Петрограде Зиновьев.

Финансирование и «присуждение» премий было прервано лишь с раскрытием в 1921 году заговора «Петроградской боевой организации». Руководил ей, между прочим, профессор Таганцев — бывший член «Национального центра».

Так что у более поздних угольного «Шахтинского дела», рыбной «Астраханщины» и обширной «Промпартии» были глубокие, прочные корни.

Осенью 1929 года прошла чистка Академии наук СССР. Примерно сотню (из примерно полутора тысяч) сотрудников уволили, некоторых — арестовали. Среди уволенных далеко не все были учёными, и эту чистку никак нельзя было сравнить с увольнением более сотни университетских профессоров царским министром просвещения Кассо за семнадцать лет до этого — в 1911 году.

Но даже в 1936 году далеко не все академики голосовали за исключение из Академии эмигрировавших химиков Ипатьева и Чичибабина. Эти двое, став выдающимися мастерами своего дела, так и не стали русскими патриотами. Такие, как они, и представляли остатки того «белоподкладочного» слоя, который всегда помнил о своём дворянстве больше, чем о долге перед народом Родины.

Даже выдающийся русский математик Лузин, которому наука в СССР обязана многим, в тридцатые годы две трети своих работ публиковал на... французском языке. Кончилось тем, что ему мягко намекнули: мол, ваши идеи, академик, не станут менее привлекательными, если будут становиться известными миру на языке родных осин.

Да, каждый выбирал своё и получал своё. Но даже получая «путёвку ОГПУ» на, скажем, Беломорканал-строй как заключённый, инженер-вредитель к окончанию строительства канала мог стать не только свободным человеком, но и орденоносцем, вновь крупным руководителем.

Судьба многих такой и оказалась, в том числе и судьба профессора Рамзина. Осуждённый на расстрел, он был помилован. Вначале занимался научной работой в заключении, потом его освободили.

Рамзин был действительно крупным учёным, получил орден Ленина и Сталинскую премию, но «промпартийные» страницы его жизни написал всё-таки он сам, а не Сталин.

Сталин же писал вместе с Россией её новую историю. На страницах этой истории было много ошибок, помарок, зачёркиваний, корявостей и клякс. Однако эти страницы, где летопись перемежали репортажи, где сиюминутное смешивалось с вечным, а наивное с новаторским, читал весь мир.

Равнодушных или снисходительных к началу тридцатых не осталось. И друзья и враги всё лучше понимали, что Россия Сталина — это, похоже, всерьёз.

И всё чаще и те, и другие тревожились и задумывались, хотя и по разным причинам.

НЕ ЛУЧШЕ прямого промышленного саботажа оказывался и саботаж нравственный. Бывший конногвардейский офицер Георгий Осоргин в «нэповские» годы занялся перекупкой. Принимал у знакомых — «бывших людей» — драгоценности, золото и перепродавал маклерам-евреям.

Знакомые считали его «безупречно честным» человеком: брал «определённый процент» и «не обма-

нывал». Когда его спрашивали, почему он — офицер, дворянин — занимается маклачеством, Осоргин с гордостью отвечал:

- Я присягал государю императору, и Советской власти служить не хочу.

В конце двадцатых и начале тридцатых годов таких осоргиных хватало. Считали они себя русскими, но вместо того, чтобы помочь новой России стать на ноги, тупо и мелочно предпочитали холуствовать «на подхвате» у тёмных еврейских дельцов.

И у тех, кто эту Россию строил и обязан был думать о её безопасности, всё чаще возникала резонная мысль: «А если завтра запахнет порохом? Как поведут себя эти бывшие конногвардейцы? Ведь никаких моральных обязательств перед СССР они за собой не числят, Родиной его не считают».

20 марта 1935 года было опубликовано постановление НКВД:

«В Ленинграде арестованы и высылаются в восточные области СССР: бывших князей 41, бывших графов 32, бывших баронов 76, бывших крупных фабрикантов 35, бывших помещиков 68, бывших крупных торговцев 19, бывших царских сановников 142, бывших генералов и офицеров царской и белой армий 547, бывших жандармов 113. Часть их обвинена в шпионаже».

Высылали тысячу человек. Кого — в Казахстан, кого — всего лишь в Саратов и Самару.

Жестоко?

Что ж — по отношению к этим «тысячникам» и тем трём тысячам членов их семей, что уезжали вместе с ними, действительно не очень-то милосердно. Но ведь правомерен и такой вопрос: «А как насчёт тех десятков миллионов, с которыми эти ты-

сячи не ощущали себя в национальном и духовном родстве?» Ведь из этих четырёх тысяч вряд ли кто-то искренне считал себя гражданином Советского Союза.

Как и конногвардеец Осоргин, эти тысячи *бывших* русских считали себя согражданами не десятков миллионов русских, живущих в России, а тех, тоже — *бывших* русских, кто в тридцатые годы утюжил за рулём парижского такси асфальт рю Ришельё и Пляс Пигаль или преподавал в эмигрантских кадетских корпусах военную науку тем детям *бывших* русских, которым предстояло пойти войной на Россию, чтобы отвоевать у миллионов утраченные привилегии для тысяч...

Высылаемые, их «безупречно честные» родственники и приятели всегда считали само собой разумеющимся наследственный блеск меньшинства и наследственное же прозябание остальных. А ведь на достойную жизнь имели право и эти «остальные», то есть то большинство, которому царская Россия отказывала в таком праве из поколения в поколение.

Но, может, на восемнадцатом году Советской власти «бывшие» тысячи уже не представляли опасности для «остальных» ста семидесяти с лишком миллионов граждан СССР?

Увы, очень многие из этих «бывших» имущих таили глухую злобу и думали о будущем с надеждой на возврат прошлого. А если они даже не стремились к возврату, то всё равно были вредны для страны своими претензиями на избранность, на особое понимание жизни. Хотя они так ничего и не поняли — по обе стороны границы России. Родственника конногвардейца Осоргина — писателя Михаила Осоргина выслали из России весной 1922 года с советским паспортом. С ним он и жил, писал книги, переписывался с Горьким, просился обратно.

А зачем?

В 1936 году, через год после ленинградского «исхода бывших», Горький пишет старому (с 1897 года) другу в Париж:

«Время сейчас боевое, а на войне как на войне надо занимать место по ту или иную сторону баррикады».

Осоргин отвечал:

«Против фашизма, положительно захватывающего прямо или косвенно всю Европу, можно бороться только проповедью настоящего гуманизма... Моё место неизменно по ту сторону баррикады, где личная и свободная общественность борется против насилия над ними, чем бы это насилие ни прикрывалось, какими бы хорошими словами ни оправдывало себя. Мой гуманизм готов драться за человека. С собой я готов пожертвовать, но жертвовать человеком не хочу. Лучше пускай идет к чёрту будущее».

Однако ни Сталин, ни Россия посылать своё будущее к чёрту не собирались и не были намерены кому-либо это позволить.

Осоргин упрямо не хотел видеть, что его «баррикада» стоит *поперёк* жизни и борьбы за человека. Но было ли это так уж безобидно? Если бы он вернулся в СССР, то вначале путался бы под ногами. А потом?

А потом...

Нет, не стоило испытывать ещё одного путаника-интеллигента на верность идее реального социалистического строительства. Осоргин ведь и в 1936 году писал надменно:

«Вы нашли истину. Ту самую, которую ищут тысячи лет мыслители. Вы её нашли, записали, выучили наизусть, возвели в догму и воспретили кому-либо в ней сомневаться.

Она удобная, тёпленькая, годная для мешанского благополучия. Рай с оговорочками, на воротах икона чудотворца с усами».

Писал Осоргин и так:

«Поражает ваша научная отсталость. Русские учёные — типичные гимназисты. Я просматриваю академические издания и поражаюсь их малости и наивности».

Во-первых, уж не знаю, что мог понять литератор Осоргин, листая «Успехи физических наук» или иной специализированный научный журнал? Во-вторых же...

Во-вторых, нужен ли был новой России этот «кадровый» литературный «борец за человека», уверявший Горького, что не менее его «верует в советскую молодёжь и многого от нее ждёт»?

Парижанин-эмигрант Осоргин строил свою баррикаду поперёк жизни... А молодой москвич, авиаконструктор Саша Яковлев, взволнованный одобрением своего первого «настоящего» самолета «УТ-2», в это время улыбался и смотрел в объектив фотографа, уткнувшего треногу аппарата в дёрн Тушинского аэродрома.

А на плече Яковлева лежала рука стоящего сзади... Кого?

По мнению Осоргина — «чудотворца с усами».

А по мнению Саши — товарища Сталина.

Старшего его товарища...

И этот товарищ не просто *ждал* многого от советской молодёжи. Он её растил, воспитывал и поддерживал её державные начинания.

Поэтому товарищем Сталина считал не один Яковлев и не только те, кто — полные молодого задора — окружали Сталина в тот немного пасмурный, но всё равно радостный и весёлый день. Своим товарищем Сталина называли и искренне считали его таковым миллионы людей в России.

При этом из года в год число этих миллионов не уменьшалось, а росло и росло.

А СЕЙЧАС я коснусь совсем другой стороны жизни СССР Сталина. Как много было сказано позже о якобы искоренении Сталиным духа свободы в России. Попробуем посмотреть на этот устоявшийся миф с непривычного ракурса. Любой специалист по детской психологии знает, что основы личности закладываются к пяти-шести годам. Не расходится с наукой и народная мудрость: «Воспитывай, пока лежит поперёк кровати. Лёг вдоль — уже не выправишь».

Выправить-то можно и позже, но с каким трудом! И уж, во всяком случае, к двадцати-то годам человек в основном «отформован».

Не так ли?

И если так, возьмёмся за тезис номер два... Символом пытливой ершистости, не приемлющей соглашательство, символом отношения к миру, как к дому, где главное — чувство хозяина жизни, стали знаменитые «шестидесятники», которые сами называли себя «детьми хрущёвской «оттепели»...

«Накройте стол на площади Восстанья», — это ведь масштабный стихотворный «заказ» для конкретного состава «сотрапезников»: Вознесенский, Рождественский, Евтушенко, Ахмадулина.

Но «шестидесятники» — не группа и даже не слой. Это — действительно: **поколение**. Поколение Московского фестиваля, песен Визбора и Пахмутовой... Поколение гагаринской весны, Братской ГЭС, молодых стихов тех же Евтушенко, Вознесенского, Рождественского, фильмов Хуциева, Муратовой, Шепитько, фантастики братьев Стругацких и Ивана Ефремова...

В начале шестидесятых годов этому поколению было лет тридцать. Значит, рождения примерно тридцатого — тридцать третьего годов.

Если верить клеветникам на Сталина и эпоху Сталина, основы личности этих будущих «раскованных носителей нового сознания» закладывались «под стоны узников ГУЛАГа», «рѐв толпы, приветствующей «московские процессы», и «скрип сапог «палачей НКВД», поголовно-де арестовывающих целые кварталы.

Причѐм ко дню смерти Сталина, то есть к 5 марта 1953 года, это были уже двадцатилетние парни и девушки, вся жизнь которых от первого крика до первого и — не очень первого поцелуя прошла исключительно в сталинскую эпоху!

Так откуда, спрашивается, тогда у них нестандартность мышления и раскованность чувств? И не формировали ли их на самом деле энергия новых песен, не западало ли ещё с детского сада: «Нам нет преград на море и на суше», «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью», «За правое дело ты гордо и смело иди, не боясь ничего!», «Кто привык за победу бороться, вместе с нами пускай запоёт»?..

Это ведь поколение будущих «шестидесятников» одним из первых разучивало «Багаж», «Кем быть?», «Рассеянного с улицы Бассейной», «Дядю Степу» и «Тараканище», «Мистера Твистера» и «Мойдодыра»...

Это поколение одним из первых зачитывалось книгами Бианки, Бажова, Кассиля, Фраермана, Гайдара, Житкова...

Это для него работали блестящие мастера книжной графики Лебедев, Сафонова, Конашевич...

Для них писали академики Обручев и Ферсман.

Это их ещё несмышлёный, но податливый на хорошее умок слушал рапорты Чкалова, Громова, Папанина, Коккинаки.

Это они ловили горящими глазёнками блеск первых Звёзд Героев Союза и Героев Труда.

Нет, свобода поведения этих тридцатилетних в шестидесятые годы — результат не гнилой хрущёвской «оттепели», а итог сталинских русских холодов тридцатых, которые вымораживали нечисть и закаляли юную душу для умной, деятельной жизни.

«Здоровью моему полезен русский холод», — это Пушкин.

Поэтому не приходится удивляться, что в холодный для врагов России 1937 год страна отметила столетний пушкинский юбилей как государственное событие. Это было столетие со дня не рождения, а смерти поэта, но это был юбилей его нового возрождения в России и прихода к тому массовому читателю, о котором он писал в «Памятнике»...

Нет, всё здоровое в молодых «шестидесятниках» — это от эпохи большевика Сталина. А прибавшая позже души многих из них гниль — от межеумочных лет карьериста и нераскрытого троцкиста Хрущёва, которого сегодня тоже кое-кто прочит в первую фигуру российской истории.

Я перелистываю затрёпанную книгу...

Н. Верзилин. «По следам Робинзона», Ленинградское отделение Детгиза, издание второе, исправленное и дополненное, 1953 г.

Год смерти Сталина...

К этому году мироощущение нового человека уже сформировалось. В октябре 1920 года, на III съезде комсомола, Ленин только мечтал: «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество». К 1953 году с той поры прошло тридцать три года. И книга Верзилина из серии «Школьная библиотека» зримо и убедительно доказывала, что слова Ленина из программы превратились в факт повседневной практики.

Выросли новые — свободные от нищеты духа люди... Люди, настолько обогатившие свой ум знанием духовных и научных богатств человечества, что они уже были способны писать новые книги *для* тех, кто может стать ещё свободнее, ещё интеллектуально, духовно и физически развитее, чем их предшественники.

Всего лишь, казалось бы, книга об истории культурных растений и о полезных дикорастущих растениях. Однако на её страницах естественно соседствуют герои Жюль Верна и Дефо, Твена и Купера, Майн Рида и Арсеньева...

Стихи Лонгфелло об индейце Гайавате и стихи Майкова, Ивана Сурикова, Всеволода Рождественского, Петра Комарова о русской природе...

Цитаты из Саади и Миклухо-Маклая, рассказы о мумиях Древнего Египта и войнах Алой и Белой розы, о приключениях советской лётчицы Марины Расковой...

История чая, кофе, красок, бумаги...

И советы, как эту бумагу, эти краски сделать в походе по русскому лесу, как разложить костёр, испечь лепёшки и найти верную дорогу в чаще.

Узник Шлиссельбурга народоволец Новорусский, натуралисты Бёрбанк и Мичурин, отважные капитаны де Клие и Картье, академики Пётр Паллас, Тимирязев и Обручев, легионеры Древнего Ри-

ма, лотофаги Древней Греции, Садко и Василий Буслаев...

Сотни имён, дат, ситуаций! И всё это не распадается, а живёт единой жизнью единого в творчестве, поисках и труде человечества.

Скромная книга...

И одновременно — величественный итог эпохи Сталина. Один из её логических результатов, обращённый вперёд, в умное бытие Человека — друга и хозяина Планеты...

Впрочем, в начале тридцатых до этого ещё было далеко. Собственно, тогда ещё была под вопросом сама возможность такого будущего в СССР. Под вопросом и потому, что настоящая работа в стране только начиналась, и потому, что было много желающих охаять её и сорвать.

В сентябре 1930 года Сталин пишет Молотову:

«Вячеслав! Уйми, ради бога, печать с её мышинным визгом о «сплошных прорывах», «нескончаемых провалах», «срывах» и т.п. брехне. Это — истерический троцкистско-правоуклонистский тон, не оправдываемый данными и не идущий большевикам. Особенно визгливо ведут себя «Экономическая жизнь», «Правда», «За индустриализацию», отчасти «Известия»...

Ну, пока. Жму руку.

И. Сталин».

Да-а, не позавидуешь! С одной стороны — бывшие князья, за глаза числящие тебя «садистом». С другой — вчерашние соратники, товарищи по партии, чествящие «авантюристом»... В конце двадцатых годов в толстом учебнике Бердникова и Светлова

по политграмоте ещё доказывалась «невозможность построения социализма в одной стране».

Прошло пять лет, и «провалившийся» — в глазах князей Голицыных — «садист» пишет всё тому же Молотову:

«Здравствуй, Вячеслав! 1) Письмо получил. Думаем организовать кадетские школы по артиллерии, авиации и морскому флоту. 2) Посылаю директиву СНК и ЦК по составлению контрольных цифр на 36 год. В случае снижения стоимости капитальных работ на 8 % — а это является обязательной директивой, капитальные работы будут доведены до 27 миллиардов при выдаче со стороны государства 25 миллиардов. Это создаёт заинтересованность в снижении стоимости.

Увеличение по школьному строительству (+760 миллионов), по легпрому, лесу, пищевому и местному (всего +900 с лишним миллионов), по обороне — (+1 миллиард 100 миллионов), по здравоохранению, мостно-каналострою и другим статьям (более 400 миллионов рублей) определили физиономию и размер контрольных цифр на 36 год.

Я не жалею, так как всё, что умножает продукцию ширпотреба, — необходимо усиливать из года в год. Без этого — нет возможности двигаться теперь вперёд.

Ну, привет!

И. Сталин».

С 1 октября 1935 года была отменена карточная система на мясные и рыбные продукты, на сахар,

жиры и картофель. А с 1 января 1936 года — на промышленные товары.

В декабре же 1931 года, когда Сталин беседовал с немецким писателем Эмилем Людвигом, карточки были, но — не как принцип, а как необходимость.

Что касается принципов, то Сталин говорил Людвигу:

«Уравниловка не имеет ничего общего с марксистским социализмом. Только люди, не знакомые с марксизмом, могут представлять себе дело так примитивно, будто русские большевики хотят собрать воедино все блага и затем разделить их поровну. Такого социализма, при котором все люди получали бы одну и ту же плату, одинаковое количество мяса и хлеба, носили бы одинаковые костюмы — такого социализма марксизм не знает. Совершенно ясно, что разные люди имеют и будут иметь при социализме разные потребности. Социализм никогда не отрицал разницу во вкусах, в количестве и в качестве потребностей».

И это не было только принципом. Скажем, социализм Сталина не навязывал единообразие вкусов так навязчиво и нагло, как это делает сегодня капиталистическая реклама, от которой порой устают даже те, кто не может представить себе жизнь без капитализма, невозможного без наглой, назойливой и лживой рекламы.

Собственно, социализм Сталина вообще не навязывал кому-либо каких-либо вкусов. Он *развивал* вкус — к спорту, к настоящему искусству, к подлинно здоровой жизни, наполненной умной работой...

Я УЖЕ КАСАЛСЯ темы репрессий 1937—1938 годов, а сейчас вернусь к ней в иной постановке, напомнив читателю, что период со второй половины тридцатых годов до конца тридцатых годов оказался периодом, когда новая Россия стала фактом и год от года набирала внутри страны мощь и влияние, но когда ещё сильной и влиятельной внутри страны была старая Россия — старая в широком смысле слова, который ко второй половине тридцатых годов вмещал в себя *всё* отжившее, от не смилившихся с новой жизнью «бывших» до несогласных с ней или просто разложившихся старых партийцев.

В качестве же своего рода «заставки» к излагаемому ниже я приведу историю командира роты запаса А.Ф. Андреева из села Здоровец Ливенского района Центрально-Чернозёмной области.

Зимой 1931 года он написал заявление на имя Секретаря Центрального Комитета ВКП(б) тов. Сталина, начав его так:

«1-го октября 1918 года я добровольно поступил на службу в ряды Красной Армии, где находился до 1923 года. Всё это время был на фронтах, занимая командные должности до командира полка включительно, ранен...»

Вернувшись домой в село, Андреев стал активным селькором, и его неуступчивость встала многим чинушам костью поперёк горла. В 1930 году его «вычистили» из колхоза и хотели лишить избирательных прав, причём Андреев сообщал, что «в избиркоме в это время был белогвардейский офицер Кожухов Иван Иванович». А потом Андреева и вообще арестовали и посадили за решётку.

Описав свои мытарства, комроты запаса заканчивал:

«...Все заявления затушёваны, а прокурор даже предупредил меня, чтоб я со своими заявлениями не беспокоил. Я водил в бой с белогвардейцами роты, батальоны и полки не для того, чтобы теперь через этих же белогвардейцев сидеть под арестом... Обращаясь в Вам, тов. Сталин, прошу обратить внимание на моё заявление и оказать содействие выйти из создавшегося положения. Революционная законность должна победить, виновники в моём беспричинном аресте должны быть наказаны. Материал на меня находится в Ливенском ГПУ — всё мною изложенное я подтверждаю документальными данными, которые у меня имеются».

На этом заявлении Сталин написал: *«Тов. Ягоде. Просьба, немедля двинуть кого-либо из Ваших людей (совершенно надёжного) и по-большевистски - честно, быстро и беспристрастно разобрать дело и «невзирая на лица». 2.II-31. Сталин».*

Как видим, простой человек, уже сидя в камере провинциального отдела ОГПУ, мог невозбранно, не униженным тоном просителя, а как к равному обратиться к Сталину и добиться справедливости.

И этот принцип строго соблюдался все последующие годы. Но когда начались широкомасштабные репрессии 1937/38 годов, стол Сталина почему-то не оказался завален письмами, подобными андреевскому. Хотя «наверх» писали не без успеха и тогда... Показательный, но далеко не единственный, пример здесь — будущий маршал Рокоссовский.

Так не потому ли в те годы не хлынул в Кремль поток писем, что большинство репрессированных *знало* за собой реальную, а не «выбитую» в НКВД вину? Ныне, правда, приходится читать в публикациях

«демократов» о том, что письма-де шли сотнями тысяч, но «не доходили» до Сталина. При всём при том в «демократических» публикациях документов почему-то по сей день не приведено хотя бы два-три таких «нерассмотренных» письма, «осевших» в «подвалах НКВД».

Но это так — присказка!

Быль же была таковой...

В августе 1936 года в Москве начался первый Московский процесс по делу «антисоветского террористического центра» Зиновьева и Каменева.

В январе 1937 года прошёл процесс по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра», где среди обвиняемых были Муралов, Пятаков, Радек (двух первых приговорили к расстрелу, третьего — к заключению).

На лето 1937 года пришёлся процесс Тухачевского по делу о военном заговоре в РККА, а на март 1938 года — процесс «правотроцкистского» блока Бухарина.

Одновременно шла серьёзная чистка в Наркомате иностранных дел. Послов вызывали в Москву и многих расстреливали. На процессе Бухарина судили заместителя наркома иностранных дел Крестинского...

Не обошли репрессии и Коминтерн.

Причины чисток и репрессий среди советской элиты второй половины тридцатых годов не укладываются в какую-то одну общую схему. Только очень недобросовестный или очень неосведомлённый человек может рассматривать их как нечто цельное. И уж нет объяснения более далёкого от верного, чем видеть за ними борьбу Сталина за власть.

Сталин здесь действительно боролся, но — не за «кресло», а за будущее страны, за державу народа.

Что же до якобы «кровожадности» Сталина, то вот как видели судьбу Бухарина и Рыкова, арестованных в феврале 1937 года в ходе пленума ЦК, члены комиссии ЦК. В неё, образованную под председательством Микояна, вошло тридцать шесть человек, в том числе все члены Политбюро, Н.К. Крупская, М.И. Ульянова, Н.С. Хрущёв, С.М. Будённый...

Итак...

Нарком внутренних дел Ежов: исключить из партии, предать обоих суду Военного трибунала и расстрелять. Его поддержали — уже после выступления Сталина, кстати, — Мануильский, Косарев, Шверник и Якир.

Постышев — исключить и судить, но — «без применения расстрела».

Сталин же, который выступал четвёртым, предложил обоим исключить из партии, «суду не предавать, а направить дело в НКВД». Остальные члены комиссии поддержали Сталина.

Думаю, не случайно позднее сами арестованные и расстрелянные Косарев и Якир были вот уж действительно кровожадны. Им расследование преступной (тут уж читателю придётся поверить мне на слово) деятельности Бухарина и Рыкова в НКВД было ни к чему.

И даже поверхностный анализ показывает, что в истории с, например, «московскими процессами» переплетаются сразу несколько разнородных явлений, порой враждебных друг другу даже на одной скамье подсудимых.

Тухачевского, Якира, Уборевича, Корка, Эйдемана, Фельдмана, Путну и Примакова судило Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР во главе с председателем Военной коллегии Верховного суда Ульрихом. Пятерых из семи членов при-

сутствия — Алксниса, Блюхера, Белова, Дыбенко, Ка-
ширина — через год тоже расстреляли. Кто-то был
авантюристом, кто-то — троцкистом, кто-то вуль-
гарно «зажрался», спился и переродился, а кто-то
погиб и безвинно.

Но последних было меньшинство.

Впрочем, безвинно — не беспричинно. Клеветой
политические авантюристы устраняли тех, кто ме-
шал тем же авантюристам, троцкистам *или...*

Или — умело скрывающим свою суть прямым
врагам Советской власти...

Ещё резче проявилась эта черта чисток внутри
органов госбезопасности. Примитивное объясне-
ние Троцкого, троцкистов и других противников
Сталина — убивают, мол, неудобных свидетелей, не
заставило себе ждать. Но дело было не в этом. И да-
же не в том, что Ежов в процессе чисток резко
уменьшил процент чекистов-евреев. Сама чекист-
ская среда, как и среда вообще политическая и во-
енная, была политически и психологически много-
слойной.

Сегодня стали доступными, хотя и в малотираж-
ных (от 1 до 3 тысяч экземпляров) сборниках доку-
ментов, такие данные, которые не оставляют сомне-
ний в картине ряда широких не только антисталин-
ских, но и, в точном смысле этого слова,
антигосударственных заговоров, сформировавших-
ся по разным причинам в период с конца 20-х по
вторую половину 30-х годов.

Только в одних сборниках Международного
фонда «Демократия» из серии «Лубянка. Сталин»,
охватывающих период с 1922 по 1953 год, опубли-
ковано суммарно более 1700 (тысячи семисот) раз-
личных документов, изучение которых опровергает
«демократические» же инсинуации против Ста-
лина, включая обвинение в санкционировании

массового применения пыток и мер физического воздействия в ОГПУ-НКВД. Хотя меры физического воздействия — как исключительное средство для получения сведений от месяцами не сознающих и явно виновных — в 1937 году были допущены.

Но для этого, как правило, требовались особые указания... И, много рассусоливая о массовых санкционированных «пытках» в НКВД, «демократические» «историки» приводят единичные конкретные документы о санкционировании мер физического воздействия по отношению к, например, Уншлихту, Белову и ряду других высокопоставленных арестованных. Но очень уж тогда острая сложилась ситуация — приходилось убеждаться в предательстве многих надёжных, казалось бы, людей.

Я не собираюсь чрезмерно утомлять читателя этой — надеюсь, достаточно простой для чтения и восприятия — книги многочисленными выдержками из архивных бумаг, но кое-что приведу.

Вот, скажем, заявление от 13 апреля 1939 года одного из бывших руководителей ОГПУ и НКВД времён Ягоды и Ежова — Михаила Фриновского, личности колоритной и незаурядной, на имя народного комиссара внутренних дел СССР Берии, вскоре попавшее на стол и к Сталину.

Оно начинается так:

«ЗАЯВЛЕНИЕ

Следствием мне предъявлено обвинение в антисоветской заговорщицкой работе. Долго боролась во мне мысль необходимости сознаться в своей преступной деятельности в период, когда я был на свободе, но жалкое состояние труса взяло верх. Имея возможность обо всем рассказать Вам и руководителям партии, членом которой я не-

достойно был последние годы, обманывая партию, — я этого не сделал. Только после ареста после предъявления обвинения и беседы лично с Вами я стал на путь раскаяния и обещаю рассказать следствию всю правду до конца, как о своей преступно-вражеской работе, так и о лицах, являющихся соучастниками и руководителями этой преступной вражеской работы.

Стал я преступником из-за слепого доверия авторитетам своих руководителей ЯГОДЫ, ЕВДОКИМОВА и ЕЖОВА, а став преступником, я вместе с ними творил гнусное контрреволюционное дело против партии...»

И далее идут подробные, конкретные не столько даже показания, сколько воспоминания с изложением различных ситуаций и разговоров, с упоминанием многих фамилий... Эти «воспоминания» даже в печатном варианте занимают более 16 страниц типографского формата 70X100¹/₁₆. Причём в конце Фриновский обещает рассказать «с исчерпывающей полнотой» ещё многое из того, что ему известно...

Такое не продиктуешь и не выбьешь «пытками»... Такое может написать лишь запутавшийся, очень виновный, но осознавший бессмысленность заpiresательств человек, много повоевавший за народное дело, много для страны потрудившийся, но с какого-то момента переоценивший свои и своих единомышленников возможности обойтись без руководства Сталина, а взять «руль» управления страной самим...

Или вот показания от 1 июня 1937 года бывшего Маршала Советского Союза Михаила Тухачевского, раздел II «План поражения»... Начало таково:

«Центр антисоветского военно-троцкистского заговора тщательно изучал материалы и источники, могущие ответить на вопрос: каковы оперативные планы Гитлера, имеющие целью обеспечение господства германского фашизма в Европе?..»

И далее следует подробный анализ, на который способен не следователь НКВД, а лишь один из высших военачальников и штабников, каким Тухачевский в РККА и был... И это тоже не показания в чистом виде, а военно-политический разбор, в ходе которого Тухачевский увлекается и начинает полемизировать со своими же «подельниками» и пишет, например:

«Уборевич указывает на то, что вредительством являются операции вторжения, если они имеют разрыв во времени с окончанием сосредоточения главных сил. Это неправильное, ошибочное заключение...

Что касается указаний Уборевича на то, что им разрабатывался вредительский план овладения Барановичским укрепленным районом конницей, поддержанной лишь слабовооружёнными механизированными бригадами, без всякого участия пехоты, то это служит лишь примером того, как проводилось вредительство в оперативном плане, но никак не служит доказательством вредности операций вторжения...»

Этот военно-стратегический анализ занимает почти 14 страниц печатного текста в книге типографского формата 60х90¹/₁₆.

А вот начало письма командарма 1-го ранга Ионы Якира на имя наркома внутренних дел Ежова от

10 июня 1937 года — накануне заседания Специального судебного присутствия Верховного суда СССР, приговорившего Якира к расстрелу:

«Если сочтёте возможным и нужным, прошу передать в ЦК и НКО.

Я всё сказал. Мне кажется, я снова со своей любимой страной, с родной Красной армией. Мне кажется, я снова тот честный, преданный партии боец, каким я был около 17 лет, и поэтому я смею поставить ряд вопросов перед вами, ряд последних мыслей и предложений...»

Это что — выбито?

Ведь человек уже одной ногой стоит психологически в могиле. Он подводит итог жизни, потому что знает — уже вот-вот итог его жизни подведут другие. А уходить из неё уж полностью замаранным не хочется. Хочется хоть немного отмыться.

Суть последнего письма Якира именно в этом.

Далее идут — на 7 страницах печатного текста в книге типографского формата 60x90 ¹/₁₆ — квалифицированные, компетентные оценки недостатков РККА и предложения по их устранению, по развитию войск, которые никто в НКВД продиктовать Якиру не мог, даже если очень постарался бы...

При этом Якир признаётся:

«Не то всё пишется, что обязательно нужно бы. Получается всё у меня не так, неконкретно, неорганизованно в этой последней записке. Трудно работать, но я попробую продолжать ещё. Пишешь, и всё время возвращается мысль: как ты попал

в лагерь врагов, как ты пошёл против своей страны, как ты оказался по ту сторону баррикад...».

Думаю, этого достаточно для того, чтобы понять — Якир был виновен?

ЕСЛИ ВВЕСТИ «демократические» *якобы* документальные и точные *документальные* данные о тех двух-трёх годах в суперкомпьютер, то непротиворечивой версии событий выстроить не удастся. Ну как совместить, скажем, то, что троцкисты обвиняли Сталина в «сговоре с Гитлером», а на московских процессах обвиняемым инкриминировалось сотрудничество с германской разведкой?

Герои Гражданской войны, удостоенные Почётного революционного оружия, становились «к стенке», а бывшие царские офицеры Шапошников, Говоров, Карбышев, граф Игнатъев, бывший гвардейский полковник дворянин Ардальон Бобрищев жили, здравствовали, носили звания генералов Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Кто-то скажет: раболепствовали, потому, мол, и выжили. Но они, во-первых, были людьми не той закваски и вели себя сдержанно и достойно. А во-вторых, среди расстрелянных хватало действительно славивших Сталина во всю силу командных лёгких.

Или вот: Антонова-Овсеенко, арестовавшего Временное правительство, репрессируют, а эсер Абрам Гоц и меньшевик Лев Дейч спокойно доживают свой век на покое, как и ряд бывших министров Временного правительства, оставшихся в СССР.

Члены первого Советского правительства осваивают тюремные нары, а бывший меньшевик и бывший министр труда «Самарской учредилки» Иван Майский спокойно трудится советским полпредом

в Лондоне. И никто не вызывает его в Москву на расстрел — как это произошло со многими из его коллег с безукоризненным революционным прошлым.

Генерал-майор Елисеев в двадцатых годах командовал береговой обороной морских сил Балтийского моря. Участник революции, он в 1937 году — уже на Тихоокеанском флоте — был оклеветан, арестован, осуждён. Но через два года его освободили, восстановили в партии и в звании и назначили командиром базы Ханко. Причём с его судьбой оказалась схожа судьба как минимум сотен командиров РККА и РККФ.

Авиаконструктора Туполева арестовали (к слову, — за дело), и он со своим ближайшим окружением разрабатывал новые конструкции самолётов в стенах закрытого КБ, подчинённого НКВД. Объяснение сегодня отыскивают в том, что Сталин-де считал: в атмосфере страха за свои жизни инженеры будут лучше работать.

Но авиаконструкторы Яковлев, Ильюшин, Микоян, заместитель Туполева Архангельский ни в какие ГУЛАГи не попадали. Архангельский как был заместителем Туполева до вынужденной «посадки» шефа, так им и остался после ареста Туполева.

Что же касается советских танков, артиллерии, стрелкового оружия, то практически все их конструкторы если и отправлялись в лагеря, то в воинские учебные — для полевых испытаний своих конструкций. Обходилось без ГУЛАГа.

Почему?

Казалось бы, политически не раз испытанные кадровые разведчики из Разведуправления РККА и дипломаты из Наркоминдела становились «невозвращенцами».

А политически нейтральные советские инженеры, учёные, специалисты уезжали из СССР в деловые

и научные командировки и приезжали обратно в СССР.

В чём была разница?

Из советских портов каждый день уходили за границу суда с советскими экипажами, и массового бегства с них в иностранных портах не наблюдалось.

Что ж так?

Как ни странно, из всех существующих версий событий 1937 года *самая* непротиворечивая (хотя и далеко не полная) — это версия официальная. То есть такая: троцкистская и антисталинская оппозиция в конце концов выродилась в нечто прямо враждебное интересам социализма в СССР, была разоблачена, и её пришлось выжечь калёным железом.

В выражении «калёным железом» суть выражена точно. К такому сильнодействующему средству прибегают тогда, когда организм поражён язвами смертельной опасности, а времени на терапию или тонкую хирургию нет. Выжигание язв болезненно именно потому, что вместе с больными клетками выжигают и оказавшиеся рядом с ними клетки здоровые.

Но тут уж ничего не поделаешь: или выжечь и — выжить.

Или смалодушествовать и — погибнуть.

Впрочем, масштабы репрессий «верхов» не были такими значительными, как это лживо утверждали вначале хрущёвцы и ныне утверждают ельциноиды. Маршал Жуков уже в послесталинские времена простодушно признался однажды, что в *то*, мол, время он и не знал, насколько обширными были репрессии.

Что ж, Люксембург, конечно, великая держава, но тот, кто едет через неё из Франции в Германию, Люксембурга почему-то не замечает. Вот так и с репрессиями — например, в РККА. Их масштаб не был

всеобъемлющим и катастрофическим, почему Жуков о них *тогда* и не знал. А характер их был таков, что в перспективе скорее повышал командный уровень в войсках и их боеспособность. Ныне рассекреченные и публикуемые самими «демократами» документы 1937/38 годов показывают удручающую картину состояния РККА, до которого армию довели «гениальные» тухачевские с якирами, уборевичами и блюхерами.

«Ельциноидный» историк Генерального штаба генерал Юрий Горьков в своей книге 1993 года «Кремль. Ставка. Генштаб» заявляет: «То, что Сталин и его подручные сделали с армией, сравнимо только с крупной военной катастрофой».

Но это — просто чепуха! Катастрофой было бы оставление Тухачевских на их командных постах. Достаточно сказать, что Уборевич (начальник вооружений РККА в 1930/31 годах) и Тухачевский (начальник вооружений РККА в 1931 — 1936 годах) наплодили избыток устаревающих лёгких танков, однако не позаботились о радиосвязи для них, почему немцы с их радиосвязью так легко и переигрывали наших танкистов в начале войны.

Не было раций и на заказанных Уборевичем и Тухачевским промышленности истребителях, хотя Сталин давал указания об их радиофикации ещё в первой половине 30-х годов.

И ведь не только Уборевич, Тухачевский, Халепский, Якир были виноваты в подобной военно-технической политике. Ей не противились и другие военачальники рангом пониже. И почти все почему-то — из тех, кого расстреляли в 1937—1938 годах.

По уставам, разработанным «творческим гением» этого генералитета, в первом эшелоне дивизии из 17 000 (семнадцати тысяч) человек наступало всего 640 (шестьсот сорок) человек. В это трудно

поверить, но это — данные из доклада начальника Генерального штаба генерала армии Кирилла Мерецкова на совещании высшего руководящего состава РККА 23—31 декабря 1940 года.

Вот ещё пример... Уже после раскрытия и ликвидации заговора Тухачевского, с 21 по 27 ноября 1937 года, в Москве проходило расширенное заседание Военного совета при наркомате обороны СССР Ворошилове. На нём рассматривались итоги боевой подготовки за 1937 год, задачи на 1938 год и меры, предпринимаемые в РККА по очистке её рядов от заговорщиков и вредителей.

Среди выступавших был и командующий Закавказским военным округом 44-летний комкор Николай Куйбышев — родной младший брат Валериана Куйбышева, к тому времени уже умершего. Николай Куйбышев был назначен на ЗакВО в 1937 году, в том же году его избрали депутатом Верховного Совета СССР.

И вот на заседании Военного совета он докладывал о том, что боевую подготовку войск округа надо оценивать как неудовлетворительную и...

Впрочем, я лучше приведу прямые извлечения из стенограммы заседания:

«Куйбышев. ...Подготовка стрелковых войск и войсковых штабов неудовлетворительна.

Ворошилов. Почему?

Куйбышев. Я дальше скажу, товарищ народный комиссар, почему получились такие результаты и как мы это изживаем.

Ворошилов. Изживаем, изживаем. Теперь уже поздно изживать. Вы должны были изжить это в процессе работы (к тому времени Куйбышев командовал округом около полугода. — С. К).

Куйбышев. ...Основная причина того, что мы не изжили всех этих недостатков, заключается в том, что у нас округ был обескровлен очень сильно...

Голос с места. Куда же девались командиры?

Куйбышев. ...переведены в ведомство НКВД без занятия определённых должностей...»

Язвительный ответ Куйбышева был вряд ли уместен, как и его ссылки на то, что у него тремя дивизиями, в том числе Армянской, командуют капитаны, причём командир Армянской дивизии до этого «даже батальоном не командовал»... Ещё в начале июня 1937 года Куйбышев был начальником военной группы Комитета партийного контроля ЦК, принимал активное участие в заседании Военного совета при наркоме обороны СССР 1—4 июня после раскрытия заговора Тухачевского и с пристрастием (свидетельство — стенограмма) допрашивал кое-кого из тех, кто вскоре после этого заседания тоже был арестован. Так что Куйбышев, во-первых, знал ситуацию, а во-вторых, при желании мог бы найти в кадрах РККА и более подготовленных армян в звании более высоком, чем «капитан»... Например — подполковника Баграмяна, закончившего в 1934 году Военную академию им. Фрунзе, в период 1936—1938 годов — слушателя Академии Генерального штаба, а в 1934—1936 годах — начальника штаба 5-й кавалерийской дивизии Киевского военного округа, будущего маршала...

Читаем стенограмму далее:

Куйбышев. Вторая причина — очковтирательство. Я со всей ответственностью за-

являю, что в округе очковтирательство существовало как система во всех видах подготовки. Проверка состояния стрелковой подготовки показала, что отбирались лучшие люди. Для артиллерийской стрельбы — одни и те же командиры, которые стреляют из года в год на смотровых стрельбах...

Егоров. Это всегда (!? — С. К.) было позорным явлением.

Куйбышев. Третья причина — крайне пониженная требовательность комсостава **всех степеней** (выделение моё. — С. К.) как к себе, так и к своим подчинённым... Как правило, на тактических занятиях перебежка условная, самоокапывание условное, маскировка условная... (смех).

Егоров. А кормят тоже условно?

Куйбышев. Кормят не условно...»

До Куйбышева ЗакВО командовал командарм 2-го ранга Михаил Левандовский. С июня 1937 года он был назначен командующим Приморской группой ОКДВА — Особой Краснознамённой Дальневосточной армии, 23 февраля 1938 года арестован и 29 июля 1938 года расстрелян.

И расстрелян, как видим, за дело.

Хрущёвцы его реабилитировали — 28 апреля 1956 года.

Но за что?

За разложение войск?

Что же до Куйбышева, то из его же собственных слов следовало, что основные причины слабой подготовки ЗакВО — не аресты, а многолетнее преступное пренебрежение или сознательное вредительство тех, кого арестовали.

Но и это не всё! Присмотримся к самому Куйбышеву. Для начала сообщу вот что....

На том же заседании Военного совета в ноябре 1937 года выступал комкор МА. Антонюк — командующий Сибирским военным округом с июня 1937 года. Он заменил командарма 2-го ранга Дыбенко, который в свою очередь заменил комкора Гайлита, командовавшего СибВО с декабря 1933 года.

Обратимся вновь к стенограмме:

«Антонюк. В Сибирском военном округе, как и в других округах, враги народа, шпионы, вредители, крепко приложили свою руку, чтобы подорвать боеспособность войск. Нет ни одной отрасли работы, товарищ народный комиссар, где бы не было вредительства. Чем глубже копнёшь, тем больше находишь... <...>

Я считаю, что части для ведения сложного общевойскового боя по-настоящему не обучены, взаимодействие родов войск... продолжает оставаться на низком уровне.

Слабо сколочены штабы...

Округ совершенно отстал и не проводил в прошлом боевых стрельб... По-настоящему вести стрельбы с полужакрытых, закрытых позиций, пулемётными взводами, пулемётными батареями наши командиры не умеют...

Упрощенчество в огневой подготовке налицо... Командный состав на сегодня не овладел по-настоящему стрелковым оружием, в особенности ручным пулемётом, ...неудовлетворительно стреляет из револьвера ТТ...»

Замечу, что «ТТ», то есть «Тульский Токарева» — это пистолет, а не револьвер, и не знать этого кому-то Антонюку было зазорно. Но продолжим цитирование, предоставив слово члену Военного совета СибВО дивизионному комиссару Н.А. Юнгу:

«Юнг. Контрреволюционная деятельность... в войсках Сибирского военного округа... приняла очень широкие размеры. 70 % уволенных из армии оказались врагами народа, и они были сразу же арестованы (уволено было 352 человека, из них арестовано 249. — С. К). <...>

Колчаковцев (то есть служивших у Колчака. — С. К.), товарищ народный комиссар, в кадрах у нас имеется несколько сот человек. Мы подходили к ним персонально, но нужно доложить Вам, что среди них значительная часть завербована врагами. Это вскрывается каждый день...

За какую область ни возьмёшься, всюду безобразия... Продовольственные запасы НЗ (неприкосновенного запаса. — С. К) заражены амбарными вредителями... не скомплектовано имущество. Например... штанов 80, сапог 100, шинелей 50...

...В авиации имеется очень много беспорядков... тылы авиабригад находятся в разрушенном состоянии... Машины по 3-4-5 лет стоят под открытым небом, гниют, материальная часть портится...»

Антонюк и Юнг обвиняли — и, конечно, справедливо — бывшего командующего округом Гайли-

та. Он был арестован 15 августа 1937 года и расстрелян 1 августа 1938 года. Его хрущёвцы тоже реабилитировали — 28 ноября 1956 года.

Но кого сменил в декабре 1933 года комкор Гайлит?

Да вот то-то и оно, что сменил он комкора Н.В. Куйбышева, который командовал СибВО с 1928 года до 1933 года (по некоторым источникам, включая БСЭ — даже до 1936 года, но это — вряд ли).

И если бы предшественник Гайлита готовил войска как надо, то за неполных четыре года Сибирский военный округ не пришёл бы в плачевное состояние. Ведь автопарки авиабригад начали гнить ещё при Куйбышеве. И мог ведь Куйбышев, хотя бы после того, как стал первой военной фигурой в КПК, поинтересоваться — как там *мой* старый округ живёт, которым я командовал *пять лет*?

К тому же Куйбышев не мог не бывать периодически в Сибири в служебных командировках. И ещё одно... Если бы он, командуя СибВО, приобрёл там репутацию истинного «отца-командира», то ведь кто-то из его старого округа мог бы и сам в Москву приехать к бывшему командующему — со своими тревогами за ситуацию в округе.

Однако и Куйбышев был замешан в шашнях заговорщиков, и 2 февраля 1938 года его арестовали, а 1 августа 1938 года расстреляли.

Жаль, конечно... Но жаль не потому, что погиб безвинный — Куйбышев *был* виновен. Жаль, что «красные маршалы», вышедшие из Гражданской войны, не поняли, что им надо готовиться уступать дорогу новым поколениям, и пошли по дороге заговоров против якобы ничего не смыслящего в военных и прочих делах Сталина.

Приведённые выше отрывки из стенограммы заседания ВС в ноябре 1937 года (вместе со стено-

граммами заседания ВС 1—4 июня 1937 года они занимают объём около семисот страниц типографского текста) — лишь капля в том озерце информации («моря» всё ещё плещутся в архивных «берегах»), которая сегодня рассекречена. Но и эти стенограммы были впервые опубликованы лишь в 2006 и 2008 годах тиражом, каждая, в... 1000 (тысячу) экземпляров.

Из них, в частности, и становится ясным, что РККА образца 1937 года «стараниями» Тухачевских представляла из себя грустное зрелище, хотя стараниями Сталина у России уже имелся экономический и кадровый потенциал, который позволял быстро довести армию до вполне современной кондиции. Такая работа велась все 1938, 1939, 1940 годы и первую половину 1941 года.

Увы, даже к началу войны последствия командования тухачевских, гайлитов, левандовских и прочих оказались изжиты не до конца.

Как не до конца, к слову, удалось ликвидировать и все корни заговора Тухачевского — Якира — Убо-ревича. Провалы первых дней войны были запрограммированы настолько странным поведением части высшего генералитета в последний предвоенный период и особенно в последнюю предвоенную неделю, что это поведение в ряде случаев сложно квалифицировать иначе, как прямо предательское...

Хватало своих «Тухачевских» и в управлении экономикой. И если бы репрессии среди управленцев были для неё губительными, то откуда, спрашивается, взялись бы впечатляющие успехи советской экономики в период с 1938 и до начала войны? А они ведь были налицо!

Что же до масштабов, то в РККА репрессировали — далеко не всех расстреляв — менее десяти процентов тогдашнего командного состава.

Часть, к слову, просто уволили из армии и флота. И 31 июля 1937 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло особое постановление, которым «обкомы, крайкомы и ЦК нацпартий» обязывались «обеспечить размещение на работу по предприятиям и учреждениям хозяйственных наркоматов лиц комнатного состава, уволенных из РККА, в том числе и уволенных, как исключенных из партии по политическим мотивам».

О подобных деталях того периода историки-«демократы» если и сообщают, то лишь в малотиражных специализированных изданиях. Между прочим, немалая часть репрессированных лишь называлась командирами. Так, братья-«историки» Рой и Жорес Медведевы представляются публике сынами «безвинно» погибшего боевого командира РККА бригадного комиссара Александра Медведева. Однако их папа был всего лишь преподавателем философии в военной академии, почему и носил ромбы.

Исключая меньшинство тех, кто пал действительно безвинной жертвой не только антигосударственных, но и фактически антисталинских провокаций врагов России, репрессии 1937—1938 годов убирали заевшихся и некомпетентных, обленившихся и деградировавших, амбициозных, но мало сведущих.

А молодые и энергичные советские специалисты, пришедшие на их место, были взяты ведь на руководящие посты не с улицы. Инженеры и красные командиры — воспитанники эпохи Сталина, они уже прошли хорошую профессиональную школу, учась не столько у Тухачевских, сколько у самой бурной эпохи, у самой жизни.

Говорят, что молодость — это недостаток, но он быстро проходит с годами. Что ж, такой недостаток, как недостаток опыта, тоже проходит с годами.

И при желании — тоже достаточно быстро.

ПОЖАЛУЙ, мне придётся сказать о репрессиях и ещё кое-что, поскольку попытка представить их как «людоедский» произвол Сталина — это, как я уже говорил, чуть ли не последнее, что остаётся в запасе у «демократов» против эпохи Сталина.

Неизбежность будущего конфликта в руководстве ВКП(б) можно было увидеть уже при знакомстве с одним из основополагающих документов троцкизма — «Платформой большевиков-ленинцев (оппозиции) к XV съезду ВКП(б)». У «Платформы» имелся и подзаголовок: «Кризис партии и пути его преодоления».

Авторами были обозначены 13 членов ЦК и ЦКК. Причём обращали на себя внимание не только характерная цифра «13», но и странный порядок подписания «Платформы» — не по старшинству и не по алфавиту: Муралов, Евдокимов, Раковский, Пятаков, Смилга, Зиновьев, Троцкий, Каменев, Петерсон, Бакаев, Соловьев, Лиздин, Авдеев.

Я не специалист по Каббале, но что-то каббалистическое тут ощущается.

XV съезд партии... Это с его трибуны уходил под свист зала после своего провокационного выступления убеждённый троцкист Христиан Раковский. И это на нём оппозиция дала свой самый отчаянный бой Сталину. В её состав входило немало блестящих партийных интеллектуалов, поэтому просчёты и даже пороки партийного аппарата, где был уже силен Сталин, оппозиция подметила верно.

Но в увлечённом своём замахе против Сталина оппозиция сама себя разоблачала. И за её речами видна была невесёлая перспектива для СССР в том случае, если оппозиция взяла бы верх.

О профессиональных партийных рабочих «Платформа» говорила так: «Фактически власть этого слоя громадна. Именно этот слой «управлен-

цев» требует «деловой работы» — и всегда против дискуссий».

«Платформа» требовала:

«Расширить сеть партийных дискуссионных клубов; взять твёрдый курс на обработку партийного аппарата в целом. Рабочие от станка должны составить решающее большинство всего партаппарата, который вовсе не должен целиком состоять из оплачиваемых лиц. Можно и должно значительную часть партработы вести бесплатно, возлагая её на членов партии после производственной или иной работы. Одной из мер регулярного освежения партаппарата должна явиться систематическая отправка части товарищей из аппарата на производство или на низовую работу...»

На бумаге выглядело это броско и многим могло понравиться. Однако на деле это привело бы к полной утрате государственного управления.

Среди лидеров оппозиции почти не было людей с рабочими мозолями. Если они их где и натирали, так на языках. Даже при самом смелом воображении невозможно было представить Троцкого или Раковского (любившего щеголять в «бабочке») отходящими «от станка» после рабочего дня, чтобы тут же направиться на пленум ЦК.

Вряд ли они понимали, какую пороли чушь! Сегодня управлять паровозом, а завтра сразу же пересесть за стол секретаря горкома и решать проблемы большого города или хотя бы маленького посёлка. А потом, только-только освоив эту непростую науку, опять отправляться на паровоз...

Да и о «низовой работе» троцкисты говорить-то говорили, а не терпели её начисто. И в порядке лич-

ного, так сказать, примера ни один из 13 авторов «Платформы» в глушь или к станку не отправился.

Более того!

Знаменитая Елена Стасова из знаменитого русского рода Стасовых рассказала в своих воспоминаниях занятную историю. В марте 1920 года возникла необходимость перед IX съездом партии немного обновить состав ЦК. Стасова и Евдокимов (не упоминавшийся выше чекист Ефим Георгиевич Евдокимов, а видный участник троцкистско-зиновьевского блока Григорий Еремеевич Евдокимов, подписавший и «Платформу» 13-ти) сказали, что их можно из ЦК вывести. «Но тут, — сообщает Стасова, — получился такой курьёз: когда подвели итоги голосования, то оказалось, что я проголосовала за свой вывод, а Евдокимов — за своё сохранение в составе ЦК».

Однако все интриги различных «оппозиций» первой половины двадцатых годов в первой половине тридцатых выглядели юношескими шалостями. Дела закручивались всё круче.

Уже 25 октября 1930 года в Постановлении Политбюро (вопрос № 13, п. 2/7, пп. в) было сказано: «Обязать т. Сталина немедленно прекратить хождение по городу пешком».

В сентябре 1932 года Молотов был в Кузбассе. Возвращались с очередной шахты, машина шла по крутой насыпи. Вдруг она свернула с дороги, покатила под уклон, перевернулась и остановилась на краю оврага. Из машины сопровождения бежали к месту аварии чекисты, но Молотов сам пытался выбраться из салона, а рядом стоял бледный шофёр и плакал. Валентина Арнольда, члена местной троцкистской организации, в последний момент подвели

нервы, и он начал тормозить. Молотова ему было не жаль, но себя он пожалел.

В Москве троцкистские боевики следили за перемещениями Клима Ворошилова, однако машина «первого красного офицера» шла всегда так быстро, что покушение пришлось отменить.

В мае 1934 года террорист Богдан уже прикидывал дистанцию стрельбы в зале заседаний конференции, где за столом президиума сидел Сталин, но до Сталина было далеко.

К тому же нервы у троцкиста Богдана оказались не крепче, чем у троцкиста Арнольда. Стрелять он не решился, зато на завтра его застрелил на собственной квартире Бакаев — бывший председатель ЧК в Ленинграде и один из «ближних» Троцкого. В Гражданскую Бакаева однажды по приказу Льва Давидовича чуть не расстреляли, а теперь он сам расстреливал тех, кто колебался в выборе между Сталиным и Троцким.

Колеблющихся тогда хватало. Но если для Троцкого любой такой «выбирающий» был потенциальным союзником, то для Сталина он был потенциальным предателем, человеком опасным не для Сталина, а для *дела* Сталина, которое давно стало делом России.

Троцкий рассчитывал на перебежчиков.

Сталин не смог бы опираться на них ни при каких условиях.

Если же вернуться к теме военного заговора, то надо заметить, что Тухачевский тоже решал, кого ему выбрать — Троцкого или *Тухачевского*?

Своей быстрой карьерой Тухачевский был обязан вначале окружению Троцкого, а потом — и лично Председателю Реввоенсовета Республики Троцкому. В польскую войну Тухачевский рвался на Варшаву в полном соответствии с концепциями своего политического «шефа».

Однако это были дела прошлые.

А что же было в настоящем?

В 1929 году Троцкого выслали из СССР, а в 1930 году в Берлине на немецком языке вышла его книга «Mein Leben» («Моя жизнь»). Если учесть, что в Германии тогда была популярна книга «Mein Kampf», то некие ассоциации возникают.

Касаясь в книге польской войны, Троцкий возводил напраслину на Ленина, а на Сталина — само собой! Он обвинял Ленина в стремлении безудержно наступать на поляков. Троцкий не был бы Троцким, если бы не выгораживал здесь себя, но темы Гражданской войны Лев Давидович коснулся в целом скупое. Он явно не хотел показывать, к кому из красных полководцев он относится лояльно, а к кому — нет. Похвалил лишь Эфраима Скланского, к тому времени утонувшего во время командировки в США.

Промолчал Троцкий и о Тухачевском. Расчёт здесь был, конечно, с дальним прицелом, однако на Тухачевского рассчитывал не только Троцкий, но, как уже было сказано, и сам Тухачевский. И вокруг «яркой» личности бывшего КомандЗапа давно группировался ряд его давних военных коллег.

И подбор их был вполне определённым...

Дворянин Михаил Тухачевский в Гражданскую командует 8-й армией. Еврей Иона Якир — член её Реввоенсовета.

Двадцатые годы...

Якир — лучший друг еврея Гамарника, ставшего политическим руководителем Красной Армии. В этот круг входят активный троцкист Смилга — правая рука Тухачевского на польском Западном фронте, активные троцкисты из военных: комкоры Виталий Примаков и Витовт Путна. И здесь же — Фельдман, Уборевич, Гарькавый, заместители Якира Блюхер, Дубовой, Каширин и десятки других блестящих или *числящих* себя таковыми командармов, комкоров, комдивов.

К Троцкому примыкают и два бывших начальника Политуправления РККА Антонов-Овсеенко и Бубнов. Начальник ВВС Алкснис — старый друг открытого предателя Бармина, который из нашего афинского полпредства уже вот-вот уйдёт на хлеба американских спецслужб.

В конце двадцатых годов Якир уезжает на учёбу в германскую Академию Генерального штаба. После её окончания старый маршал Гинденбург, президент веймарской Германии, вручает ему основной военный труд Шлиффена «Канны» с надписью «Господину Якиру — одному из талантливых военачальников современности». Это — откровенный моральный подкуп, поскольку Якир не был крупной военной фигурой даже в ходе Гражданской войны.

Среди тех, кто близко контактирует с рейхсвером, — Корк, Уборевич, Фишман.

Тухачевский же ходит в личных друзьях самого главы рейхсвера генерала фон Секта и знает многих других генералов рейхсвера.

А они знают его.

Знает Тухачевского и Троцкий. А Тухачевский знает Троцкого. Льву Давидовичу нужен новый революционный пожар, но это — новые походы под водительством заматеревших в потреблении плодов славы Гражданской войны и застоявшихся в «стойлах» командно-штабных учений подчинённых Тухачевского, Якира, Уборевича, Блюхера.

И вот уже бывший подполковник Первой мировой войны, а ныне маршал Егоров и бывший поручик Первой мировой войны, а ныне маршал Тухачевский доверительно беседуют о том, что Сталинде «в военном деле не смыслит». Зато Тухачевский всё более утверждает в уверенности, что он хорошо смыслит и в военных делах, и в политике и может играть в СССР без Сталина не «вторую» — при Троцком, а «первую скрипку».

Учтём и такую цифру: за двадцатые и первую половину тридцатых годов из армии уволено пять тысяч бывших оппозиционеров. Читай — троцкистов.

В партийном аппарате, в советских учреждениях, в промышленности троцкистов в середине тридцатых было ещё больше. Троцкист в то время — это уже автоматически в первую очередь противник политического курса Сталина и лишь во вторую — участник государственной и производственной работы. И уже поэтому троцкизм всё более становится средством саботажа и прямого вредительства.

Итак, с одной стороны, амбициозность «красных наполеонов», с другой — р-р-революционность красных интернационалистов с местечковым прошлым. Плюс — просто карьерные авантюристы.

Смесь весьма взрывоопасная.

И это — не «химера НКВД», а реальность. Так же как реальность — публичные заявления Троцкого: «Недовольство военных диктатом Сталина ставит на повестку дня их возможное выступление».

И Троцкий же открыто призывает коммунистов в СССР к государственному перевороту.

Итак, самозванных претендентов на высшую власть в огромной стране имелось, по сути, два.

Тухачевский был тайно не прочь сыграть роль или военного диктатора, или «сабли Троцкого».

Троцкий своих вождистских претензий не таил.

Любой из вариантов означал гибель страны, но был ли хоть один из них реален? Страна уже стала такой, что не дала бы себя погубить. В час кризиса она пошла бы за Сталиным, и поэтому троцкистско-тухачевские планы были авантюрой, заранее обречённой на провал.

За исключением, правда, одного варианта развития событий — физического устранения Сталина в самом начале переворота.

Вот тут крах СССР был бы неизбежен, потому что не то что равноценной, но хоть на что-то годной замены Сталину Россия не имела.

А крах СССР означал бы в тридцатые годы и крах великой России, что подтверждает разрастающаяся трагедия России после развала СССР врагами России в 1991 году.

С годами возникла легенда о Кирове как альтернативе Сталину. Однако так могли думать лишь наивные люди, плохо понимающие самые основы механизма возникновения и существования высшего политического лидера. Любитель красивых женщин, Киров был такой же фигурой второго ряда, как и Орджоникидзе, Дзержинский, Фрунзе, Рыков, Куйбышев, Бухарин, Каменев, Рудзутак, Пятаков, Томский и многие другие.

И крупный политический масштаб Кирова полностью сказался в том, что он не мыслил себя как замену Сталину. Это было не угодничество, а ясное понимание своих возможностей. Кирова потому и устранили в декабре 1934 года, что он был опорой Сталина в Ленинграде, ранее «зиновьевском», то есть — троцкистском. Но Киров не считал себя способным нести бремя высшего руководства Россией. Киров мог быть и был лишь сознательным и деятельным соратником Сталина, и — не более того.

Давно сказано: «Много званных, да мало избранных»...

У России же был тогда лишь один избранный — Сталин.

ТЕМ НЕ МЕНЕЕ даже ко второй половине тридцатых годов противники Сталина в СССР чувствовали себя весьма вольготно. Будущий глава «Красной капеллы» — резидентуры Разведывательного управления

РККА, еврей Леопольд Треппер после окончания университета имени Мархлевского в 1935 году был направлен на работу в редакцию ежедневной еврейской газеты «Дер Эмес» («Правда»). По сути, это было издание «Правды» на идише, хотя там публиковались и оригинальные материалы.

Главным редактором «Дер Эмес» был Моше Литваков. И он абсолютно не скрывал от молодого сотрудника ехидного и даже издевательского отношения к Сталину. Фактически главный редактор активно воспитывал (и, к слову, воспитал) из Треппера оппозиционера-троцкиста.

Накануне Октябрьской годовщины 1935 года Литваков заказал статью в юбилейный номер Карлу Радеку. Просьбу Радек выполнил быстро, но вот что услышал он от Литвакова после знакомства последнего со статьёй:

- Никогда мы не опубликуем в нашей газете подобное дерьмо!

- В чём дело?

- Это же сплошное восхваление Сталина...

Затем Литваков прибавил:

- Послушайте, Радек! Я в последний раз заказал вам статью. Вы сильно ошибаетесь, полагая, будто ради вашей подписи я готов печатать что попало. Ваша статья не стоит ломаного гроша.

То есть «простаалинская» статья не прошла в еврейском органе ЦК ВКП(б) даже в 1935 году!

А вот описание с натуры Днепропетровска 1935 года, сделанное одним из участников Всесоюзной физико-химической конференции, Сергеем Фришем:

«Неприятное впечатление произвело торжественное общее собрание, на котором

выступил секретарь обкома партии Хатаевич. Это был еврей, небольшого роста, широкоплечий, с очень грубыми чертами лица. Местное начальство, рангом пониже, окружало его с подобострастным и угодническим видом. Все, встав, начали аплодировать. Кто-то крикнул: «Наш великий Хатаевич! Ура!» Сцена выглядела совершенно карикатурно. Через год или два я прочёл в газете, что его расстреляли...»

Так чьи культы личностей вызревали тогда во вполне определённых общественных кругах? И мог ли Моше Литваков позволять себе такое открыто агрессивное поведение, если бы не имел мощной поддержки и не рассчитывал на весьма вероятное падение Сталина?

А кто мог Сталина «свалить», если масса — и партийная, и беспартийная — шла за Сталиным? Ответ очевиден: это могла попытаться сделать оппозиционная часть политических «верхов» и оппозиционеры-заговорщики, носящие на воротниках гимнастёрки петлицы с большими «командармовскими» ромбами.

Заговор против Сталина этих слоёв, амбициозных и претенциозных, самовлюблённых и исторически ограниченных, оказывался почти неизбежен. Но по форме антисталинский, он уже не мог быть по содержанию ничем иным, кроме как антисоветским и антироссийским.

Это хорошо показал в своей книге «Москва. 1937» Лион Фейхтвангер. «Демократы» утверждают, что Сталин просто «внёс очки» «простодушному писателю» и «пустил ему пыль в глаза». Однако знакомство с книгой — тонкой, но увесистой по своему историческому и политическому значению, убежда-

ет в обратном. Фейхтвангер во всём разобрался так точно, что лишний раз подтвердил этим свой класс выдающегося писателя и психолога.

В главе «Конформизм и индивидуализм», в главке «Два класса — борцы и работники», он писал:

«Я заметил в Советском Союзе одно разделение. Молодая история Союза отчётливо распадается на две эпохи: эпоху борьбы и эпоху строительства. Между тем хороший борец не всегда является хорошим работником, и вовсе не обязательно, что человек, совершивший великие дела в период Гражданской войны, должен быть пригоден в период строительства... Однако ныне Гражданская война давно стала историей; хороших борцов, оказавшихся негодными работниками, сняли с занимаемых ими постов, и понятно, что многие из них теперь стали противниками режима».

Блестяще распознал Фейхтвангер и суть самого «вождя» этих «борцов», написав так:

«Троцкий представляется мне типичным только-революционером; очень полезный во времена патетической борьбы, он ни к чему не пригоден там, где требуется упорная, планомерная работа вместо патетических вспышек...»

Фейхтвангер присутствовал на процессе «Параллельного антисоветского троцкистского центра», проходившем с 23 по 30 января 1937 года. И описанию процесса Пятакова — Радека посвящена в его книге глава «Ясное и тайное в процессах троцкистов».

Фейхтвангер понял то, что кое-кто не хочет понять по сей день. И, поняв, написал вот что:

«Объяснять эти процессы... стремлением Сталина к господству и жаждой мести было бы просто нелепо. Иосиф Сталин, осуществивший, несмотря на сопротивление всего мира, такую грандиозную задачу, как экономическое строительство Советского Союза, марксист Сталин не станет, руководствуясь личными мотивами, как какой-нибудь герой из классных сочинений гимназистов, вредить внешней политике своей страны и тем самым серьёзному участку своей работы».

Что ж, немецкий еврей Фейхтвангер — писатель умный и тонкий — дал настолько верную психологическую картину процесса, что она убеждает в виновности оппозиционеров не менее весомо, чем прямые стенограммы процессов или ныне опубликованные архивные документы.

Можно привести и ещё один комментарий к ситуации. В дни процессов над троцкистами академик Вернадский в личном дневнике, для чужих глаз не предназначенном, записал:

«Политика Сталина — Молотова — русская и нужна для государства. Их партийные враги — враги и русского народа». .

Академик, хотя и был членом Академии наук СССР, не любил ни Сталина, ни коммунизм. Дневник он вёл исключительно «для души», а не для куратора НКВД. Но Россию Вернадский любил и поэтому понимал, что вести её вперёд может лишь Сталин, а погубить и выдать Западу с головой могут как раз троцкисты.

Оппозиция отдавала все силы борьбе со Сталиным, а Сталин всё больше уходил в строительство заводов, электростанций, рудников и нефтепромыслов.

Троцкий готовил мировую революцию, а Сталин к декабрю 1936 года подготовил новую Конституцию СССР, и 5 декабря ее принял 8-й Чрезвычайный Всесоюзный съезд Советов.

Год 1937-й был последним годом второй пятилетки. Страна окончательно окрепла. За пять лет промышленный потенциал СССР где — утроился, где — удвоился. Теперь мы выплавляли стали и чугуна почти столько же, сколько и Германия, а электростали — на уровне США. Мы вышли на третье место в мире по выплавке алюминия, выплавив его 37 тысяч тонн, но США и Германия были тут пока вне конкуренции — 132 и 127 тысяч тонн.

Соединённые Штаты в 1937-м произвели 121 миллиард киловатт-часов электроэнергии, немцы — 49, англичане — 17, а Союз — 36.

Да, мы ещё отставали от янки и немцев, но...

Но в 1932 году, мы имели только 13 миллиардов киловатт-часов — столько же, сколько и Франция. У Франции за пять лет прибавилось пять миллиардов, а у нас — двадцать три! И к концу второй пятилетки Союз имел электроэнергии столько же, сколько Франция, Италия и Бельгия, вместе взятые.

В Ленинакане, Фергане, Кировабаде, Баку, Ашхабаде, Ташкенте и Барнауле выросли хлопчатобумажные комбинаты.

В Кутаиси, Маргелане, Сталинабаде — шёлкоматальные.

В Новосибирске и Тбилиси — трикотажные.

Во второй пятилетке появилась первая советская шёлковая и штапельная вискоза. В Смоленске открылся крупнейший льнокомбинат, в Мурманске — крупнейший рыбный порт.

В 1937 году ленинградская «Электросила» изготовила первый в мире двухкорпусной быстроходный (пятьдесят оборотов огромного ротора *в секунду!*) турбогенератор мощностью в 100 тысяч киловатт.

А Харьковский турбинный завод имени Кирова стал крупнейшим в мире комбинатом турбогенераторов и обошёл английскую «Метрополитен Виккерс» и американскую «Дженерал Электрик». Семь лет назад инженеры «Метрополитен Викакерс», приехав по направлению фирмы на работу в СССР, смотрели на нас свысока. Теперь ситуация изменилась.

За семь лет!

Краматорский завод тяжёлого машиностроения переплюнул заводы Круппа и Шкоды.

Какими мелкими выглядели «р-р-эволюционные» амбиции оппозиционеров по сравнению с этой реальной громадой великих дел, преображающих лапотную «Расею» в могучую Российскую державу.

Впрочем, и сталинское руководство готовило во внутренней жизни СССР самый настоящий переворот. Только не государственный, а хозяйственный!

28 апреля 1937 года Молотов подписал постановление Совнаркома о третьем пятилетнем плане. И это был план, выполнение которого давало нам качественно иную Россию!

К 1937 году страна окрепла, но жила ещё бедно. По общему количеству миллиардов киловатт-часов мы производили электроэнергии в два раза больше, чем Франция. А на душу населения — в два раза меньше! И в три раза меньше, чем Англия, в три с половиной — чем Германия, в пять с половиной раз меньше, чем США.

За третью пятилетку мы должны были сократить разрыв почти вдвое... В полтора раза должны бы-

ли вырасти заработная плата и розничный товарооборот.

Россия Сталина готовилась окончательно преобразиться!

ОДНАКО Я не сказал пока вот о чём ещё... Чтобы окончательно закончить с темой репрессий — в рамках этой книги, конечно, — надо не забыть и о массовых репрессиях 1937—1938 годов, которые имели место не только в «верхах», но и в «низах»... Что ж, и о них сказать есть что — для «демократизированного» уха непривычное...

В докладе Комиссии ЦК КПСС (в составе были П. Поспелов, А. Аристов, Н. Шверник и П. Комаров), представленном Президиуму ЦК КПСС 9 февраля 1956 года — накануне XX съезда КПСС, были названы следующие суммарные цифры по репрессированным за эти два года...

1937 год: арестовано: 918 671 человек, из них расстреляно 353 074 человека.

1938 год: арестовано: 629 695 человек, из них расстреляно 328 618 человек.

К слову, там же указано, что в 1939 году (когда во главе НКВД стоял уже Берия) было арестовано 41 627 человек, из них расстреляно 2601 человек.

Сразу скажу, что достоверной надо считать лишь две последние цифры. Что же до остальных, я сейчас о них кое-что сообщу, обратив внимание читателя на иезуитскую формулировку поспеловцев «арестовано», а не «осуждено»...

Ведь арест — это не обязательно приговор.

С 1956 года — с года начала шельмования Сталина не только за рубежом, но и на его родине — хрущевцы и «демократы» нагнали так много, что не всегда сводят концы с концами. Так, в сборнике «Лубянка. Сталин и ГУГБ НКВД. 1937—1938», изданном Международным фондом «Демократия», на стр. 659

приведены следующие суммарные данные «статистической отчетности НКВД за 1937-1938 годы» (прошу читателя сравнить с первыми цифрами в этой главке, взятыми из сборника Фонда «Реабилитация. Как это было...»): арестовано (и тут — «арестовано») в 1937 году — 936 750 человек, в 1938 году — 638 509 человек.

Расхождение «демократических» цифр вроде бы невелико, но ведь оба раза «подсчёт» приведён с точностью *до одного* человека. И оба раза — как я понимаю — «данные» лживы. Как лживо, например, утверждение Роя и Жореса Медведевых о том, что арестованный в 1949 году (за многие реальные грехи, надо заметить) член Политбюро Николай Вознесенский был якобы во время войны *заместителем* Сталина по Государственному Комитету Обороны. В действительности заместителем Председателя ГКО был вначале Молотов, а с 1944 года до упразднения ГКО в конце 1945 года — Берия. Вознесенский же стал *одним из членов* ГКО лишь в 1942 году.

Вернёмся, впрочем, к цифрам... Со ссылкой на оперативный приказ народного комиссара внутренних дел Союза ССР Н.И. Ежова № 00447 «об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» в докладе комиссии Пospelова заявлялось, что по приказу № 00447 первоначально планировалось арестовать 258 950 человек.

И это число даже несколько меньше подлинного, потому что в приказе № 00447 предусматривался суммарный лимит по I категории (расстрел) в 82,7 тысячи человек, включая 10 тысяч уже находящихся в лагерях НКВД, и по II категории (от 8 до 10 лет лагерей или тюрьмы) — 193 тысячи человек. Итого — 275 700 человек

Данные доклада комиссии Пospelова и легли в основу данных знаменитого якобы «секретного»

(по секрету всему свету) доклада Хрущёва на XX съезде партии. С тех пор эти данные и кочуют из одной книги в другую, приобретая к нашим дням статус непререкаемой истины.

Однако Хрущёв в «своём» докладе (в кавычках потому, что готовил доклад, конечно же, не Хрущёв и даже не Пospelов) если и говорил в каких-то местах «правду», то следующим, например, образом.

Пункт 3-й II раздела приказа № 00447 он процитировал так:

«В случаях, когда обстановка будет требовать увеличения утверждённых цифр, наркомы республиканских НКВД и начальники краевых и областных управлений НКВД обязаны представлять мне соответствующие мотивированные ходатайства».

Такие слова в пункте 3-м раздела II приказа № 00447 действительно имелись. И из этого Хрущёвым и прочими, ему подобными, делался вывод о том, что данный-де пункт сразу намекал на возможность увеличения лимитов и поощрял «процентоманию».

Но полностью этот пункт выглядел так:

«...3. Утверждённые цифры являются ориентировочными. Однако наркомы республиканских НКВД и начальники краевых и областных управлений НКВД не имеют права самостоятельно их превышать. **Какие бы то ни было самостоятельные увеличения цифр не допускаются (выделения везде мои. — С. К.).**

В случаях, когда обстановка будет требовать увеличения утверждённых цифр, наркомы республиканских НКВД и начальники краевых и областных управлений НКВД обя-

заны представлять мне соответствующие мотивированные ходатайства.

Уменьшение цифр, а равно и перевод лиц, намеченных к репрессированию по первой категории, — во вторую категорию и наоборот — **разрешается**».

Надо ли отдельно комментировать суть трюка, предпринятого хрущёвцами с текстом приказа № 00447?

Но и это ведь ещё не всё!

Во-первых, в число репрессируемых входили откровенные бандиты! Например, в Калининской области из примерно 4 тысяч расстрелянных в итоге по I категории их доля составила более 10 процентов. И даже нынешние тверские «демократические» историки об их «внесудебной» участи не жалеют.

Во-вторых, в приказе № 00447 суммарный «расстрельный» лимит по регионам СССР (он составлялся, к слову, **из учётных данных**, представленных **местными** органами НКВД) был определён в 72,7 тысячи человек. Репрессировать по II категории предполагалось 193 тысячи человек.

В современных же источниках — со ссылкой на Поспелова—Хрущёва — фигурирует цифра 681 692 (353 074 + 328 618) только расстрелянных за два года.

Где правда?

В постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 июля 1931 года начало чекистской операции по репрессированию было отнесено на 5 августа по всем областям Союза при крайнем сроке по ряду регионов 15 августа. Всю операцию предписывалось закончить в 4-месячный срок, то есть ко времени первых выборов по новой Конституции СССР в Верховный Совет.

Реально же операция продолжалась примерно до весны, а кое-где даже до ноября 1938 года, и тому

были свои объективные причины. Репрессии проводились не огульно и не просто так — велось следствие, оно давало новые имена, связи и т.д., и сроки приходилось удлинять. В итоге общее число репрессированных серьёзно превысило первоначальные лимиты.

Но насколько?

Думаю, не случайно итоговые цифры по регионам и областям нельзя узнать и сегодня. Но кое-что узнать можно.

Так, 8 сентября 1937 года Ежов в спецсообщении № 59750 докладывал Сталину:

«Всего на 1 сентября сего года было арестовано 146 225 человек. Из них 69 172 бывших кулака, 41 603 уголовника и 35 454 человека — контрреволюционных элементов.

Из этого количества арестованных осуждено тройками — к расстрелу 31 530 и к заключению в лагеря и тюрьмы 13 669 человек».

Сразу обращаю внимание читателя на высокий процент уголовников — 28 процентов от всех арестованных. Причём можно не сомневаться — это были действительно уголовники. Ежову не к чему было записывать в их число кулаков или бывших «беляков» — таких и без этого набиралось более чем много.

Далее... Простая арифметика показывает, что из числа арестованных в 146 225 человек было репрессировано всего 45 199 человек. То есть 101 026 человек репрессированы через месяц после ареста не были. Не думаю, что всех их просто отпустили, однако явно немалое их число отделалось всё же скорее всего стрессом.

Относительно дальнейшего надо сказать, что по некоторым регионам увеличение лимитов — по запросам с мест — было впоследствии очень значительным, особенно по I категории. По Красноярскому краю, например, с первоначальных 750 человек — до 7350 человек, по Омской области — с одной до восьми тысяч человек, по Оренбургской — с 1500 до 3500...

По Ленинградской области первоначальный «расстрельный» лимит в 4000 человек был увеличен до 5500 человек.

При всём при этом к 1 сентября 1937 года в СССР было арестовано в ходе чекистской операции 146 тысяч 225 человек, а расстреляно 31 530 человек. Это цифры точные — их приводит в 2003 году без комментариев Международный фонд «Демократия»!

А по данным Поспелова—Хрущёва, в 1937 году было якобы арестовано 918 671 человек, из которых расстреляно 353 074 человек.

Конечно, 1 сентября — не 31 декабря. Но если за первый месяц репрессий было расстреляно тридцать тысяч человек — и это по всему Союзу, по 64 местным наркоматам и управлениям НКВД, — то за оставшиеся до конца года четыре месяца расстрелять в десять раз больше было, простите, нерезально. Да и лимиты — даже увеличенные — и близко не дают цифры в триста пятьдесят тысяч расстрелянных за один только 1937 год.

Думаю, итоговое число репрессированных по I категории, то есть приговорённых к расстрелу (что не всегда означало реальный расстрел), превысило начальный лимит приказа № 00447 примерно втрое и не более, чем вчетверо, и составило за два года до двухсот пятидесяти — трёхсот тысяч человек.

Немало... Хотя до пятидесяти тысяч из них были, напоминая, просто опасными бандитами, которых

ликвидировали, используя внесудебные методы. Практика, в принципе, не такая уж и предосудительная.

Вышеприведённые подсчёты, конечно, очень приблизительны, но, как говорят учёные, порядок явления они выявляют и показывают: почти миллион расстрелянных «жертв Большого террора» объективными данными не подтверждается!

Впрочем, что до этого «демократам»! И в выпущенном в свет в 2003 году научным (!) издательством «Большая Российская энциклопедия» карманном энциклопедическом словаре «История Отечества» нас уверяют, что в 1937—1938 годах в СССР было арестовано семь миллионов человек, а три миллиона умерли или были расстреляны.

Что ж, кто больше?

Ведь даже хрущёвцы запустили в оборот хотя и злостно завышенные, но — не настолько уж беспардонно лживые цифры.

Впрочем, абсолютный рекорд лжи поставили, пожалуй, не «историки». Его, похоже, поставил физик, академик Сахаров. В своих «Воспоминаниях» он написал:

«Для расследования чрезвычайного происшествия (в 1951 году бесследно «пропал» лист, содержащий всю геометрию и все данные первой водородной бомбы!!! — С К.) из министерства (Министерство среднего машиностроения было образовано 26 июня 1953 года, а до этого существовало ПГУ при СМ СССР. — С К.) приехал начальник секретного отдела — человек, вызывавший у меня физический ужас уже своей внешностью, остановившимся взглядом из-под нависших век; он был начальником Ленин-

градского управления ГБ во время так называемого «ленинградского дела», когда в городе было расстреляно около 700 высших руководителей...»

Для представителя точных наук Андрей Дмитриевич допустил, во-первых, непростительную стилевую неряшливость — число высших руководителей, да ещё в одном городе, в любом случае исчисляется не сотнями, а единицами. Но главное в том, что по «ленинградскому делу» — вполне, к слову, обоснованному — к высшей мере наказания было приговорено 23 (двадцать три) человека. Это — абсолютно точная цифра, взятая из справки министра внутренних дел Сергея Круглова и его заместителя Ивана Серова от 10 декабря 1953 года, представленной ими Хрущёву в рамках подготовки реабилитации «ленинградцев» (всего их было осуждено 214 человек, при этом к различным срокам заключения — 85 человек, один — к принудительному лечению в психиатрической лечебнице, остальные — к высылке).

Итак, если стандартный «коэффициент лжи» демократов равен примерно 10, то «коэффициент лжи» Сахарова составил $700 : 23 = 30,43$ раза!

Соответственно, и «десятки миллионов» «узников ГУЛАГа» имели и имеют место лишь в злобных фантазиях клеветников на Сталина. Между прочим, самый известный из этих «узников» — Солженицын (надо же, как Бог и народ точно наградили фамилией его предков и его самого!), пройдя «все ужасы ГУЛАГа», без проблем дожил до 90 (девяноста!) лет... И не он один!

Во втором, дополненном издании своей книги «Берия: лучший менеджер XX века» я рассмотрел тему репрессий — особенно в «низах» более подробно, а здесь просто сообщу, что политической реальностью второй половины 30-х годов в СССР было

наличие внутри страны не только «верхушечной», но и «низовой» «пятой колонны», и репрессии 1937—1938 годов её сильно ослабили, хотя и не уничтожили до конца.

Эти «низовые» репрессии тоже зацепили часть невинных — что признавал впоследствии и Сталин. Но вина в том была не Сталина, да и зачастую не самих чекистов, в массе своей честно исполнявших свой долг. Основные издержки «низовых» репрессий объяснялись деятельностью сохранившихся и неразоблачённых троцкистов, антисоветчиков, объяснялись бытовыми наветами и прочим подобным, включая пакости пакостников из числа Ванек и Манек

Что же до основного контингента репрессированных, то напомним, что во время войны на стороне Германии воевало или служило примерно 800 тысяч советских граждан (это — без «власовцев»). Если бы не репрессии 1937—1938 годов, их число составило бы, скорее всего, полтора-два миллиона. И победа России досталась бы тогда ещё более кровавой ценой, потому что надо было бы сломать более мощное сопротивление рейха и его прихвостней.

То есть репрессии 1937—1938 годов имели в немалой мере характер превентивной войны России против своих потенциальных предателей. А ведь даже нынешние «демократы» не осуждают послевоенные казни нацистских пособников из числа советских граждан.

Но, впрочем, не репрессиями же была отмечена эпоха Сталина в первую очередь! В первую очередь это была эпоха всестороннего развития России, эпоха её растущих мощи и величия...

В ТОМ САМОМ 1913 году, от которого давно «пляшет» вся статистика и который считается пиком достижений царской России, её жилой фонд состав-

лял 180 миллионов квадратных метров. Реальной жилищной нормой в городах для рабочего люда была при этом норма карцера — полторы квадратных сажени или две кубических. Квартиру в Питере имело 28 процентов рабочих семей, комнату — 17 процентов, полкомнаты — 46. Ещё пять процентов «имели» «углы».

Итак, у почти половины рабочих семей в российской столице было по полкомнаты на всё про всё... Целуй, рожай, гуляй и помирай — всё в условиях «широчайшей гласности»...

Учись?

Э-э-э, вот этого — фига!

Пришёл Октябрь, прошла Гражданская война. Наступило время «Жилищного передела» — квартирной реформы 1918—1922 годов. Шестьдесят четыре процента семей въехали в квартиры, сорок шесть — в комнаты. Но жилищный передел — это ещё не жилищное строительство. Оно было впереди.

Вначале — не ахти какое. За одиннадцать лет до первой пятилетки Россия «нэповская» построила 43 миллиона квадратных метров жилья. Россия же социалистическая за двенадцать лет после первой пятилетки построила втрое больше: 123 миллиона.

На карте новой России появилось 523 новых города и 495 новых городских посёлков.

И это были не просто новые населённые пункты. Каждый город и посёлок — это новый завод или фабрика, рудник или шахта.

А перед их постройкой надо было провести изыскания, сделать проекты, подготовить кадры. Свои кадры, потому что зависеть от иностранных специалистов уважающая себя страна не может.

Правда, не все иностранцы приезжали в СССР в то время только за высоким заработком. Приезжали и за новыми идеями или — с собственными новыми

идеями. Так, выдающийся архитектор XX века французский конструктивист Ле Корбюзье именно в Москве в 1934 году реализовал свой первый крупный и блестящий строительно-архитектурный замысел, поставив у станции метро «Кировская» здание Центрсоюза (ныне — здание Центрального статистического управления).

В обиход входило новое слово «реконструкция»...

Архимеду нужна была одна точка опоры, чтобы перевернуть мир. Реконструкция, то есть индустриализация, коллективизация и культурная революция, — стала той точкой опоры, которая позволила Сталину и народу России в срок одной, по сути, пятилетки перевернуть Россию.

Причём перевернуть с ленивой головы на работающие ноги, после чего и голове лениться уже не пришлось!

Но могло ли здесь быть всё гладко?

Что ж, на этот вопрос ответил сам Сталин на кремлёвском приёме в честь металлургов 26 декабря 1934 года:

«У нас было слишком мало технически грамотных людей. Перед нами стояла дилемма: либо начать с обучения людей в школах технической грамотности и отложить на десять лет производство и массовую эксплуатацию машин, пока в школах не вырабатываются технически грамотные кадры, либо приступить немедленно к созданию машин и развить массовую их эксплуатацию в народном хозяйстве, чтобы в самом процессе производства и эксплуатации машин обучать людей технике, выработать кадры. Мы избрали второй путь. Мы пошли открыто и

сознательно на неизбежные при этом издержки и перерасходы, связанные с недостатком технически подготовленных людей, умеющих обращаться с машинами. Правда, у нас наломали за это время немало машин. Но зато мы выиграли самое дорогое — время и создали самое ценное в хозяйстве — кадры. За три-четыре года мы создали кадры технически грамотных людей как в области производства машин всякого рода (тракторы, автомобили, танки, самолёты и т.д.), так и в области их массовой эксплуатации. То, что было проделано в Европе в течение десятков лет, мы сумели проделать вчерне и в основном в течение трёх-четырёх лет. Издержки и перерасходы, поломка машин и другие убытки окупились с лихвой».

А 4 мая 1935 года в речи в Кремлёвском дворце на приёме в честь выпускников академий РККА (6 мая речь опубликовала «Правда») Сталин говорил:

«Мы получили в наследство от старого времени отсталую технически и полунищую, разорённую страну... Разорённая четырьмя годами империалистической войны, повторно разорённая тремя годами Гражданской войны, страна с полуграмотным населением, с низкой техникой, с отдельными оазисами промышленности, тонувшими среди моря мельчайших крестьянских хозяйств, — вот какую страну получили мы в наследство от прошлого...»

В подобной оценке не было ведь ни малейшего преувеличения — Сталин ещё и не всё вспомнил. Но сказанное о прошлом лишь предвещало основное, насущное, о чём Сталин сказал таю

«Задача состояла в том, чтобы эту страну перевести с рельс... темноты на рельсы современной индустрии и механизированного сельского хозяйства... Вопрос стоял так: либо мы эту задачу разрешим в кратчайший срок... либо... наша страна... растеряет свою независимость и превратится в объект игры империалистических держав...»

Надо было создать первоклассную индустрию... А для этого надо было пойти на жертвы и навести во всем строжайшую экономию, надо было экономить на питании, и на школах, и на мануфактуре, чтобы накопить необходимые средства для создания индустрии... Понятно, что в таком большом и трудном деле... успехи могут обозначиться лишь спустя несколько лет. Необходимо было поэтому вооружиться крепкими нервами, большевистской выдержкой и упорным терпением, чтобы преодолеть первые неудачи и неуклонно идти вперёд...»

С точки зрения русской грамматики Сталин говорил в прошедшем времени. Однако время, о котором он говорил, и с исторической точки зрения уже ушло в прошлое.

Что же до места, где Сталин говорил это, то сами приёмы в Кремле были тоже деталью нового. Раньше высшая власть, то есть царь, устраивала приёмы дипломатов, знати, ну — выпускников Академии Генерального штаба.

А теперь в кремлёвских залах приветствовали Труд. И можно было без преувеличения сказать, что это был Свободный Труд. Если, конечно, понимать под свободой не возможность делать что тебе вздумается, а осознанную необходимость честного участия в созидательной жизни общества.

Ведь подлинная свобода возможна лишь там, где человек лишён прикрытого «законом» права причинять вред другим и обворовывать их, решая за счёт этого свои личные проблемы.

Такая свобода — свобода от *жлобов* всех сортов — и начинала формироваться в СССР. Зарубежный троцкист Исаак Дойчер рассуждал о «принудительности» труда в Советской России, однако на самом деле перед страной стояла другая проблема — научиться работать.

Просто работать, изо дня в день.

Увы, далеко не все в рабоче-крестьянском государстве были к этому готовы. И как раз в годы первой пятилетки — то есть тогда, когда работа началась «всерьёз и надолго», появилось понятие «летун». Нехорошее понятие, но уже одно оно опровергало болтовню о «советском рабстве». Возникло в то же время и другое понятие в противовес первому — «самозакрепление».

В 1930 году крупная промышленность потеряла из-за прогулов 16 (шестнадцать) миллионов человеко-дней, в 1931 году — 25 (двадцать пять) миллионов. Обломы из русской жизни так просто не исчезали.

Более того! Возник новый их тип — деятельный, ильфо-петровский инженер Талмудовский в поисках лучшего «оклада жалованья» забирался даже на строительство Туркестано-Сибирской магистрали и, отхватив очередные «подъёмные», тут же исчезал.

Менее известны его сельские «коллеги», описанные прекрасным советским литератором Валентином Овечкиным в очерке «Без роду, без племени». В конце тридцатых Овечкин писал:

«Непоседливых искателей богатого трудодня называют в станицах «колхозники до первого градобоя». Есть люди, сделавшие пе-

реезды с места на место, из колхоза в колхоз, своего рода профессией, доходной и не особенно трудной, если не считать дорожных неудобств...»

Да, тут и впрямь было бы нелишним подумать о принуждении к труду. Вот география «путешествий» только одного, описанного Овечкиным, «талмудовского от сохи»: Забайкалье, Сибирь, Кубань, Башкирия, Казахстан, Дон...

Одновременно возникало, впрочем, и массовое новое отношение к труду и к своей стране. Уже осенью 1930 года только в Ленинграде двести тысяч инженеров, техников и квалифицированных рабочих обязались...

Читатель, я обращаю твоё особое внимание на то, что они всего лишь обязались *не покидать свои предприятия до конца первой пятилетки*. На Украине такие же обязательства по «самозакреплению» принял на себя каждый... третий металлист.

Всего лишь один из трёх.

А что остальные два?

А они предпочитали высматривать и выгадывать, куда отправиться на заработки: то ли в Днепропетровск, то ли в Днепродзержинск, то ли в Запорожье, то ли в Мариуполь... Опытных-то старых металлистов в первые годы индустриализации было не намного больше, чем новых заводов!

Искать «где лучше» человеку, хотя и не всякому, свойственно. Однако прошлая жизнь с её крепостным правом давала русским людям не очень-то много таких возможностей.

И не только русским. Нужда гнала за океан иммигрантов из Ирландии, из Италии, из австро-венгерской части Украины...

Тысячелетиями основными стимулами к труду для труженика были плеть, голод, та же нужда... Реже — жажда наживы, которую утолял один из сотни.

Теперь, впервые за всю историю человека, целая огромная страна, растянувшаяся на шестую часть мира, должна была найти новые регуляторы трудовых отношений взамен старых. В том числе — и совесть.

И раньше кадровый рабочий имел рабочую совесть, профессиональную гордость. Но польза от этого была не ему, а его хозяину. Теперь же надо было использовать эту совесть как чуть ли не плановый элемент экономики, улучшающий жизнь миллионов тем больше, чем более «совестливо», сознательно они работали.

В начале тридцатых годов весь Советский Союз исколесил английский промышленник Гартель. Вот его слова:

«Энтузиазм никогда не рождался из рабства. Если бы Советская Россия при осуществлении пятилетки зависела от принудительного труда, она распалась бы на следующий же день».

Прекрасно сказано! И — точно!

Не так ли?

Будущий премьер независимой Индии Джавахарлал Неру проехать по СССР тогда не мог. Он «путешествовал» тогда из одной индийской тюрьмы в другую. Но, сам отдавший себя делу народа, он и так хорошо понимал наши трудности и наши устремления.

9 июля 1933 года он писал дочери из очередной тюрьмы:

«В Советском Союзе действует принцип: «Кто не работает, тот не ест!» Но вдобавок к этому мотиву большевики привели в движе-

ние новый стимул к труду: работать ради общественного благосостояния. В прошлом этот стимул лежал в основе деятельности идеалистов и редких личностей, но общества в целом, усвоившего и реагировавшего на такое побуждение к деятельности, раньше не было.

Подлинной основой капитализма является конкуренция и личная выгода, получаемая всегда за счёт других. В Советском Союзе этот мотив личной выгоды уступил место социальному стимулу: рабочие в России, как сказал один американский писатель, учатся тому, что «от признания взаимной зависимости рождается независимость от нужды и страха»...»

Между прочим, Неру сумел увидеть на расстоянии и такую важную примету новой жизни в России:

«Избавление от ужасного страха перед нищетой и небезопасностью, повсюду довлеющего над массами, является великим достоянием. Говорят, что ликвидация этой угрозы почти полностью положила конец психическим заболеваниям в Советском Союзе».

Последнее было лишь желаемым, а не действительным, однако наличие *таких* слухов об СССР тридцатых годов, доходивших даже до Индии, говорит само за себя!

Честно посмотреть на новую Россию могли не только умный английский капиталист Гартель или борец против владычества Англии в Индии Неру, но

и французский художник Альбер Маркё, один из выдающихся художников XX века.

Его городские и морские пейзажи редко и мало населены людьми, но почти на каждом из них есть не праздный наблюдатель, а труженик и его работа. Для Маркё труд — это необходимая часть природы, населённой человеком. Пожалуй, только один его младший современник — Георгий Нисский из Советской России — в полной мере обладал таким же умением наполнить пейзаж ощущением человеческого созидания даже без присутствия человека на полотне.

Маркё объездил всю Европу, а в 1934 году приехал в СССР: Ленинград, Москва, Харьков, Тбилиси, Батуми...

23 августа 1934 года газета «Советское искусство» поместила его статью с показательным названием: «Обновлённая жизнь. Впечатления художника». Маркё разбирался в политике настолько же слабо, насколько хорошо разбирался в живописи. Но жизнь он видеть умел и поэтому выделил главное в увиденной жизни чужой страны — *обновление!*

Потом он открыто восхищался удивительной страной, где деньги не играют никакой роли, поражаясь бескорыстием молодёжи этой страны...

В ТОМ САМОМ 1934 году, когда французский художник Маркё ездил по СССР, советскому художнику Георгию Нисскому было тридцать лет. Сын фельдшера с белорусской узловой станции Новобелица, в восемнадцать он был командирован в Москву на учебу во Вхутемас — Всероссийские художественно-театральные мастерские.

В старой России было два основных типа художника: 1) признанный состоятельный и 2) талантливый, признаваемый, однако — неимущий.

Нередки были, впрочем, и талантливые, неимущие и непризнанные.

Но разве мог любой русский художник в старое время представить себе свою жизнь такой, как описывал её Нисский: «Мастерство волейбола постиг глубже, быстрее и совершеннее, чем мастерство живописи, и признаюсь, что часто писал урывками между состязаниями и матчами. Сетка и летящий мяч увлекали меня больше».

В спортивном зале, а не в мастерской Нисский познакомился с Александром Дейнекой, который был на четыре года старше. Нисский писал: «Встретил и полюбил Дейнеку. Понятно почему. У меня были здоровые, быстрые ноги, крепкие бицепсы. Я был здоров и молод, во мне рос новый человек. А на его рисунках и полотнах я впервые увидел новую жизнь, обстановку и тех людей, с которыми я встречался на улице, в цехах, на спортивном поле...»

Да, в новой России даже большой художественный талант иногда уступал спортивному азарту, а в старой России ни таланта, ни азарта не хватало даже «чистым» спортсменам. На Олимпийских играх в Стокгольме в 1912 году футбольная сборная России проиграла сборной Германии со счётом **«0:16 (ноль—шестнадцать)»!** В России это тогда расценивали как «спортивную Цусиму».

Так ведь и вся тогдашняя олимпийская сборная России заняла 15-е место из 18!

К слову, «россиянская» олимпийская сборная всё более движется, похоже, к чему-то подобному. Да оно и неудивительно — ведь ельциноидная «Россия—ния» находится в ближайшем «духовном» родстве со старой «Расеей».

Что же до России Сталина, то в 1932 году — всего через два десятка лет после царской «спортивной Цусимы» — в спортивных клубах СССР занималось

в двадцать раз больше спортсменов, чем их было в Российской империи в год футбольной «Цусимы». От пятидесятитысячной «белой» публики — к миллиону молодых рабочих парней и девчат, — вот путь, пройденный Россией Сталина к 15-летию Октября! А ведь это — не считая новых, привычных к солнцу и воде миллионов мальчишек и девчонок!

Нисский в 1932 году, после двухлетней службы в Красной Армии на Дальнем Востоке, написал пейзаж «Осень. Семафоры»...

Низкий горизонт, рыжая полоска земли с железнодорожными путями, стальные нити проводов с ласточками на них, чистое, просторное серое небо с лёгкими клочками белых облаков... Туда же, ввысь, рвутся клубы белого дыма паровоза, проносящегося под входными семафорами, на одном из которых красное, взлетевшее вверх «крыло» показывает: «Путь открыт».

Через год появилась картина «На путях», где фигурка девушки в белом платье с книгой в руке не теряется на фоне станционного путевого раздолья, а становится приметой жизни, возможной лишь теперь, здесь, в этой стране.

Нисский признавался: «У меня с семафором больше интимности, чем с берёзкой. Паровоз выразительнее и современнее, чем левитановская копна, около него наше сегодняшнее настроение».

Но это *сегодняшнее* у Нисского не давило природе, а вписывалось в неё.

Чуть позже, в 1937 году, в том самом году, когда московские троцкисты сидели на скамьях «московских процессов», а сам Троцкий публиковал в Лондоне и Нью-Йорке статьи о «мрачной сталинской тирании», друг Нисского Дейнека напишет своё лучшее, быть может, полотно — «Севастополь. Будущие лётчики»... То время дало много картин, точно выра-

жающих время, но вряд ли можно найти другую, так принадлежащую и настоящему новой страны, и её будущему.

Простор моря и неба... Гидросамолёты.. Солнце... И три сидящие фигуры — взрослого и двух мальчишек, смотрящих на воды летней бухты и, одновременно, в своё солнечное завтра.

Рабочий Порфирий Полосухин до службы на флоте работал в Свердловске. За шесть лет до того, как дейнековские будущие лётчики уселись на сева-стопольской набережной понаблюдать за полётами, краснофлотец Полосухин следил вместе с товарищами с палубы крейсера, как над той же бухтой от набравшего высоту гидроплана отделяется чёрная точка. Знаменитый парашютист Леонид Минов впервые в истории прыгнул над Чёрным морем.

Пройдёт немного времени, и русский рабочий парень с Урала сам станет известным пилотом воздушных шаров и парашютистом-испытателем. В СССР Сталина для этого не требовались титулы или деньги. Достаточно было способностей и желания. Девизом жизни становилось: «Кто весел, тот смеётся, кто хочет, тот добьётся».

В августе 35-го года на Всесоюзном парашютном слёте Полосухин познакомился с изобретателем ранцевого парашюта Глебом Евгеньевичем Котельниковым. До революции проект Котельникова рассматривала Комиссия военно-технического управления генерала Кованько. Генерал иронически улыбался:

- Всё это прекрасно. Но, собственно, кого вы собираетесь спасать?

- То есть как? — не понял изобретатель.

- Если ваш спасающийся выпрыгнет из самолёта, то ему уже незачем будет спасаться!

- Почему?

- Потому что у него от толчка оторвутся ноги.
- ???!
- Да-с, ноги...

А ведь Кованько был ещё не худшим. Он сам поднимался в воздух на привязных шарах, в 1909 году совершил свободный полет на аэростате, в авиации служил его сын.

Белоэмигранты в Париже издевались над «невежественными московскими комиссарами», взявшись управлять Россией, но вот документально зафиксированное мнение «просвещённого» царского шефа Российских воздушных сил великого князя Александра Михайловича: «Парашют в авиации — вещь вообще вредная, так как лётчики при малейшей опасности, грозящей со стороны неприятеля, будут спасаться на парашютах, представляя самолёты гибели».

Вот как «верил» в боевые качества даже лучших русских офицеров один из высших официальных деятелей царской России и ближайший родственник нынешнего «демократического» кандидата на первое место в истории России.

В Советской России по поводу такого мнения даже не посмеялись бы, даже не пожали бы плечами...

12 июля 1935 года над Тушинским аэродромом накрапывал дождь. Однако настроения спортсменов Центрального аэроклуба он не охлаждал. Приехали Сталин и Ворошилов. Начался авиационный показ.

Взлетали планеры и самолёты. Инструкторы Полосухин и Шукин с московским рабочим Коскиным прыгали затыжными прыжками с трёх У-2, а с двух тяжёлых ТБ прыгнули пятьдесят парашютистов.

Лётчик-ас Алексеев веселил публику номером «Первый самостоятельный вылет пилота-ученика».

Самолёт в воздухе дёргался, заваливался, на посадке давал сильного «козла» — нелепо прыгал...

Все весело смеялись, а Алексеев уже набирал высоту для демонстрации мастерской посадки с последнего витка многовиткового штопора.

Виток, второй... пятый... И, не выходя из шестого, машина врежется в Москву-реку. Фонтан брызг и полное молчание зрителей.

Со старта срывается санитарная машина, через пару минут возвращается к группе во главе со Сталиным. И из неё вылезает... мокрый, с забинтованной головой, сконфуженный Алексеев:

- Товарищ народный комиссар обороны, лётчик Алексеев потерпел аварию.

- Причина?

- Дождь, мокро, в последний момент сапог соскользнул с педали.

Может, конечно, Алексеев и просто ошибся в увлечении, да как тут ругать его? Ворошилов, однако, делано хмурится, но тут к неудачнику широко шагает Сталин и пожимает ему руку. Потом молча обнимает.

И снова самолёты уходят в воздух...

Пустяк? Нет — стиль Сталина. Невольную ошибку — особенно *своему* — простить можно. Халатность — даже своему — нельзя.

И уж тем более нельзя простить вредительство и саботаж *чужим*.

А вот такая деталь...

Американский профессор Лорен Грэхэм в 80-х годах XX века возмущался тем, что, когда в конце 20-х годов XX века Сталин начал проводить политику ускоренной индустриализации, он якобы «совершенно игнорировал» при этом вопросы здравоохра-

ния и «счёл специалистов по общественной гигиене опасными оппонентами».

Надо полагать, что лишь по недосмотру Сталин не счёл здесь опасным оппонентом также Корнея Чуковского с его «Мойдодыром», а заодно — и Владимира Маяковского. Ведь в своём «Рассказе о людях Кузнецкстроя» Маяковский прямо писал: «Под старою телегою рабочие лежат. / Сидят в грязи рабочие, сидят, лучину жгут. / Свела промозглость корчею — неважный мокр уют, / сидят впотьмах рабочие, подмокший хлеб жуют».

Какая уж тут гигиена — сплошная антисанитария...

Однако Грэхэм не видел дальше собственной злобы на Сталина. А вот что увидел в год «московских процессов», в год 1937-й, видный американский историк медицины Генри Зигерист:

«В Советском Союзе сегодня начинается новая эпоха в истории медицины. Всё, что было достигнуто в медицине за предыдущие пять тысячелетий, составляет лишь первую стадию, стадию лечебной медицины. Новая эра, эра профилактической медицины, берёт своё начало в Советском Союзе».

Вот так!

И, конечно, Зигерист был прав. В царской России в 1913 году было 9 (девять) женских консультаций и детских поликлиник. А в СССР в 1940 году — почти *девять тысяч* во главе с Государственным институтом охраны материнства и младенчества.

В Москве 1913 года каждый год умирало 22 москвича из тысячи, а в 1931 году — менее 13.

Вот ради этого и сидели в грязи рабочие Кузнецкстроя, вслед за которыми Маяковский повторил: «Через четыре года здесь будет город-сад»...

Он ведь впоследствии и вырос.

БОЛЬШОЕ действительно лучше видится «на расстоянии». Однако даже на расстоянии надо уметь видеть. Ленин половину сознательной жизни до революции прожил в эмиграции. А лучше многих, не покидавших России её «радетелей» он сумел рассмотреть в русском человеке не только плохого работника, но и *личность*, вполне способную «отбросить прочь всякое уныние, стиснуть зубы, собрать все свои силы, напрячь каждый нерв, натянуть каждый мускул и идти вперёд».

Умел видеть большое и Наполеон. Он никогда не носил косовороток и смазных сапог, но тоже верно оценил русского человека: «Нет лучше русского солдата при *правильном* им руководстве».

Увы, русским человеком редко руководили *правильно* — в интересах если не его самого, то хотя бы в интересах его Отечества, а не прихотей барского «ндрава» и брюха. Ярослав Мудрый и ещё несколько киевских и владими́ро-суздальских великих князей, Александр Невский, Иван Калита, Димитрий Донской, Иван III, при всех вывихах натуры — Иван IV Грозный, потом — умница Пётр... Вот и все, собственно, действительно великие руководители России за всю её дореволюционную историю.

Эпоха Екатерины II была сильна Румянцевым, Потёмкиным, Суворовым, да и сама Екатерина чего-то стоила, если умела ценить таких сотрудников и публично заявляла: «Да посрамит небо всех тех, кто берётся управлять народами, не имея в виду истинного блага государства». На деле Екатерина слишком часто сама отклонялась от этого принципа, но это было всё же мышление, принципиально отличное от воззрений Людовика XIV: «Государство — это я» и принципа жизни французской же аристократии времён Людовика XV: «После нас — хоть потоп»...

В первой половине девятнадцатого столетия царская Россия сумела поставить в ряды достойных её народа лидеров лишь Кутузова, графа Мордвинова и плеяду героев «грозы 12-го года»... Но и это были питомцы екатерининского века или их прямые выученики.

Ещё один всплеск *правильного* руководства русским человеком пришёлся на Севастопольскую эпопею 1854—1855 годов. Её флотские руководители оказались вполне достойными того народа, чьим сынам они отдавали приказы. Из пятнадцати тысяч матросов, сошедших на берег защищать Севастополь, осталось в живых пятьсот.

Их же высшие командиры — адмиралы Корнилов, Истомин, Нахимов — погибли *все*.

То есть в условиях царской России второй половины прошлого века за право на *правильное* руководство русскими приходилось платить уже жизнью.

Россия худосочно развивалась скорее силою вещей, чем силою государственного разума. Крупнейший деятель времён Александра I и Николая I — министр финансов граф Канкрин считал железные дороги «вредной болезнью нашего века». В итоге Россия получила Крымскую катастрофу.

Брат «царя-освободителя» Александра II, великий князь Константин, через два года после Крымского подвига народа и Крымского позора монархии «изобретательно» отыскал источник пополнения казны в продаже Русской Америки. В письме канцлеру Горчакову он оправдывал свою идею «стеснённым положением государственных финансов».

Газета издателя знаменитых «Отечественных записок» Краевского «Голос», сама удивляясь своей смелости, писала:

«Сегодня слухи продают русские американские колонии; кто же поручится, что завтра не начнут те же самые слухи продавать Крым, Закавказье, Остзейские губернии? За охотниками дело не станет... Какой громадной ошибкой и нерасчётливостью была продажа нашей колонии Росс на берегу золотоносной Калифорнии; позволительно ли повторить теперь подобную ошибку?

И неужели чувство народного самолюбия так мало заслуживает внимания, чтобы им можно было пожертвовать за какие-нибудь 5—6 миллионов долларов?

Неужели трудами Шелихова, Баранова, Хлебникова и других самоотверженных для России людей должны воспользоваться иностранцы и собрать в свою пользу плоды их?»

Краевский забыл сказать ещё и о мечтах Михаила Ломоносова, который за сто лет до резвых великокняжеских и монарших комбинаций был уверен, что в тех краях «можно завести поселения, хороший флот с немалым количеством военных людей, россиян и сибирских подданных языческих народов», и что «российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и *в Америке*».

Ломоносов же писал:

«Если же толика слава сердец наших не движет, то подвигнуть должно нареkanie от всей Европы, что, имея Сибирского океана **оба концы** и положив на то уже знатные иждивения с добрыми успехами, оставляем всё втуне».

Увы, даже великий помор не предвидел оборотистости «царей»: они не оставили дальние русские земли на *том* конце «Сибирского океана» втуне, а спустили их в 1867 году, как пару неудобных сапог.

Современник Александра II Краевский тоже не ожидал от своего монарха такого преступного акта, как сдача грандиозных русских геополитических перспектив на Тихом океане одному из самых серьёзных геополитических противников России — Североамериканским Соединённым Штатам. Однако Аляску, Алеутские острова с остальными островами северо-западной зоны Тихого океана, архипелаг Александра (по имени дяди императора Александра II — императора Александра I) и ещё ряд российских материковых североамериканских земель продавали не слухи, а «цари».

Они отдавали возможную блестящую русскую будущность на Дальнем Востоке не за пять-шесть, правда, а за семь миллионов двести тысяч долларов. Хотя умеющие считать петербургские «Биржевые ведомости» и эту цену сочли ничтожной.

Что ж, прикинем... Курс доллара тогда составлял один рубль шестьдесят копеек золотом. Итого, Русскую Америку дед Николая Кровавого продал янки за 11 миллионов 520 тысяч рублей.

А в том году, когда двоюродный дед Николая Кровавого, великий князь Константин впервые предложил этот выгодный семейный гешефт, то есть в 1857 году, бюджет Министерства Императорского Двора (балы, парады, лакеи, приёмы, обеды, выезды и прочая, и прочая) был определён в 11 миллионов 653 тысячи 600 рублей.

Через десять лет, в 1867 году, когда якобы «недоходные владения» в Америке «цари» сбыли с рук, этот же «цивильный лист» императора стоил 10 миллионов 933 тысячи 500 рублей.

Доходы государственного бюджета России в том же году составили почти 439 миллионов рублей.

Выходит, продажа Аляски увеличила доходы российского бюджета всего на два с половиной процента в одном-единственном году!

Ну как тут не согласиться с «Биржевой»?!

Думаю, что нелишним будет привести и мнение русского морского офицера Головина, который в ответ на уверения, что такая сделка оздоровит, мол, русско-американские связи, написал:

«Что касается до упрочения дружественных отношений России с Соединёнными Штатами, то можно сказать положительно, что сочувствие к нам американцев будет проявляться до тех пор, пока оно их ни к чему не обязывает или пока это для них выгодно; жертвовать же своими интересами для простых убеждений американцы никогда не будут».

Последнюю цитату я написал бы жирным шрифтом на брусчатке Красной площади — специально для ельциноидных любителей «стратегического партнёрства» со Штатами.

Американцы не способны жертвовать своими интересами, но ведь и Александр II тоже жертвовал не своими интересами, а интересами России. По стопам отца пошёл и сын, император Александр Третий. Это ему принадлежит эффектная фраза: «У России только два верных союзника: ея армия и флот». Говорил верно, делал худо: российская армия шла в перспективе к падению Порт-Артура, к Мукдену, а флот — к Цусиме.

И как раз при последнем Александре французские капиталы через банки Ротшильдов начали оккупировать Россию с тем результатом, который че-

рез пару десятилетий даже Съезд дворянских обществ считал для будущего страны плачевным.

Ну, а управление Россией сыном последнего Александра — последним Николаем оценил русский учёный Грум-Гржимайло: «глупое управление». И мне остаётся с ним лишь согласиться.

Однако ответственность за такое «управление», глупое, мелочно-жадное и безжалостное к судьбе России, должны разделить с венценосными крестинами и тысячи жадных промышленных и финансовых воротил, и десятки тысяч крупных помещиков-дворян — Рюриковичей, Гедиминовичей и прочих, которые подрезали крылья даже этим коронованным птицам невысокого полета. Ведь «царь-освободитель» перед реформой 1861 года не знал, чего ему бояться больше — крестьянского бунта при сохранении крепостного права или дворцового переворота после его отмены.

Теперь, в бурные и грозные годы XX века, после преждевременного ухода из жизни России Ленина, во главе огромной страны стоял человек, которому не раз уже угрожали и тёмные бунты «снизу», и амбициозные перевороты «сверху».

А он спокойно — с величием и спокойствием истинного государственного гения — встречал опасности и преодолевал их. И единственное, что ему не угрожало точно, так это растерянность. Ещё накануне Октября писал он:

«Революционный клич, данный нашей партией, понят не всеми одинаково. Рабочие стали вооружаться. Они, рабочие, много прозорливее очень многих «умных» и «просвещённых» интеллигентов. Солдаты от рабочих не отстали. Не то с другими слоями... Буржуазия знает, где раки зимуют. Она взяла

да «без лишних слов» выставила пушки у Зимнего дворца. Агенты буржуазии открыли против нашей партии поход. Их подголоски разразились воззванием, призывая «не выступать». А перепуганным неврастеникам невмоготу стало, ибо они «не могут больше молчать» и умоляют нас сказать наконец, когда же выступят большевики. Словом, если не считать рабочих и солдат, то поистине: «окружили мя тельцы мнози тучны», клеветая и донося, угрожая и умолая, вопрошая и допрашивая»...

Весело, с юмором писал эти строки молодой Сталин в 1917 году. Прошло тринадцать лет, и опять окружили его со всех сторон — клеветца, умолая, вопрошая, проклиная...

Страна ушла от царизма, но не ушла от себя. Называясь в 1930 году Союзом Советских Социалистических Республик, по своей национальной психологии она оставалась тогда во многом «Расеей» Пугачёва, а ещё больше — Обломова...

Русский крестьянин набивал мозоли с утра до ночи — так уж он привык. Но, обливая потом тело, он был не склонен к душевным усилиям для того, чтобы немного промыть мозги и совместно организоваться к более умной, осмысленной жизни. И эта раздвоенность народной доли давно не давала покоя настоящим русским патриотам...

Немного известный читателю Александр Николаевич Энгельгардт до тридцати восьми лет был профессором химии Петербургского земледельческого института, а в 1871 году его за народническую пропаганду среди студентов выслали под надзор полиции в собственное имение Батищево Смоленской губернии. Там он создал образцовое хозяйство. Русскую деревню он прекрасно и очень точно описал.

Его охотно цитировал Ленин, который считал, что Энгельгардт «вскрывает поразительный индивидуализм мелкого земледельца с полной беспощадностью и... подробно показывает, что наши крестьяне в вопросах о собственности самые крайние собственники, что у крестьян крайне развит индивидуализм, эгоизм, стремление к эксплуатации».

Это Энгельгардт описал, как в «больших» русских крестьянских семьях каждая баба моет лишь *свою дольку* стола...

ЗАПИСКИ российского химика Энгельгардта относятся к последнему двадцатилетию XIX века. А в начале тридцатых годов XX века уже советский физик Сергей Фриш по возвращении из научной командировки в Германию и Голландию наблюдал в краю родных осин весьма грустные картины, невольно сравнивая их с заграничными...

Ленинград... Трамвайная остановка, людей немного. Подходит полупустой трамвай, и начинается толкотня — каждый пытается влезть первым.

В Берлине Фриш видел иное... Час «пик». К остановке подходит автобус, и кондуктор с задней площадки показывает ожидающей очереди три пальца — мол, свободных три места. Три первых спокойно, не торопясь, входят в автобус.

Ленинград... У керосиновой лавки молодой возчик скатывает с телеги по доске новенькие металлические бочки. Одна случайно вырывается и ударяется о фонарный столб... На бочке — вмятина... И теперь остальные бочки скатываются прямо на столб: парню понравился грохот, и он направляет их туда нарочно.

А вот Голландия, тихий городок Гронинген... Тоже лавка, и тоже бочки на телеге. Возчик достает из-

под козел соломенную подушку и начинает аккуратно снимать бочки на неё.

Вот в каких условиях Сталин решился пойти на «великий перелом» не только в сельском хозяйстве России, но и в национальной психологии! Вот какие «вековые устои, обычаи, привычки», милые сердцам Гедиминовичей, князей Голицыных, надо было разрушить, чтобы Россия могла жить.

Поколения Голицыных, Бобринских, Романовых привили *такие* «устои» поколениям русских крестьян. После реформы 1861 года, после «освобождения», миллионы бывших крепостных двинулись в города, унося с собой и устои, обычаи, привычки. Хорошие и безобразные.

Города же Рябушинских, Терещенок, Гужонов и Бродских давили доброе и поощряли тёмное, придурковатое...

А «группе садистов» — по определению «чисто» воспитанного князя Владимира Голицына, то есть Сталину и ВКП(б), — пришлось выполнять чёрную работу расчистки уродливых многовековых напластований в русском национальном характере.

Само село не понимало необходимости этого *для села же...* А вот профессор Энгельгардт писал задолго до сталинской коллективизации:

«Вопрос об артельном хозяйстве я считаю важнейшим вопросом. Каждый, кто любит Россию, для кого дорого её развитие, могущество, сила, должен работать в этом направлении...»

Сталин любил Россию, и для него были дороги её развитие, могущество и сила. Поэтому он и работал в *этом* и многих других направлениях — для обеспечения будущего России, как бы это ни было трудно.

Для лучшего понимания проблем Сталина надо понять ведь и вот что... Голландия, скажем, издавна считается классически благополучной страной. Но за счёт чего?

Трудолюбие и аккуратность народа?

Да, конечно. Но — не только...

В одной лишь голландской колонии Индонезии было в шесть раз больше населения, чем в метрополии. И почти в каждой не то что городской, а даже деревенской семье там, «в Индии», как говорили голландцы, был кто-то, кто служил на хлебных должностях «белых служащих» на плантациях и присылал домой неплохие деньги.

Из века в век.

Чепцы и передники юных голландок были непорочно чисты, но если посмотреть сквозь них на просвет, то за ними можно было увидеть не только голубое фламандское небо и нежно-розовые облака, но и рахитичных коричневых младенцев, плоские, обвисшие груди их молодых матерей, кровь и пот их отцов.

Даже великое голландское прилежание без капитала значило бы мало. А ведь у нас не было в начале социалистической реконструкции ни капитала, ни прилежания.

А социалистическая реконструкция была проведена в одно, по сути, десятилетие — с 1930 по 1940 год! Это — абсолютно короткий срок по сравнению с любыми другими грандиозными социально-экономическими преобразованиями, которые когда-либо и где-либо предпринимались в мире. Даже трудолюбивые японцы после совершения своей «консервативной революции Мэйдзи» в 1867—1868 годах никогда не имели таких темпов!

Причём Россия совершила такой великий рывок практически без привлечения иностранного капитала и полностью без эксплуатации чужих народов.

Кому — кроме миллионов своих Иванов да Марий — Россия обязана этим в первую очередь?

Честный ответ здесь один: «Сталину!»

В своё время Дан говорил о Ленине в том смысле, что невозможно, мол, противостоять человеку, который двадцать четыре часа в сутки думает об одном — о социалистической революции.

Эта же характеристика полностью приложима и к Сталину с той только разницей, что он двадцать четыре часа в сутки думал уже не о социалистической революции, а о социалистическом строительстве в стране, эту социалистическую революцию совершившей.

Знаменитый эсер Виктор Чернов в марте 1924 года опубликовал в эмигрантском журнале «Воля России» статью о Ленине. При чтении этой статьи я невольно отметил для себя три момента: ограниченность самого Чернова, закономерность политического краха его партии и... безальтернативность Ленина, как единственно возможного для России политика, способного в то бурное время Россию спасти, а не погубить.

А в тридцатые, сороковые, пятидесятые годы уже Сталин оказывался таким безальтернативным политиком, единственно способным не погубить Россию, а укрепить и возвеличить её.

ЧЕРНОВ писал о Ленине, которого хорошо знал. Однако то, что он написал о Ленине, полностью относилось и к Сталину, которого Чернов почти не знал:

«Счастливая целостность его натуры и сильный жизненный инстинкт делали из него какого-то духовного «Ваньку-встаньку». После всех неудач, ударов судьбы, поражений, он умел духовно выпрямляться. Его во-

левой темперамент был как стальная пружина, которая тем сильнее «отдаёт», чем сильнее на неё нажимают. Это был сильный и крепкий политический боец, как раз такой, какие и нужны, чтобы создавать и поддерживать подъём духа, и чтобы при неудаче предупреждать зарождение паники, ободряя силою личного примера и внушением неограниченной веры в себя, — и чтобы одёргивать в моменты удачи, когда так легко и так опасно превратиться в «зазнавшуюся партию», способную почить на лаврах и проглядеть будущие опасности.

Он никогда не был блестящим фейерверком слов и образов (чем отличались Троцкий, Зиновьев, Бухарин. — С.К). Он бывал и неуклюж, и грубоват, он часто повторялся. Но в этих повторениях, и в грубоватости, и в простоте была своя система и своя сила. Сквозь разжёвывания пробивалась живая, неугомонная, волевая стихия, твёрдо шедшая к намеченной цели.

Его охотно считали честолюбцем и властолюбцем; но он был лишь естественно, органически властен, он не мог не навязывать своей воли, потому что был сам заряжен «двойным зарядом» её и потому, что подчинять себе других для него было столь же естественно, как центральному светилу естественно притягивать в свою орбиту и заставлять вращаться вокруг себя меньшие по размеру планеты, — и как им естественно, светить не своим светом, а отраженным. Плебей по привычкам и натуре, он оставался прост и натурален в своём быту после октябрьского торжества так же, как и до него».

Чернов, правда, ошибся, определяя Ленина как «плебея»... Впрочем, бывший оппонент Ленина здесь явно имел в виду лишь то, что в Ленине не было «утончённости»... Ещё менее можно считать «утончённым» — в тривиальном смысле этого слова — Сталина. Однако и утончённость — не жеманно-«светская», а духовная утончённость в двух великих лидерах большевиков была... Ни Ленин, ни Сталин не были простыми натурами. Врождённый аристократизм духа и мысли как высшая форма естественности при полном отсутствии позы — вот что сквозит в каждой фотографии Ленина.

Сталин же...

Маршал авиации Голованов как-то вспоминал об одном необычном обеде у Сталина во время войны...

За столом сына сапожника сидел Черчилль — прямой потомок герцога Мальборо. Англичанин начал с того, что налил в большую рюмку, стоящую перед Сталиным, армянский коньяк. Сталин ответил ему тем же, и...

«Тосты следовали один за другим, — вспоминал Голованов, — Сталин и Черчилль пили вровень. Я слышал, что Черчилль способен поглощать большое количество горячительных напитков, но таких способностей за Сталиным не водилось. Что-то будет? Черчилль на глазах пьянел, а в поведении Сталина ничего не менялось. Видимо, по молодости я слишком откровенно проявил интерес к состоянию двух политических деятелей и очень переживал, чем всё это кончится. Встреча подошла к концу. Все встали. Черчилль покинул комнату, поддерживаемый под руки. А я стоял, как заворождённый, и смотрел на Сталина. Конечно,

он видел, что я всё время наблюдал за ним. Подошёл ко мне и сказал: «Не бойся, Россию не пропью. А вот Черчилль будет завтра метаться, когда ему скажут, что он тут наболтал». И твёрдой, неторопливой походкой вышел из комнаты»...

Черчилль был по привычкам патрицием, по натуре же — как раз плебеем, потому что был, во-первых, духовным рабом «золотого тельца», а во-вторых, он был и прямым, *наёмным* слугой «золотого» меньшинства человечества.

Сталин был прост по привычкам, но обладал тем величием, которое даётся только благородной душе, служащей благородному делу.

А Троцкий, Бухарин, Литвинов-Валлах, Черчилль, Рузвельт и десятки других политических фигур — современников Сталина?..

У всех них были слабости, мелкие пристрастия, страстишки.

Если не из каждого, то из каждого второго абзаца статей коллекционера бабочек Бухарина выпирало: «Ах, какой *я* умный и остроумный».

У Троцкого рефрен был другой: «Ах, какой *я* главный!»

У Черчилля: «Какой я дальновидный и безупречный».

Штампованная улыбка Рузвельта должна была убеждать, какой он «свой парень»...

Поведение Сталина, выступления Сталина, тексты Сталина говорили: «Вот *мы*. Вот *наши* задачи, и вот как *нам* надо их решать».

Тухачевский делал скрипки. Умилительно? Возможно...

Черчилль на досуге собственноручно выкладывал кирпичные стены и даже был торжественно принят в профсоюз каменщиков.

У Сталина же — практического социального реформатора с уникальными возможностями, было лишь одно увлечение, одна страсть — укрепление России, во главе которой он стоял.

Сталин не терпел ворон. Зато на его даче было множество ручных белок. Задумаемся, мог ли он выбрать себе лучших друзей из меньших наших собратьев?

Собаки и даже кошки требуют для себя части души. Но политик, живущий для трудящихся, просто не имеет права расходовать душевные силы на что-то иное, кроме самих людей.

Лошади? Это или право прирождённого конника, или прихоть аристократа.

Но милая русская зверушка, мгновенно сметающая с души хлам и усталость своим рыжим роскошным хвостом?

Какой точный и человеческий выбор — белка на руке у Сталина. Сама доверчивость на руке у того, кто мог оценить эту доверчивость именно потому, что очень хорошо знал цену права на доверие.

Вот так же, порой на уровне инстинкта, доверяли Сталину массы.

И партийные, и народные.

Троцкий тяготел к партийной элите и вообще к элите.

Сталин же вышел из народа и свой партийный авторитет обретал в народе.

В народе он его, между прочим, по сей день и сохранил — несмотря на все старания его врагов, то есть врагов России.

В 1924 году Виктор Чернов признавал, что «в лице Ленина сошёл в могилу самый крупный характер из выдвинутых русской революцией».

И это было так.

Однако уже тогда в лице Сталина Россия имела второй наиболее крупный характер, стоящий на стороне трудящихся.

К началу тридцатых годов стало ясно, что это теперь и *единственный* крупный характер в России, отвечающий требованиям эпохи крутого русского взлёта к вершинам могущества и благополучия.

А ход истории в России и в мире в тридцатые и сороковые годы выявлял эту истину всё яснее и масштабнее...

О СТАЛИНЕ как о первой фигуре не только русской, но и мировой истории я ещё скажу. Но Сталин — удивительно многогранный гений, и чтобы описать его феномен во всех его проявлениях, нужны толстые и — как ни странно — всё ещё не написанные тома.

Сейчас же немного о Сталине — вожде советских инженеров...

Даже такой ненавистник новой России, как историк-эмигрант Георгий Федотов, в своём «моментальном снимке России» — к 1 января 1936 года, сквозь зубы признавал:

«...Сталин широко распахнул дверь в жизнь практикам-профессионалам...

Подлинная опора Сталина — это тот класс, который он сам назвал «знатными» людьми... Партийный билет и прошлые заслуги значат теперь немного; личная годность... — всё. В этот новый правящий слой входят... чекисты, командиры Красной Армии, лучшие инженеры, техники, учёные и художники страны...

Новый советский патриотизм есть факт, который бессмысленно отрицать. Это есть единственный шанс на бытие России...»

Это писал враг! Но даже враг понимал, что в Советской России уже возник новый прочный патриотизм. Теперь в России чем более человек был образован, тем больше он любил Россию.

И тем больше он для неё хотел и мог сделать.

Это и была подлинная молодая гвардия Сталина! Хотя в ряды интеллектуальной гвардии Страны Советов во второй половине тридцатых годов вошли и многие старые специалисты, всё чаще называвшие себя беспартийными большевиками.

Кто-то из них, как старый академик Патон, потом стали большевиками и по официальной партийной принадлежности.

Сталин свою научно-техническую гвардию знал отлично, ценил её, уважал, выслушивал и поддерживал. Но для этого ведь надо было в её проблемах разбираться!

В том числе — в чисто профессиональных проблемах.

А формально у Сталина за плечами была лишь неоконченная духовная семинария.

Тем не менее вы не найдёте (то есть **вообще не найдёте!**) мемуаров тех, кто долгим, деловым образом сотрудничал со Сталиным (и нередко немало от него претерпел) и кто не отзывался бы о нём с глубочайшим уважением. Конечно, речь здесь не о Троцком или Хрущёве, а об организаторах промышленности, конструкторах, военачальниках, металлургах, энергетиках.

Один из малоизвестных мемуаристов, бывший сталинский нарком электростанций Жимерин, в 1931 году закончил Московский энергетический институт. Привычный к труду крестьянский сын и науку осваивал неплохо, почему и был зачислен в аспирантуру.

Вскоре, однако, пришлось заняться практической энергетикой и со временем войти в тот круг народно-хозяйственных руководителей, который можно назвать «Большой командой Сталина» и в который входили сотни лично Сталину известных командиров экономики — от наркомов до директоров крупных предприятий.

Первая встреча Жимерина со Сталиным была не из самых удачных — из-за перегрузки уральских заводов там наступил кризис электроснабжения.

Молодого наркома вызвали на совещание в сталинский кабинет, и там Сталин сообщил ему:

- На вас жалуются, что на Урале отключаются заводы, там падает... — со стороны подсказали: «частота», — да, падает частота. Что это, кстати, такое?

Уже сам такой вопрос в такой ситуации и на таком уровне может задать лишь абсолютно естественный, лишённый позы и сомнений человек!

Не так ли?

Жимерин объяснил — что и к чему мол, имеются чисто технические причины...

Сталина интересовали, конечно, не причины, а возможность их устранения, и он спросил:

- Что вы предлагаете?

Жимерин предложил решение, и Сталин тут же уловил суть, что Жимерина восхитило. Поражён он был и спокойным, вдумчивым стилем делового общения Сталина. И первое впечатление не обмануло наркома. За много лет общения и в личных встречах, и на заседаниях Политбюро Сталин был внимателен и терпелив.

Возразил он Жимерину один раз, уже после войны — в споре (!) по поводу сооружения Кременчугской ГЭС на Украине. Сталин, по воспоминанию Жимерина, встал тогда из-за стола, подошёл к упрямцу и спросил его — на «ты», что позволяла и разница в возрасте, и давнее уже их знакомство:

- Ты долго ещё будешь спорить со мной? Это первое... И второе — почему не строишь малые ГЭС на притоках Днепра?

- Берега низменные, там станции строить нельзя, товарищ Сталин.

- А ты там был?

- Не был...

- А я там воевал. Вот поезжай, посмотри и тогда спорь.

Это — электроэнергетика...

Но Сталин прекрасно разбирался — во всяком случае, в рамках необходимой для главы государства компетенции — и в проблемах оборонной техники.

Авиаконструкторы дружно заявляют, что он выслушивал их с полным пониманием дела.

Но это же утверждают и конструкторы артиллерийского оружия!

И конструкторы танков...

И боеприпасов...

Сталин в период советско-финской войны 1939—1940 годов даже нашёл время — в отличие от генералов — обеспокоиться проблемой полевого питания бойцов в тяжёлых зимних условиях, и благодаря ему было быстро налажено промышленное производство армейских концентратов.

И Сталин лично — в отличие от генералов — проверил, сколько требуется времени на то, чтобы твёрдый брикет пшённого концентрата превратился в горячую кашу. Прямо у себя в кабинете, в том самом, в котором проводились важнейшие государственные совещания, залил брикет водой и засёк время.

Надо заметить, что тема, например, сравнительной компетенции профессионального высшего ге-

нералитета РККА и Сталина в вопросах военно-технического обеспечения современной войны — это отдельная и фактически неисследованная тема, начиная со времени задолго до начала Великой Отечественной войны.

Например, первоначальное техническое задание Наркомата обороны СССР на тяжёлый танк СМК («Сергей Миронович Киров») — прототип впоследствии знаменитого тяжёлого танка КВ («Клим Ворошилов») — предусматривало трёхбашенный вариант.

Конструкторы — они-то тоже что-то в принципах боевого применения разрабатываемой ими техники соображали — «втихую» прорабатывали и однобашенный вариант, но понимания у военных не находили.

Сталин же, знакомясь с новыми разработками, несуразный вариант трёх башен забраковал, и в результате был создан мощный однобашенный танк с непробиваемой бронёй. Причём Сталин в данном случае мыслил как настоящий, квалифицированный проектировщик. В ходе дискуссии в его кабинете между конструкторами и военными по поводу недостаточного бронирования он снял с макета башню с 45-миллиметровой пушкой и поинтересовался:

- А сколько она весит?
- Две с половиной тонны.
- Вот и снимите её, а резерв веса израсходуйте на броню.

И это было чисто инженерное, а не организационное решение!

Спору нет, подобные мысли конструкторам в голову приходили — они ведь своё дело знали отлично. Но если бы не инженерный образ мыслей Сталина, не доказать бы им свою правоту перед заказчиками в петлицах.

Так же недальновидно отказывались военные от среднего танка «Т-34», и роль Сталина в судьбе этого «стального рыцаря» Великой войны оказалась тоже решающей.

Известна и история о том, как решительно поддержал Сталин молодого конструктора Грабина с его идеей специализированной дивизионной пушки, в то время как маршалы, включая Тухачевского, и генералы почти единодушно настаивали на некой «универсальной» пушке, ссылаясь на информацию американских военных журналов (США так и не создали подобной пушки).

А положение с боевой авиацией, сложившееся в ВВС РККА к 1937 году? Ни главный инженер Главного управления авиационной промышленности Наркомата тяжёлого машиностроения СССР авиаконструктор Туполев, ни начальник вооружения РККА маршал Тухачевский не обеспечили к этому году разработки, например, ни одного перспективного проекта современного истребителя!

Ни одного!

А ведь от замысла до массового серийного производства боевой техники обычно проходит не менее четырёх-пяти лет! То есть если бы в авиапромышленности по-прежнему всё решал Туполев, а в РККА по-прежнему командовали бы Тухачевский с начальником ВВС Алкснисом, то Россия встретила бы войну не только с исключительно устаревшими боевыми самолётами, но и без мало-мальски современного конструкторского задела, позволившего бы быстро ликвидировать провал!

Ни больше и ни меньше...

Лишь когда в суть ситуации вник Сталин, всё изменилось за год-два, и к началу войны ВВС Красной Армии уже имели на вооружении новые истребители Яковлева — «Як», Лавочкина и Горбунова с Гудко-

вым — «ЛаГГ», Микояна и Гуревича — «МиГ», а в ходе войны эти молодые конструкторы — в полном смысле слова *питомцы* Сталина — дали новые конструкции, обеспечившие Победу.

Сталин же поддержал авиаконструктора Ильюшина с его «летающим танком» «Ил-2» — грозой немцев в будущих боях.

И так же внимателен был Сталин к конструкторам авиационных двигателей, миномётов, стрелкового вооружения... И не только перед войной и во время войны, но и все годы после войны — вплоть до самой своей смерти. Ведь эрудиция и компетенция Сталина в специальных вопросах научно-технического прогресса постоянно возрастала, поэтому он был всё более способен принимать *инженерно* обоснованные государственные решения.

ДА, В ПРЕДВОЕННЫЕ годы сталинской эпохи у советских инженеров, особенно у тех из них, кто находился на переднем крае инженерной работы — в конструкторских и проектных бюро, в научно-исследовательских институтах, не было более влиятельного и заинтересованного в их работе сторонника, чем Сталин. Он действительно был вождём передовых советских инженеров и конструкторов и при этом воспитывал новые кадры руководителей промышленности и экономики.

Молодые наркомы Тевосян, Устинов, Паршин, Ванников, Малышев и другие их коллеги, их молодые заместители и начальники главков — все они знали Сталина, и всех их знал лично Сталин.

Это ведь он сказал: «Кадры решают всё!» И это премиями его имени награждались наиболее талантливые и успешные учёные и инженеры России.

По необходимости Сталин больше внимания уделял оборонным отраслям — во всяком случае, эта

сторона его руководства научно-техническим прогрессом в СССР наиболее известна. Но в предвоенные годы в оборонных отраслях по необходимости концентрировались наиболее передовые инженерные силы России, и, развивая их, Сталин развивал вообще весь научно-технический потенциал державы.

Однако ещё до окончания войны Сталин начал ориентировать наших «оборонщиков» на грандиозные мирные проекты. Так, уральский «Танкоград» вскоре должен был стать мощным центром мирного тяжёлого и транспортного машиностроения.

И стал.

То, что уже сказано о Сталине как техническом вожде страны, может кому-то показаться чуть ли не панегириком ему. Но ведь выше сказана лишь голая правда о его роли и участии в развитии отечественной науки и техники. Да к тому же сказано — чтобы не утяжелять книгу — и далеко-далеко не всё.

Но ещё о нескольких моментах не сказать нельзя... Нельзя и потому, что, например, в книге братьев Медведевых «Неизвестный Сталин» сказано: «Репрессии среди учёных, гибель важных научных школ, выдвижение карьеристов, фанатичных догматиков или шарлатанов — этим чаще всего кончалось вмешательство Сталина в научные дискуссии...»

Здесь явно усматривается намёк на поддержку Сталиным Трофима Денисовича Лысенко, провозглашённого «демократами» величайшим «квази-учёным» мира. В этой книге не место подробному анализу феномена Лысенко, однако небольшая информация к размышлениям на тему — такого ли уж безнадёжного «шарлатана» много лет поддерживал «невежда» Сталин, — нам, уважаемый читатель, вряд ли помешает...

Во-первых, «неуч» Лысенко к 1925 году — к 27 годам, успел окончить Полтавское училище садовод-

ства, Киевские двухгодичные курсы селекции и Киевский сельскохозяйственный институт, поработав при этом в деле селекции реально и став автором раннеспелого сорта помидора «Эрлиан-17» (впоследствии Лысенко дал ещё ряд ценных сортов различных культур).

Во-вторых, лишь два современных советских селекционера удостоились отдельных статей в третьем и последнем издании БСЭ, и оба — верные соратники и ученики Лысенко, почему-то не отрёкшиеся от него до конца жизни. Я имею в виду дважды Героя Социалистического Труда Павла Пантелеймоновича Лукьяненко, автора и соавтора 15 (пятнадцати!) районированных сортов пшеницы (в том числе — знаменитой «Безостой I»), члена Европейской ассоциации селекционеров, члена Королевской академии сельского хозяйства и лесоводства и прочая, и прочая, а также Василия Николаевича Ремесло, Героя Социалистического Труда, автора сортов пшеницы «Мироновская-808», «Мироновская юбилейная» и других.

Этим двум соратникам Лысенко Россия обязана своим основным зерновым фондом, но с каким трудом хрущёвско-брежневская Академия наук СССР избрала Лукьяненко лишь в 1964-м, а Ремесло даже в 1974 году своими действительными членами... Жорес Медведев называет Ремесло «беспринципным и активным сторонником Лысенко» и радостно сообщает в своей книге о Лысенко, что в 1964 году за Ремесло биологическое отделение голосовало три раза — и все три раза он тогда не прошёл. А ведь все «передовые генетики» СССР ни к тому времени, ни позже не дали стране ни одного путного сорта какой-либо сельскохозяйственной культуры! За несколько десятилетий они фактически уничтожили русскую практическую селекцию, бывшим лидером

которой — Иваном Мичуриным — восхищался когда-то весь мир...

В-третьих, Лысенко, как и Мичурин, призывал рассматривать живой организм, не отрывая его от условий его развития, а сегодня ряд исследователей фактически доказал правоту Лысенко! Изменяя условия жизни, в частности — кормление, экспериментаторы выводят новые виды животных — над чем и работал Лысенко! И выводят не методами генной инженерии, а методами научной селекции — как это делали Мичурин, Лысенко, Лукьяненко, Ремесло...

Что же до «передовой» генной инженерии, то сегодня в любом супермаркете, присмотревшись, покупатель может прочесть уверения производителей различных продуктов, что для их производства ГМ-компоненты не использовались.

«ГМ» — это как раз и есть «генетически модифицированные», по поводу чего можно вспомнить не очень хорошо пахнущую, но точную присказку о том, что «ГМ...» двух сортов не бывает.

Как, замечу, к слову, и «демократов»...

Наконец, сообщу уж читателю и то, как закрывали «антинаучную» экспериментальную программу Лысенко в 1965 году.

Началось с того, что инспектировать экспериментальную базу Лысенко приехал журналист (!) Аграновский из «Литературной газеты», не имеющий никакого специального образования. После его статьи и ряда других статей в таких «научных» изданиях, как «Комсомольская правда», была образована уже Государственная проверочная комиссия, итоги работы которой были рассмотрены 2 сентября 1965 года на совместном (!) заседании Президиума АН СССР, коллегии Министерства сельского хозяйства СССР и Президиума ВАСХНИЛ (Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина).

В итоге Лысенко как учёный был уничтожен.

Но кто же входил в высокую академическую комиссию?

А вот кто: один директор непрофильного НИИ, один провинциальный профессор, два рядовых зоотехника, один рядовой агроном, два рядовых чиновника и — я не ошибся, уважаемый читатель, — один бухгалтер.

Я не шучу — состав комиссии приведён в книге Жореса Медведева «Взлёт и падение Лысенко». Главный публичный хулигатель ТД. Лысенко сообщает об этом так:

«Государственную проверочную комиссию создали в конце января (1965 года. — С. К.). Ее председателем назначили директора Института экономики сельского хозяйства ВАСХНИЛ А.И. Тулупникова. Наиболее компетентным зоотехником в комиссии был киевский профессор НА Кравченко. В ее составе были зоотехники Э.К. Гунеева, Ю.М. Крынкина, агроном Д.С. Лесик, бухгалтер И.Л. Попок и два работника аппарата Президиума АН СССР...»

Даже сам Медведев — стыдливостью вообще-то не отличающийся — стыдливо признал: «Состав комиссии не был достаточно представительным... Ни генетика, ни агрохимика в ее составе не оказалось, хотя проверялись, по существу, работы по прикладной генетике».

Не знаю — достаточно ли я привёл информации для того, чтобы читатель мог по крайней мере *усомниться* в справедливости послесталинских оценок Лысенко, но, так или иначе, на этом я тему генетики заканчиваю и скажу уже о другом...

После войны Сталин исключительно много сил и внимания отдал нескольким научно-техническим проблемам, которые имели тогда (как, впрочем, и сейчас) для России жизненно важное значение.

Это прежде всего — Атомная проблема.

Справедливо считается, что в том, что Россия так быстро ликвидировала атомную монополию США, а с ней — и угрозу атомного уничтожения американскими атомными бомбами, наибольшая личная заслуга принадлежит Лаврентию Берии и Игорю Курчатову.

И это так.

Однако можно не сомневаться, что если бы у них обоих — у Куратора и у Научного руководителя советского Атомного проекта — спросили бы, кому здесь надо отдать первенство, они бы, не сговариваясь, назвали бы Сталина.

И дело было бы не в лести. Никто не знал о советских атомных работах так много, как знали о них Курчатов и Берия. Никто — кроме ещё Сталина. В критические периоды он вникал даже в мелкие, казалось бы, детали.

При этом Сталин, конечно, не имел никаких специальных знаний в области физики ядра...

Я написал это, но тут же подумал: «А, впрочем, кто сейчас может сказать, что знал и чего не знал Сталин, каким был его подлинный образовательный кругозор?» Чтобы разговаривать с тем же Жимериным, Сталин, когда увидел в том необходимость, ознакомился с основами электротехники по учебнику для электромонтёров. Поэтому он мог и какую-то литературу по атомной физике *подчитать*, чтобы в чём-то разобраться.

Сталин, к слову, когда ему докладывали о наработанном плутонии для нашей первой бомбы РДС-1, поинтересовался у физиков — а нельзя ли из этого

плутония сделать не одну, а две бомбы, но меньшей мощности?

Учёные дали ему тогда отрицательный ответ, сославшись на «законы природы», на что Сталин заметил, что законы природы, мол, тоже не догма...

Позднее этот сталинский ответ его хулители приводили как доказательство якобы «ограниченности» «тирана», которому и законы природы не писаны. Но Сталин был — кроме прочего — ещё и выдающимся философом-диалектиком и всего лишь имел в виду, что люди познают законы природы в некоем приближении, и то, что сегодня воспринимается как непреложный закон, завтра может оказаться лишь частным случаем более общего закона.

И Сталин оказался прав — пришло время, знания расширились, и из того количества плутония, которое содержалось в РДС-1, стало возможным делать не две даже, а три и больше бомб.

Сталин был внимателен также к Ракетной проблеме, и так же обстояло дело с вопросами развития реактивной авиации...

Но и вопросами радиолокации и развития радиоэлектроники Сталин тоже интересовался не формально.

И мирными атомными работами — тоже.

Наконец, в этой книге — последнее на тему о Сталине как о вожде научно-технического прогресса в России...

Не кто иной, как Сталин, стоял у истоков создания отечественной электронной вычислительной техники. То есть того, что сейчас называют компьютерами.

9 июля 1952 года вышло совершенно секретное Постановление Совета Министров СССР, подписанное Сталиным, относящееся к перспективным работам «атомного» Первого Главного Управления при СМ СССР. В приложениях к этому Постановлению

имелось и описание первого советского компьютера «Стрела»:

«Автоматическая быстродействующая машина «Стрела» предназначена для численного решения широкого круга математических задач. Предусматривается проведение работ, связанных с окончанием технорабочего проектирования машины, изготовлением, монтажом и наладкой работы машины в 1952 г., сдача машины «Стрела» специальной комиссии на 2 квартал 1953 года».

Когда первый русский компьютер — второй в мире и первый в Европе — начинал расчёт первой в мире водородной бомбы РДС-бс, Сталина уже не было в живых.

Однако в том, что уже в 1954 году Россия могла сама делать весьма совершенные по тем временам атомные бомбы и рассчитывать водородные, тоже была прямая заслуга Сталина.

А «демократы» сегодня гнусно утверждают, что мы отстали от Запада в компьютерных разработках потому-де, что «тиран» Сталин запрещал как «лженауку» кибернетику. Хотя «отец кибернетики» Норберт Винер в своих воспоминаниях назвал лишь одного учёного, который всю жизнь наступал ему «на пятки», — Андрея Колмогорова.

А вот что сообщает о нём советский «Энциклопедический словарь» за 1954 год:

«КОЛМОГОРОВ Андрей Николаевич (р. 1903), советский математик, академик, лауреат Сталинской премии. К[олмогрову] принадлежат исследования по теории вероятностей и теории функций, а также по топологии, геометрии и математической логике. Награждён 3 орденами Ленина».

К слову, советская математика как раз в эпоху Сталина получила такой могучий государственный подпор, что жила на «проценты» со сталинской поддержки почти до самого развала русской науки Горбачёвым, Ельциным и ельциноголовыми ельциноидами...

Но и тут удивляться нечему — Сталин потому так мощно поддерживал науку, что и сам был одним из образованнейших людей своего времени. В его рабочей библиотеке было более 20 (двадцати) тысяч книг. И почти все они носили следы его работы — пометки, отчёркивания и т.д.

Это вам не царь Николай Кровавый, который всерьёз занялся чтением лишь после отречения и ареста, и не нынешние безграмотные «президенты».

ВОЗМОЖНО, и сегодня в государственных архивах за седмицы семью печатями хранятся достоверные документы о последней предвоенной неделе, но — вряд ли... Если по свидетельству, например, генералов-чекистов Судоплатова и Докучаева, во времена Хрущёва уничтожались грузовики документов — явно менее взрывчатых, чем эти несколько листочков, то уж папка с ними была уничтожена Хрущёвым после смерти Сталина в первую очередь.

Ведь их правда была опасна не только для Хрущёва, но и для всего тогдашнего руководства.

Причём для высшего генералитета правда этих документов была даже более убийственной, чем для гражданской «верхушки» элиты. Я имею в виду основополагающие документы, относящиеся к *заблаженной* санкции Сталина на приведение войск в боевую готовность и к его действиям в течение последней предвоенной недели.

Однако с течением времени появляются — пусть и разрозненные, но складывающиеся в некую цель-

ную картину — новые сведения, а старые данные и документы получают новое толкование. И многое можно переосмыслить и увидеть в истинном свете.

Кто «прошляпил» войну — Сталин или генералитет?

Кто виноват в том, что Красная Армия в первые дни войны провалилась — Сталин или те высшие военачальники, которые даже весной 1941 года к войне по-настоящему не готовились, а в мае 1941 года пропустили к Москве германский самолёт так же бездарно, как много позднее их преемники пропустили к Москве самолёт Руста?

Все ли советские войска встретили войну в постелях, а не в окопах?

Почему командующий Западным Особым военным округом Павлов последний предвоенный вечер провёл в театре, а заместитель наркома внутренних дел Лаврентия Берии, начальник погранвойск СССР Соколов — на западной границе?

Почему не были выполнены два предвоенных приказа наркомов обороны Ворошилова и Тимошенко о маскировке аэродромов и боевой техники?

И почему в СССР десятилетиями замалчивался, как замалчивается и в «Россиянин», тот факт, что Сталин почти за неделю до начала войны предлагал Гитлеру срочно направить в Берлин Молотова — на что фюрер ответил отказом?

На эти и многие другие острые вопросы сегодня можно дать ответы, и есть все основания утверждать, что ответственность за трагическое начало войны лежит не на Сталине, а на тогдашнем высшем генералитете. Прежде всего — на начальнике Генштаба Жукове, командующем Западным Особым военным округом Павлове, нарcome Тимошенко и ряде командующих соединениями в приграничных округах и родами войск в Москве.

Это подтверждается как многими документами, так и вдумчивым анализом мемуаров и других источников. Можно сказать так: Сталин не был слеп, а внимательно отслеживал ситуацию в реальном масштабе времени. Он вдумчиво анализировал информацию закордонной стратегической разведки, которая с 3 февраля 1941 года подчинялась не наркому внутренних дел Берии, а наркому нового Наркомата государственной безопасности Меркулову. Сталин резонно подвергал сомнению (но не отвергал!) данные Меркулова. Зато он имел обширную достоверную информацию от разведки погранвойск, подчинявшихся Берии.

А накануне последней предвоенной недели Сталин провёл ряд личных зондажей ситуации (в том числе при помощи Берии и Меркулова). Окончательно о близком начале войны Сталину сообщил фактически лично Гитлер — отказавшись принять Молотова для срочных консультаций.

Поэтому Сталин вовремя санкционировал приведение РККА и РККФ в боевую готовность. И уже 19 июня 1941 года управления западных военных округов начали развёртываться в управления фронтов. Штаб Киевского Особого военного округа перемещался в Тернополь на командный пункт Юго-Западного фронта, штаб Западного Особого военного округа на КП Западного фронта в район Барановичей, оперативная группа штаба Одесского военного округа — в Тирасполь на КП Южного фронта.

Приведу лишь один факт из многих, наводящих на размышления... Маршал артиллерии НД Яковлев перед самой войной с должности командующего артиллерией Киевского ОВО был назначен начальником ГАУ — Главного артиллерийского управления. И вот как он описывал ситуацию в воспоминаниях, опубликованных много позже окончания войны:

«К 19 июня я уже закончил сдачу дел своему преемнику и почти на ходу распрощался с теперь уже бывшими сослуживцами. На ходу потому, что штаб округа и его управления в эти дни как раз получили распоряжение о передислокации в Тернополь и спешно свёртывали работу в Киеве».

Не расходится свидетельство Яковлева и с данными книги Г. Андреева и И. Вакурова «Генерал Кирпонос», изданной Политиздатом Украины в 1976 году:

«...во второй половине дня 19 июня от Наркома обороны поступил приказ полковому управлению штаба округа передислоцироваться в город Тернополь».

Итак, не 22 июня, а, по крайней мере, 19 июня 1941 года штабы приграничных особых — Киевского и Западного — военных округов пришли в движение!

Но с чего это управление *округа* вдруг заторопилось в Тернополь, где в здании бывшего штаба 44-й стрелковой дивизии должен был располагаться *фронт*овой командный пункт? Нам рассказывают, что «тиран» и «глупец» Сталин не позволял командующему ЗапОВО Павлову войска в летние лагеря выводить, хотя в том никакого криминала не было — плановая боевая учеба.

А тут штабы Западного особого военного округа и Киевского Особого военного округа с места снимаются!

Кто мог дать указание об этом, как не Сталин?

Сталин действительно отдал все необходимые указания вовремя — не за несколько часов, а за несколько *дней* до 22 июня 1941 года!

Но высший генералитет в той или иной мере провалил важнейшие предвоенные мероприятия

последней недели, да и не лучшим образом к ним готовился весь предвоенный год.

Единственный, кто оказался полностью готовым к войне, — это Берия и его погранвойска. Героизм пограничников в первые недели войны во многом и спас страну, однако этот массовый подвиг тоже был впоследствии фактически замолчан, потому что подчеркивал компетентность Берии, особенно яркую на фоне некомпетентности армейского командования.

Эта правда о начале войны так неудобна, что позднее её наглухо замолчали все, кому она грозила утратой репутации. А она грозила этим всем, кроме Сталина, который был уже мёртв.

И всё свалили на Сталина.

Однако начало войны «прошляпил» не он.

Зато Сталин во главе народа Иванов да Марий обеспечил победный конец этой войны, которую завершил Парад Победы на Красной площади 25 июня 1945 года.

Ещё до этого, на приёме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии, Сталин провозгласил такой — последний на этом приёме — тост:

«...Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего Советского народа и, прежде всего, русского народа.

Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание, как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение»...

В этих словах было не только уважение, но и теплота — искренняя, неподдельная теплота чувств отца по отношению к оправдавшим его лучшие надежды сынам и дочерям...

И Сталин продолжал:

«У нашего Правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941 — 1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам сёла и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала потому, что не было другого выхода...

Но русский народ... верил в правильность политики своего Правительства и пошёл на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому Правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу...

Спасибо ему, русскому народу, за доверие.

За здоровье русского народа!»

Пожалуй, это самая выдающаяся речь в истории России, произнесённая её лидером во славу русского народа! И это естественно — никогда до Сталина, если не считать первых «ленинских» лет в истории России, народ России и её лидер не находились в таком тесном и плодотворном единении!

Говоря «Россия», многие подразумевали тогда Сталина.

И говоря «Сталин», многие подразумевали тогда Россию.

СТАЛИН и русский народ... На одну эту тему можно написать отдельную книгу. У русского народа и до Сталина были вожди, которые обеспечивали правильное руководство русским народом, и русский народ под их правильным водительством имел выдающиеся, исторические успехи... Но никогда — ни раньше, ни позже — русский народ не имел таких грандиозных, невероятных для посторонних наблюдателей успехов и свершений, какие он имел под руководством Сталина.

Да, русская история богата на яркие имена подлинно национальных вождей, начиная с былинного, но вполне реального Владимира Ясна Солнышка...

Ярослав Владимирович Мудрый, сын святого Владимира Святославича, в начале XI века, когда Европа переживала период полной раздробленности, создал централизованное Русское государство, объединившее русских славян от Карпат до Волги и Белого моря. И это было объединение преимущественно не мечом, а идеей. Это была общность, основанная на сходстве взглядов на мир и жизнь человека в этом мире. При Ярославе был создан первый вариант славянского свода законов с показательным названием «Русская правда»...

Сын Ярослава — Всеволод Ярославич, получив по смерти отца Переяславль Южный, земли по Волге, Ростов Великий, Суздаль и Белоозеро, княжил вначале в Чернигове, затем стал великим князем киевским и был одним из образованнейших людей своего времени...

Внук Ярослава — великий князь киевский Владимир Мономах, княжа вначале тоже в Чернигове, в 1113 году был призван на княжение в Киев, облегчил положение «низов» и побеждал половцев — побеждал потому, что вновь объединил начинающие распадаться русские княжества в единое государство.

Это стало «лакмусовой бумажкой» русской истории на все времена — вплоть до наших, ельциноидных времён: когда в пределах Российского геополитического пространства торжествовали сепаратизм, распри, само существование Руси оказывалось под угрозой. Как только русские люди брались за ум и объединялись, не было таких крепостей, которые они не могли бы взять, не было таких задач, которые они не могли бы решить!

После смерти Мономаха начинает возвышаться Владимиро-Суздальское княжество, достигшее наибольшего могущества при Всеволоде Юрьевиче — Всеволоде Большое Гнездо... Однако вскоре после его смерти, последовавшей в 1212 году, Большое русское «гнездо», в котором была уже и Москва, оказалось жестоко разорённым первым нашествием степных орд хана Батыя в 1236 году.

За Владимиром и Москвой последовала очередь Киева — вот какой оказалась цена разъединения и распри между двумя историческими центрами русского славянства...

Объединённая, высокоцивилизованная — по тем временам — Русь смогла бы ответить на вызов Дикой Степи.

Разъединённая, она на триста лет попала под безжалостный сапог, под хищное монгольское иго.

Началась борьба не за развитие Руси, а за её сохранение как самобытного явления — хотя бы на Русском Севере... Уже в 1240 году новгородский князь Александр Ярославич Невский разгромил

шведов у Невы, а 5 апреля 1242 года во главе русских воинов он остановил Ливонский орден в его движении на восток, спустив интернациональное ливонское войско под лёд Чудского озера.

Невскому было тогда всего 22 (двадцать два) года!

Став через десять лет великим князем владимирским, Александр Ярославич Невский и дал первый импульс новому собиранию Руси во второй половине XIII века.

В первой половине XIV века первый из русских верховных вождей, названный символически Иваном — Иван I Данилович по прозвищу Калита («калита» — денежная сумка), объединил под рукой Владимира и Москвы многие русские земли.

Калита умер в 1340 году, а 8 сентября 1380 года великий князь владимирский Дмитрий Иванович Донской — внук Ивана Калиты — разбил войска Мамая на Куликовом поле.

Дмитрий заложил не только фундамент каменного Московского Кремля, но и фундамент будущего освобождения России, роста её мощи и её пределов.

Внук Донского, Василий II Васильевич Тёмный, тоже выдающийся собиратель Руси, был предательски ослеплён своим двоюродным братом, галичским удельным князем Дмитрием Шемякой, но, поддержанный московскими посадскими людьми, взял над ним верх. Тогда — ещё не выродившись в «электорат» — русские люди понимали, кто нужен Руси — её губители или её собиратели.

Сын Василия Тёмного — Иван III Васильевич — завершил задачу новой исходной централизации русских земель и объединения их вокруг Москвы. В 1480 году он даже формально отказался от данничества монголам, и по сути с его великого княжения начинается новая свободная и единая Русь, утраченная нами после Ярослава Мудрого.

Иван IV Васильевич Грозный первым — в 1547 году, семнадцати лет от роду, назвался «царём всея Руси» и фактически мирно расширил пределы Руси до Сибири и далее. Сказав «мирно», я не ввожу читателя в заблуждение — взятие Казани и Астрахани не сопровождалось избиением и унижением побеждённых, а положило начало новой общности народов расширяющейся и укрепляющейся России.

Грозный был истинно великим государем... Опираясь на «чёрных», простых людей и служилое дворянство, он жёстко подавил сепаратистские и пропольские настроения тогдашней элиты — боярства, провёл успешные земскую, военную, судебную реформы и создал новые, по тем временам передовые формы государственного управления через «отраслевые» — говоря языком современным — приказы.

Западные и нынешние «россиянские» историки пеняют ему паранойей, как и Сталину, и «кровавыми» «расправами» с «невинными» — тоже как и Сталину.

Грозный действительно имел не лучшие нервы...

Но, во-первых, хотел бы я посмотреть на его хулителей — какую бы нервную конституцию имели они, если бы на их глазах (а тебе — три годика!) бояре зверски убивали близких им людей!

Во-вторых, скрупулёзный подсчёт — по строгому приказу самого Грозного — всех убиенных по приказу Ивана же за время его правления не дал и пяти тысяч человек за много лет бурной жизни государства.

А считали дьяки ревностно — за внесённых в мартиролог предстояло молиться, отмаливая грехи государя!

В те же годы только в Париже во время Варфоломеевской ночи католики убили тридцать тысяч гугенотов без разбора, включая женщин, стариков

и младенцев. Резня гугенотов лишь ослабила Францию и возобновила гражданскую войну.

Иваном же двигала — пусть и не всегда верно им понятая — государственная необходимость, и его эпоха характерна не казнями, а всесторонним созданием государства.

Через сто с лишним лет пришла эпоха Петра — «царя-труженика».

Интересно, как сопоставил фигуры Грозного, Петра и ряда их преемников Сталин. 26 февраля 1947 года он, Молотов и Жданов долго беседовали с режиссёром фильма «Иван Грозный» Сергеем Эйзенштейном и исполнителем роли Ивана актёром Николаем Черкасовым о только что завершённом фильме.

Вот часть этой беседы, записанная со слов Эйзенштейна и Черкасова:

«Сталин. Вы историю изучали?

Эйзенштейн. Более или менее...

Сталин. Более или менее?... Я тоже немножко знаком с историей... У вас неправильно показана опричнина. Опричнина — это королевское войско. В отличие от феодальной армии, которая могла в любой момент сворачивать свои знамёна и уходить с войны, — образовалась регулярная армия, прогрессивная армия...

Царь у вас получился нерешительный, похожий на Гамлета. Все ему подсказывают, что надо делать, а не он сам принимает решения... Царь Иван был великий и мудрый правитель, и если его сравнить с Людовиком XI (вы читали о Людовике XI, который готовил

абсолютизм для Людовика XIV?), то Иван Грозный по отношению к Людовику на десятом небе. Мудрость Ивана Грозного состояла в том, что он стоял на национальной точке зрения и иностранцев в свою страну не пускал, ограждая страну от проникновения иностранного влияния... Пётр I — тоже великий государь, но он слишком либерально относился к иностранцам, слишком раскрыл ворота и допустил иностранное влияние в страну, допустив онемечивание России...»

Затем, между прочим, Сталин прибавил:

«Ещё больше допустила его (онемечивание. — С. К.) Екатерина, и дальше. Разве двор Александра I был русским двором? Разве двор Николая I был русским двором? Нет, это были немецкие дворы.

Замечательным мероприятием Ивана Грозного было то, что он первый ввёл государственную монополию внешней торговли. Иван Грозный был первый, кто её ввёл, Ленин — второй...»

Сталин был, конечно, прав. В дореволюционной истории Российского государства после провозглашения его самодержавным в эпоху Ивана Грозного было лишь два безоговорочно великих национальных вождя — сам Грозный и Пётр.

В том числе и поэтому о Петре — как и о Грозном, о Сталине — существует много подлых мифов, рисующих умницу Петра чуть ли не неврастеником и алкоголиком, то и дело руководствующимся порывом, а не государственным расчётом...

Но вот передо мной лишь один, взятый почти наугад, том 12-й (выпуск 2-й) академического издания «Писем и бумаг императора Петра Великого». Этот том издан в 1977 году мизерным — по советским масштабам — тиражом в 6300 экземпляров, и в нём содержатся бумаги Петра и его деловая переписка всего лишь за период с июля по декабрь 1712 года! Документы за номерами с 5329-го по 5794-й. Итого — 465 документов всего за полгода.

И это — лишь часть сохранившегося от того, что фиксировалось на бумаге. А ведь и фиксировалось из ежедневного потока дел лишь самое важное!

Десятки адресатов, сотни имён и географических названий...

В предметном указателе — более двух тысяч предметов внимания Петра... Я приведу здесь, естественно, лишь кое-что, тоже взятое наугад, — то, что выхватил глаз...

Итак «Академия морская, амбары, арифметика, ахтерштевень, боцманское дело, валы крепостные, войлок, воск, Вышневолоцкая водная система, гардемарины, гвозди, генерал-фельдцейхмейстеры, границы, деревья (каштаны, кедры, липы и т.д.), дворянские дети, дезертиры, жалованье в армии, заводы кирпичные, конные, литейные пушечные, пороховые, суконные и прочие, извозчики в армии, испанская монархия, канаты, канцеляристы, карта Смоленского уезда, киргизы, крупа для армии, лазареты, литавры, лошади, наборщики, навигаторы, палатки в армии, печники, понтоны, сало свиное, Сандомирская конфедерация, союзники России, Тевтонский орден, торговля с Венецией, финны, фрегаты, шанцы.....

И так — вплоть до последних: «...якори, янычары, Ярославский договор, ячмень, яхты».

Было ли время у Петра на «пьяные загулы» и повседневный «разврат»?

Вот его только исходящие бумаги только за первую половину ноября 1712 года:

- патент о приёме на русскую службу Г.В. Лейбница от 1 ноября и письмо ему от 12 ноября;
- письма датскому королю Фредерику IV от 4 и 12 ноября;
- письма польскому королю Августу II от 4, 8, 11, 12 и 14 ноября;
- письмо прусскому королю Фридриху I от 8 ноября;
- письма АД Меншикову от 4, 7, 9, 12 и 14 ноября;
- письма П.П. Шафирову от 4 и 7 ноября;
- письма П.П. Шафирову, М.Б. Шереметеву от 4 и 7 ноября;
- письмо Б.И. Куракину для голландских купцов от 7 ноября и общее кредитное письмо ему от 7 ноября, а также письмо от 8 ноября;
- письма Р.-Х. Боуру от 8-9 и от 13 ноября;
- письмо И.Б. Львову от 10 ноября;
- письмо В.Н. Зотову от 11 ноября;
- письмо ганноверскому курфюрсту Георгу Людвигу от 12 ноября;
- письмо вольфенбюттельскому герцогу Антону Ульриху от 12 ноября;
- «абшид» русскому послу в Вене барону И.Х. Урбиху от 13 ноября и отзывные грамоты на него к императору Карлу VI;

- верительные грамоты и инструкции для поездки в Вену русскому послу в Голландии А.А. Матвееву...

А ведь были же ещё и письма, полученные царём, — с ними ведь тоже надо было работать, принимать по ним какие-то решения...

14 ноября Пётр пишет корабельному мастеру Федосею Склаеву:

«Чаю, что уже шнава и баркгоутами обогнута, так же и палуба сими часы дела-

етца. А когда сие совершишь, то борту и окон пушечных, так же над каютом полу— бы шхота и гакаборта до меня не делать...» и т.д.

И в тот же день он приказывает другому корабельному мастеру — англичанину Ричарду Броуну:

«Ежели вы еще верхнюю палубу не укрепили, то оную назади ниже пустите, дабы гют вместо каюта употребить было мочно командующему офицеру...» и т.д.

17 ноября Пётр с нарочным — драгуном Устюжского полка Скрыбиным — сообщает из Берлина Меншикову, что *«вчарась сюды приехал и более трех дней мешкать не буду»* и о том же в тот же день сообщает *«другу Катеринушке»*...

Державный труд, а не загулы — вот смысл повседневной жизни Петра и его сподвижников. Но как же гнусно оболганы в собственной стране её великие труженики — Пётр, Аракчеев, Берия...

Как гнусно оболган Ленин.

И как гнусно оболган Сталин.

ЛЕНИН всегда был для Сталина учителем. Сталин постоянно подчёркивал это публично, но так он считал и внутри себя. Однако верно сказано: «Учитель! Воспитаи ученика, чтоб было у кого учиться...» Думаю, если бы Ленин мог ознакомиться с державной работой Сталина за те почти сорок лет, которые Сталин стоял во главе России без Ленина, Владимир Ильич понял бы и одобрил бы все основные политические и управленческие решения Сталина.

Да и, надо полагать, признал бы, что ученик оказался достоин учителя, а в результатах работы по укреплению и развитию России даже превзошёл его...

Даже Ленину было бы чему поучиться у Сталина в деле созидания новой великой России.

Вот это последнее обстоятельство как раз и позволяет ставить на первое место в истории России рядом с Лениным именно Сталина. И даже отдавать первенство всё же ему, ученику Ленина.

Ленин мог бы вывести Россию во вторую в мире великую державу с отличными перспективами на первое место не просто по всему спектру традиционных показателей, но главное — по безусловно ведущему нравственному влиянию в мире.

Ленин, проживи он ещё лет двадцать, мог бы обеспечить России не спесивое, а товарищеское лидерство в мире — как первой среди равных.

Ленин мог бы...

Сталин — *смог*.

И не вина Сталина, что эти его усилия послесталинская Россия не только не подкрепила *всесторонним*, включая нравственное, развитием, но и позволила врагам России их обесценить и оболгать.

Ленин и Сталин...

Сталин и Ленин...

Ленин сказал: «Лишь та революция чего-нибудь да стоит, которая умеет защищаться...»

Сталин создал и могучую научно-техническую и индустриальную базу защиты социалистического Отечества, и прямой инструмент этой защиты — ракетно-ядерную Советскую Армию.

Ленин поставил задачу: «учиться работать»... Он знал, что у нас «есть материал и в природных богатствах, и в запасе человеческих сил, и в прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция», чтобы «создать действительно могучую и обильную Русь»...

При этом Ленин заявлял, что «нам истерические порывы не нужны», и призывал «работать не покладая рук над созданием дисциплины и самодисциплины, организованности, порядка, деловитости, стройного сотрудничества всенародных сил...».

А Сталин решил задачу воспитания нового русского человека так блестяще, что германский генерал фон Меллентин вынужден был признать, что «умелая и настойчивая работа коммунистов привела к тому, что с 1917 года Россия изменилась самым удивительным образом», что «у русского всё больше развивается навык самостоятельных действий, а уровень его образования постоянно растёт...».

Ленин дал России лозунг: «Учиться, учиться и учиться...»

Но Сталин реализовал его, создав лучшую в мире систему и народного, и высшего образования. И, как истинно великий ученик Ленина, он развил ленинскую мысль в своей последней выдающейся работе — в «Экономических проблемах социализма»:

«Необходимо добиться такого культурного роста общества, который обеспечил бы всем членам общества всестороннее развитие их физических и умственных способностей, чтобы члены общества имели возможность получить образование, достаточное для того, чтобы стать активными деятелями общественного развития...»

Другими словами, Сталин считал образование народных масс главным «нервом» общественной жизни. В образовании народа Сталин видел не просто средство обеспечения его экономического процветания, но прежде всего средство создания интеллектуально и социально активного общества!

Ведь не только, да и *не столько* для того приходит человек в мир, чтобы съесть определённое количество котлет или даже ананасов с рябчиками и трюфелями.

Человек, достойный называться человеком, получив образование и свободу, должен не жить, чтобы есть, а есть, чтобы жить — жить умно и весело! Жить, развиваясь так, чтобы от этого жизнь становилась всё лучше и лучше не только для него, но и для окружающих.

Общество, состоящее из таких людей, стало бы кошмаром для любого бюрократа, для каждого начальственного самодура и тирана! И очень быстро изжило бы их, избавилось бы от них — без репрессий, а просто вышвырнув — за ушко, да на солнышко — на обочину общественной жизни.

Вот какой видел будущую социалистическую Россию Сталин. И он писал:

«Было бы неправильно думать, что можно добиться такого серьёзного культурного роста членов общества без серьёзных изменений в нынешнем положении труда. ***Для этого нужно прежде всего сократить рабочий день по крайней мере до 6, а потом и до 5 часов*** (выделение моё. — С. К.). Это необходимо для того, чтобы члены общества получили достаточно свободного времени, необходимого для получения всестороннего образования.

Для этого нужно далее ввести общеобязательное политехническое обучение, необходимое для того, чтобы члены общества имели возможность свободно выбирать профессию и не быть прикованными на всю жизнь к одной какой-либо профессии.

Для этого нужно дальше коренным образом улучшить жилищные условия и поднять реальную зарплату рабочих и служащих минимум вдвое, если не больше, — как путем прямого повышения денежной зарплаты, так и, особенно, путем дальнейшего систематического снижения цен на предметы массового потребления».

Я предлагаю читателю ещё раз вчитаться в эти строки и подумать вот о чём...

Сталин не был теоретиком-публицистом, он был реальным, практическим, обладающим огромным общественным весом главой могучего государства. И если он писал о необходимости перехода в будущем к пятичасовому рабочему дню, то это было не благое пожелание мечтателя, а перспективная задача для общества.

Государственная директива на будущее!

Россия Сталина должна была стать — в его представлении — страной, где гарантией подлинной свободы будет фундаментальное образование...

А труд — не Ажиотаж Фондовой Биржи, а Труд будет гарантией устойчивого процветания каждого, занятого производительным трудом на благо общества.

При этом Сталин оказался *единственным* в мировой истории главой государства, который *практически* ставил грандиозные социальные задачи, условием, а не следствием выполнения которых был пяти(!)часовой рабочий день!

И Сталин прекрасно понимал, что «нужно пройти ряд этапов экономического *и культурного перевоспитания* общества, в течение которых труд из средства только поддержания жизни будет превращён *в глазах общества* (выделение везде

моё. — С. К.) в первую жизненную потребность, а общественная собственность — в незыблемую и неприкосновенную основу существования общества»...

Заметим — Сталин говорил не о принуждении общества, а о его перевоспитании! Так мог говорить лишь великий гуманист.

Но Сталин и был им!..

Более того, он был, пожалуй, наиболее выдающимся в мировой истории **практическим** гуманистом, утверждающим права гуманизма в мире наиболее весомым образом — державным делом строительства России как Державы Добра.

Да, Сталин оказался наиболее крупным **практическим** гуманистом в мировой истории потому, что он заложил основы единственно гуманного по своей сути реального общества. И не его вина, что Россия и внешний мир не оценили по достоинству тот потенциал мирового исторического развития, который был заложен трудами Сталина.

На приёме в Кремле в честь участников Парада Победы 25 июня 1945 года Сталин произнёс тост... Я приведу его здесь полностью — от точки до точки:

«Не думайте, что я скажу что-нибудь необычайное. У меня самый простой, обыкновенный тост.

Я хотел бы выпить за здоровье людей, у которых чинов мало и звание незavidное. За людей, которых считают «винтиками» государственного механизма, но без которых все мы — маршалы и командующие фронтами и армиями, говоря грубо, ни черта не стоим. Какой-либо «винтик» разладился — и кончено.

Я подымаю тост за людей простых, обычных, скромных, за «винтики», которые дер-

жат в состоянии активности наш великий государственный механизм во всех отраслях науки, хозяйства и военного дела. Их очень много, имя им легион, потому что это десятки миллионов людей. Это — скромные люди. Никто о них ничего не пишет, звания у них нет, чинов мало, но это — люди, которые держат нас, как основание держит вершину.

Я пью за здоровье этих людей, наших уважаемых товарищей!»

Я привёл этот сталинский тост полностью, потому что «демократы» уже много лет, выдернув из него одно слово — «винтик», заявляют, что простые люди были для Сталина всего лишь «винтиками», почему он их-де и «не щадил».

Что ж, теперь читатель может сам решать — много ли в том правды...

Между прочим, сами «винтики» механизма Державы всегда понимали своё значение... Старый большевик Сквирский, в прошлом рабочий, в своих воспоминаниях описал случай из жизни одного завода до революции. На заводе построили паровоз — событие для России серьёзное, и директор устроил торжественный его выезд.

Собралось «общество», а рабочие загодя вывинтили маленькую детальку — «винтик».

И — всё...

Паровоз — ни с места, директор выбивается из сил, гости в недоумении, а в опущенных глазах рабочих — смех...

Настоящий рабочий человек хорошо знает цену и себе, и тому, что невежды и тираны считают «мелочами».

Но смысл тоста Сталина был многослойным. Тост не только показывал собственное понимание

Сталиным роли народных масс в державной работе, но и тактично, не «в лоб», напоминал собравшимся в кремлёвском зале блестящим маршалам, генералам, наркомам, директорам заводов и главным конструкторам, что они не должны забывать — генералы сильны солдатами.

Автор «Василия Тёркина» поэт Твардовский метко съязвил, написав: «Города сдают солдаты, генералы их берут...» Однако Сталин — сам по своему духу солдат — хорошо знал, что всё обстояло наоборот.

Города брали простые солдаты...

Те, что шли в бой за Родину и за Сталина!

За Родину!

И за Сталина — тоже!

СТАЛИН был естественным патриотом России... Он не часто обнаруживал это качество в частных разговорах, предпочитая возвеличивать Россию делом, а не словом. Но в том случае, когда и Слово было Делом, он всегда находил для пробуждения русского национального чувства точные и действенные слова.

Так, в своей речи на Красной площади на параде войск Московского гарнизона 7 ноября 1941 года он призвал русский народ и все остальные народы России:

«...Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!

Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!»

Клеветники на Сталина утверждают, что он обратился к великим именам русской истории лишь в

эти тяжёлые дни 1941 года, играя, мол, на национальных чувствах народа.

Но это — очередная ложь! Фильм Сергея Эйзенштейна «Александр Невский» был снят в 1938 году... Об Александре Невском, Димитрии Донском, Иване Калите, Иване Грозном, Петре, Суворове, Кутузове как о великих русских именах Сталин говорил Александре Коллонтай в ноябре 1939 года... А в уже упоминавшейся мной выше беседе с Эйзенштейном и Черкасовым о фильме «Иван Грозный» Сталин вспоминал о событиях, происходивших задолго до войны, вот что:

«...Когда мы передвигали памятник Минину и Пожарскому ближе к храму Василия Блаженного, Демьян Бедный протестовал и писал о том, что памятник надо вообще выбросить и вообще надо забыть о Минине и Пожарском. В ответ на это письмо я назвал его «Иваном, не помнящим родства». Историю мы выбрасывать не можем...»

А вот некоторые из полнометражных фильмов, которые должны были быть выпущены в 1939, 1940 и 1941 годах по постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) от 4 ноября 1939 года: «Сказка про Ивана крестьянского сына и Василису Прекрасную», «Дружба» (Тбилисская киностудия), «Огни Колхиды», «Сибиряки», «Давид Сасунский», «Суворов», «Георгий Саакадзе», «Сабухи» (об азербайджанском демократе-просветителе Мирзе Фатали Ахундове), «Лермонтов», «Маяковский», «Валерий Чкалов», «Тарас Бульба», «1812 год», «Чернышевский», «Кер-Оглы»...

Как видим, уже до войны Сталин заботился о создании фильмов о России, о великих русских патриотах, а также и о национальных героях других народов СССР, делая тем самым этих героев предме-

том общенациональной гордости всего советского народа.

Особенно же мощно «русская» тема была заявлена в серии биографических фильмов после войны! И заслуга в этом — прежде всего Сталина. Это была его прямая позиция: средствами самого массового искусства показать России её подлинных героев — героев мысли и творческой деятельности.

В ноябре 1952 года Сталин своим синим карандашом последний раз внёс правки в проект Постановления ЦК КПСС о мероприятиях по увеличению производства художественных фильмов в союзных республиках. И тогда же он в последний раз утвердил список художественных фильмов, которые должны были быть или полностью сняты в 1953 году, или начаты в последнем году жизни Сталина производством.

Большинство из этих фильмов, призванных воспитывать национальную гордость, после смерти Сталина так и не было снято — что говорит само за себя, если знать, что среди них должны были быть новые фильмы И. Пырьева об Иване Грозном, В. Петрова о Димитрии Донском, А. Иванова об Александре Невском, И. Пудовкина о Петре Первом, М. Ромма о противостоянии Кутузова и Наполеона, Г. Александрова о Чайковском и А. Столпера о Крамском...

Хрущёвской «России», готовящейся к «оттепели», уже была неинтересна великая история великой России.

А вот Россия Сталина своей историей интересовалась всё больше, и одним из доказательств этого стала замечательная книга, о которой я не могу не сказать хотя бы кратко.

В 1947 году издательство «Молодая гвардия» выпустило в свет книгу Льва Гумилевского «Русские

инженеры». 57-летний автор (умер он в 1976 году на 86-м году жизни) не был инженером. Он был писателем, ещё в конце двадцатых годов по приглашению Горького принимавшим участие в работе над книгами из серии «Жизнь замечательных людей», но с тех пор занявшимся историей науки и техники всерьёз.

Предисловие к книге написал Герой Социалистического Труда, вице-президент Академии наук СССР академик И.П. Бардин, и начиналось оно так:

«Предлагаемая советской молодёжи книга Л. Гумилевского «Русские инженеры» посвящена очень важной и сейчас более чем когда-либо актуальной теме о высоком достоинстве русской научно-технической мысли, о смелой творческой инициативе в инженерном деле, столь присущей деятелям русской техники в прошлом и настоящем...».

Далее академик Бардин писал:

«Деятелям русской науки зачастую приходилось работать в тяжёлых условиях: они должны были бороться за своё дело против бюрократического равнодушия царских чиновников, против косности правящих классов России...»

И Иван Павлович Бардин знал, что писал. Родившись в 1883 году, он вначале учился в Ново-Александровском сельскохозяйственном институте, но в 1910 году окончил Киевский политехнический институт по химическому отделению. И затем два года работал рабочим на заводах в Чикаго, в стране, как он позднее вспоминал, «дорогих машин и дешёвых человеческих жизней»...

Вернувшись в 1911 году на родину, он быстро занял видное положение в металлургии Юга России, а после революции сразу встал на сторону Советской власти, с 1929 года руководил строительством Кузнецкого металлургического комбината, в 1932 году был избран академиком, руководил Уральским филиалом АН СССР.

Бардин мог компетентно сравнивать условия работы в старой России, в США и в новой России, и заканчивал он своё предисловие к книге Л.И. Гумилев—ского следующими словами:

«Сегодня, в годы четвёртой сталинской пятилетки, необходимость ряда мероприятий для поднятия инженерно-технической культуры в нашей стране на ещё более высокую ступень не вызывает сомнений. Мы должны приветствовать всё, что может помочь нам в этом хорошем деле...»

Гумилевский же в авторском предисловии писал:

«Великая Октябрьская революция, победа социализма в нашей стране высоко подняли в советских людях чувство национального самосознания, национальной гордости.

В наше время восстанавливается историческая справедливость. Мы, советские люди, наследники лучшего, что дала культура русского народа, говорим о ней ту правду, которая на протяжении многих лет извращалась и попиралась в угоду правящим классам старой России, преклонявшимся перед всем иностранным... Это раболепие и связанное с ним неверие в творческие силы народа отражали экономическую зависимость царской России от капиталистов Запада...

Развиваясь в... условиях... засилия иностранцев, реакционного самодержавия и экономической отсталости, русская наука и техника вносили в сокровищницу знаний всего человечества огромный, зачастую решающий вклад...»

Гумилевский говорил в предисловии о том, что иностранцы без стеснения присваивали себе русские открытия, что итальянцы приписали изобретение радио Маркони, американцы славят Эдисона, не упоминая о первой лампе накаливания А.Н. Лодыгина, «да и сейчас придуманную русскими инженерами электросварку рассматривают как безымянное достижение американской техники...»

Он писал:

«Замалчивая приоритет русских изобретений и открытий, иностранцы не встречали должного отпора со стороны раболепствующих перед ними кругов старой России. Так творилась лживая легенда об отсталости и несамостоятельности русской инженерно-технической мысли. Насколько такое представление о русской инженерии противоречит действительности, читатель увидит с первых же страниц этой книги»...

Однако внимательный *современный* читатель с первых же страниц книги — начиная с предисловия И.П. Бардина — может увидеть также, насколько противоречит действительности давно устоявшееся представление насчёт того, что в СССР Сталина нельзя было трёх строчек опубликовать, чтобы в одной не прославлялся Сталин.

Так, в предисловии Бардина присутствие имени Сталина ограничивалось упоминанием в вышепри-

ведённой цитате задач четвёртой *сталинской* пятилетки.

В предисловии же самого Гумилевского Сталин был упомянут тоже лишь однажды. Да и то — косвенно: когда Гумилевский писал о том, что его в работе над книгой о русских инженерах особо «привлёк огромный материал об особенном, неповторимом национальном характере русской творческой мысли», он очень к месту привёл цитату о сути национального характера из классической работы Сталина «Марксизм и национальный вопрос».

Сталин написал её, к слову, в Вене в январе 1913 года.

Причём и далее, в тексте книги, даже когда речь шла о советском периоде, никаких славословий Сталина у Гумилевского не наблюдалось... Он писал об изобретателе дуговой сварки Бенардосе, об учителе Менделеева, Бекетова, Меншуткина Воскресенском — «дедушке русской химии» и о самом Менделееве, о кораблестроителе Крылове и авторе Шаболовской радио-, а позднее и телебашни Шухове, о самоучке Кулибине и учёном-мостостроителе Журавском, о советском конструкторе авиадвигателей Микулине, строителе Военно-Грузинской дороги Статковском и о многих других — всего в книге рассказывается о деятельности 96 русских учёных-«прикладников» и инженеров...

Но в адрес Сталина — великого вождя советских инженеров — автор книги «Русские инженеры» никаких дифирамбов не допускал. И это предметно доказывало: людям, занятым нужным и конкретным делом, людям *дела* в СССР не было нужды захваливать Сталина. Это болтунам, чтобы скрыть своё ничтожество, приходилось курить «вождю» фимиам, отыскивать «восторженные» эпитеты и т.д.

Сталину это было не нужно — он ведь и сам был человеком дела. Отсутствие же его имени уже

в авторском предисловии было тем более показательным, что Сталин принял в судьбе книги Гумилевского самое прямое участие...

Но — не только Сталин...

И ВОТ ТУТ-ТО и кроется самая пикантная — для нынешних «демократов» — деталь из предыстории книги Льва Гумилевского. 2 января 1946 года её рукопись рекомендовал Сталину не кто иной, как академик П.Л. Капица. В своём очередном письме Сталину он аттестовал книгу в следующих выражениях:

«Товарищ Сталин,

Мне думается, что я поступаю правильно, обращая Ваше внимание на прилагаемую книгу Гумилевского «Русские инженеры»...

...Получилась... интересная и увлекательная книга. Интересно в этой книге то, что, кроме картины достижений отдельных людей, как бы сама собой получается ещё общая картина развития нашей передовой техники за многие столетия.

Мы, по-видимому, мало представляем себе, какой большой кладёзь творческого таланта всегда был в нашей инженерной мысли...

Из книги ЯСНО

1. Большое число крупнейших инженерных начинаний зарождалось у нас.

2. Мы сами почти никогда не умели (точнее — не давал царизм. — С. К.) их развивать (кроме как в области строительства).

3. Часто причина неиспользования новаторства в том, что обычно мы (точнее — царская администрация, что и показывал Л. Гумилевский. — С. К.) недооценивали своё и переоценивали иностранное...

Ведь излишняя скромность — это еще больший недостаток, чем излишняя самоуверенность. Для того, чтобы закрепить победу (в Великой Отечественной войне. — С. К.) и поднять наше культурное влияние за рубежом, необходимо осознать наши творческие силы и возможности...»

Петра Леонидовича Капицу сложно записывать в число активных русских патриотов. Если судить по откровенно космополитической позиции его «телевизионного» сына профессора Сергея Капицы, вряд ли в доме его отца-академика был особый культ России... И причины, побудившие старшего Капицу рекомендовать рукопись книги Гумилевского Сталину, лично для меня неясны...

Возможно, Капица таким оригинальным образом страховал себя от уже надвигающихся на него неприятностей, а возможно, сыграла свою роль и действительно естественная гордость за Россию и её таланты — не знаю... Но ситуацию Пётр Леонидович оценил очень точно и патриотично:

«...Ясно чувствуется, что сейчас нам надо усиленным образом подымать нашу собственную оригинальную технику. Мы должны делать по-своему и атомную бомбу, и реактивный двигатель, и интенсификацию кислорода, и многое другое.

Успешно мы сможем это делать, только [тогда] когда будем верить [в] талант нашего инженера и ученого и уважать [его] и когда мы наконец поймем, что творческий потенциал нашего народа не меньше, а даже больше других и на него можно смело положиться.

Что это так, по-видимому, доказывается и тем, что за все эти столетия нас никто не смог поглотить. <...>

Такие и подобные книги нам очень нужны, хорошо бы, если бы это было сказано отделом печати ЦК.

Ваш П. Капица...»

Что касается самого Сталина, то Капица тут ломился в открытые ворота. Если бы он более внимательно читал как труды Ленина, так и труды самого Сталина, то знал бы, что оба великих лидера новой России — в отличие от массы бездарных «лидеров» старой России — всегда верили в талант русских инженеров и учёных и всегда знали и убеждали других в том, что творческий потенциал нашего народа не меньше, а даже больше других...

Но вот что касается «интеллигентов» и полуинтеллигентов из числа Манек и Ванек, то тут Капица был прав стопроцентно... Дважды предатель как русского, так и своего родного — чеченского, народа Абдурахман Авторханов, продавшийся вначале во время войны нацистам, а после войны — янки, однажды родил некий почти афоризм: «Сталин совершил две ошибки: показал Ивану Европу и показал Европе Ивана»...

Однако Абдурахманов, как и всегда, всего лишь неумно клеветал на русский народ, на Россию и на Сталина. Некритически «европейский лоск и шик» воспринял, придя в Европу, не Иван, а *Ванька*...

Увы, подобных *ванек* в *Расее* всегда хватало на всех этажах социальной «лестницы». А «знакомство» с «европами» лишь увеличило количество текущей у них из раззявленных ртов слюны. И в служебной записке отдела печати Управления кадров ЦК ВКП(б) от 7 февраля 1948 года можно было прочесть, например, следующее:

«Критик Бояджиев по поводу постановки пьесы М. Алигер «Сказка о правде» заявлял, что только лица, стоящие на низкой ступени культурного развития, могут перенести те страдания, которые перенесла Зоя Космодемьянская. Культурным людям свойственен страх перед страданием, и они не идут ему навстречу (? — С. К.). Настоящие (? — С. К.) европейцы видят в Зое дикарку, бесчувственное животное. Тот же Бояджиев цинично говорил драматургу Б. Ромашову за рюмкой водки, что следует уехать в Англию, лишь там смогут оценить дарование...»

Прекрасно, для своего возраста по лучшим европейским стандартам образованная, юная Зоя Космодемьянская пошла навстречу не страданию и страху, а навстречу захватчикам, пришедшим на родную для неё Русскую землю. В свои восемнадцать лет эта девочка заполнила в строю бойцов то пустое место, которое создали в нём «критик» Григорий Бояджиев, имевший в 1941 году 32 года от роду, и другие, ему подобные, «защищавшие» Россию в Ташкенте...

Зоя же встала в строй.

И погибла.

А уже другой «критик» из породы «ташкентцев» — Иосиф Юзовский, которому в 1941 году было 39 лет, по поводу её подвига, воспетого Маргаритой Алигер, написал: «Эта лирика жертвенности очень далека от романтизма, который мы ищем...»

Вернёмся, впрочем, к книге Гумилевского... В своём письме Сталину Капица отмечал как недостаток книги то, что в ней «опущены такие чрезвычайно крупные инженеры-электрики, как Попов (радио), Яблочков (вольтова дуга), Лодыгин (лампочка накаливания), Доливо-Добровольский (переменный ток) и другие...».

Гумилевский замечания Капицы при подготовке книги к изданию учёл. А оно не задержалось, потому что вскоре Сталин ответил Капице так:

«Тов. Капица!

Все Ваши письма получил. В письмах много поучительного... Что касается книги Л. Гумилевского «Русские инженеры», то она очень интересна и будет издана в скором времени...

И. Сталин»

Как уже говорилось, первое издание «Русских инженеров» вышло в 1947 году. Второе — в 1953 году, в год смерти Сталина. И более эта книга в России не переиздавалась. А ведь она была великолепной как по материалу, так и по манере его изложения. Во всяком случае я, зная многое из того, о чём писал Лев Гумилевский, прочёл её залпом.

То, что книгу не переиздавали хрущёвцы и что о ней забыли брежневцы, понятно. Однако занятно и то, что хотя автор «Русских инженеров» не был новичком в литературе, для того чтобы его книга дошла до советской молодёжи даже в СССР Сталина, понадобилась рекомендация самого Сталина. Факт, говорящий о многом... Не одному ведь критику Бояджиеву в послевоенной Москве счастье виделось лишь за лондонскими туманами.

Не бороться с этим мог лишь тот, кому было безразлично и прошлое, и настоящее, и будущее России. Необходимость активного противодействия «юзикам» юзовским всех сортов понимали не только Сталин и Жданов, почему то, что позднее назвали «борьбой с космополитизмом», было воспринято здоровой частью советского общества соответственно — то есть с пониманием и одобрением.

К тому же, как видим, один из первоначальных импульсов к очередному оздоровлению отечественных умов с начала 1949 года был дан ещё в 1946 году не «Агитпропом ЦК», а почтенным академиком — что для нынешних «россиянских» «исследователей» не может не выглядеть конфузно.

Ведь Капица в своём письме Сталину не только обратил его внимание на необоснованное преклонение многих отечественных полуинтеллигентов перед Западом, но и фактически дал Сталину ряд готовых концептуальных и чуть ли не словесных «блоков», которые последний использовал, например, выступая перед руководителями Союза советских писателей 13 мая 1947 года.

Сталин тогда сказал:

«Есть такая тема, которая очень важна... Если взять нашу среднюю интеллигенцию, научную интеллигенцию, профессоров... у них неоправданное преклонение перед заграничной культурой. Все... привыкли считать себя на положении вечных учеников... Почему мы хуже? В чём дело? Бывает так: человек делает великое дело и сам этого не понимает... Надо бороться с духом самоуничтожения...»

Подчеркнув, что имеет в виду «среднюю» интеллигенцию, Сталин лишний раз доказал, что ситуацию понимает верно. Ведь на высоком академическом уровне — а тот же Капица относился именно к нему — историю отечественной науки и техники знали достаточно хорошо, почему и понимали необходимость активной борьбы с «низкопоклонством перед Западом». И инициатива Капицы—Гумилевского тут же получила продолжение в подготовке и издании уже силами Академии наук СССР

двухтомника «Люди русской науки: очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники».

Он вышел в 1948 году с предисловием С.И. Вавилова. К слову, это интересное издание было тоже переиздано ещё лишь раз — в виде расширенного четырёхтомника в 1965 году тиражом в семь — всего то — тысяч экземпляров.

Итак, к выработке концепции борьбы с космополитизмом были причастны, оказывается, не только «тиран» Иосиф Сталин и его «верный опричник» Андрей Жданов, но и вполне признаваемый «демократами» Пётр Капица.

Неудивительно поэтому, что упоминание о Л.И. Гумилевском и его книге, не говоря уже о связи Гумилевского с Капицей, полностью отсутствует во всех «демократических» источниках, широко мусолящих тему «сталинской борьбы с космополитизмом».

О книге «Русские инженеры» помалкивают Арно Люстигер, апологет советского еврейства историк Геннадий Костырченко и капитальный сборник Международного фонда «Демократия» «Сталин и космополитизм... 1945—1953». И лишь Жорес Медведев в книге «Неизвестный Сталин» сквозь зубы сообщил, что книга Льва Гумилевского, «рукопись которой послал Сталину именно Капица, была издана в 1947 году».

Но Медведев тут же и солгал, заявив, что эта книга была издана-де в «популярной тогда серии «Восстановим русский приоритет» в разных областях науки и техники»...

На деле книга «Русские инженеры» была не серийной, да и серия такая вряд ли даже тогда существовала.

И ещё одно о Капице, что характеризует как его самого, так и, даже в большей мере, Сталина и другого его «опричника» — Берия...

Вот строки из очередного письма Капицы Сталину от 8 декабря 1946 года. Оно было написано уже после того, как Капицу за затяжку работы по промышленному получению дешёвого кислорода и ряд других реальных и мнимых грехов сняли с должности директора Института физических проблем АН СССР постановлением Совета Министров СССР № 1815-782с от 17 августа 1946 года.

Капица писал Сталину:

«Я очень уважаю Вас и Ваших основных сотрудников и не вижу способа выразить большего уважения, как говорить Вам то, что думаю. Я также верю, что это необходимо для той цели, которая нас всех объединяет, — это благо страны. Я, безусловно, сочувствую тем новым направлениям, на которых Вы строите государство, понимаю и оцениваю все трудности, которые Вы встречаете на новом пути. Я считаю, что для меня как ученого основной способ посылить содействовать Вашей созидательной работе — это помочь отыскать наилучшие организационные формы для нашей науки, а это может быть только тогда, когда ученый не будет бояться прямо говорить, что думает, даже в том случае, когда это неприятные вещи...»

Это письмо Капицы Сталину было обширным и несколько «водянистым», хотя академик писал главе государства... Но интересен тон — Капица занимает позицию по отношению к Сталину и его «основным сотрудникам» даже чуть покровительственную. И это для отношений Капицы и Сталина вообще характерно — академик всегда отличался абсолютно независимым (и, надо сказать, далеко не всегда обоснованным) поведением по отношению к вла-

сти. Так, 25 ноября 1945 года он написал Сталину огромное письмо о своих воззрениях на то, как надо решать Атомную проблему. Резко (и несправедливо) критикуя Берия, Капица в постпостскрипту-ме заключал:

«P.P.S. Мне хотелось бы, чтобы тов. Берия познакомился с этим письмом, ведь это не донос, а полезная критика. Я бы сам ему всё это сказал, да увидеться с ним очень хлопотно».

Как видим, не занимаясь «доносами», Пётр Леонидович, тем не менее, «настучал» Сталину на Берия. Хотя для того, чтобы увидаться с Председателем «атомного» Спецкомитета Берией, члену Спецкомитета Капице надо было всего лишь приехать на заседания этого Спецкомитета.

В порядке «полезной критики» Берии Капица в своём письме Сталину нахально (иного слова тут не подберёшь!) рекомендовал также Берии, тогдашнему заместителю Председателя Государственного Комитета Обороны, супер-«асу» организаторской работы, поучиться организации крупных проектов на примере... прокладки «трансокеанического» кабеля и разработки первой турбины.

Тем не менее Берия, по позднейшим воспоминаниям самого Капицы, после ознакомления с его письмом от 25 ноября 1945 года позвонил автору письма и пригласил к себе — поговорить...

Капица же — по его же словам — ответил: «Мне с Вами говорить не о чем. Если Вы хотите поговорить со мной, то приезжайте в институт...»

Вот так они, расейские интеллигенты, «боялись» Берии на самом деле. Если бы боялись — не вели бы себя так развязно со вторым человеком в государстве...

А что же Берия? А Берия, получив такое вот «приглашение», приехал. И даже привёз Капице подарок — богато инкрустированную тульскую двустволку.

Прочтя об этом в сборнике писем Капицы издания 1989 года, я невольно вспомнил, как покойный академик Львов публично сетовал однажды на то, что, пригласив — предельно вежливо — Владимира Путина к себе в Центральный экономико-математический институт РАН, он лишь получил в ответ «неудовольствие» президентских референтов. Как, мол, Вы смеете делать *такому* человеку *такие* предложения?!

Такие вот, уважаемый читатель, «пирог»...

Они же — и «пряники»...

Сталин и его «основные сотрудники» были людьми государственного калибра.

Остаётся понять — людьми какого калибра являются их нынешние «преемники»? Впрочем, глядя уже на то, как они строят отношения России с внешним миром, на последний вопрос ответить труда не составит.

Сталин же свои отношения с внешним миром строил несколько иначе...

ВНЕШНИЙ мир и Сталин... Можно ли не сказать и об этом... В реальном масштабе времени — при жизни Сталина — его *личное* влияние на жизнь планеты постоянно возрастало. Хотя это понимали не все — во всяком случае, на словах.

Скажем, много лет проживший в СССР американский дипломат и политолог Джордж Кеннан так и не понял ни Россию, ни Сталина, однако написал о них много — и в секретных меморандумах, и в популярной периодике, и в книгах.

В одной из своих книг он написал, что Сталин «на 65-м году жизни (то есть в 1944 году. — С. К.), стоявший уже двадцать лет у руля державы, был наиболее могущественным, но мало известным в мире властителем»... Кеннан, привыкший к тому, что в его «империи добра» предметом национального внимания оказываются даже замаранные трусики Моника Левински, имел в виду то, что, как он сетовал, личная жизнь Сталина оставалась «тайной», которую не смогли разгадать даже любопытные американские репортёры.

Кеннан ошибался в оценках России и Сталина «по-крупному», ошибался он и в мелочах, заявляя, что Сталина-де «видели» лишь несколько иностранцев. Причём сам же Кеннан в своих воспоминаниях себя и опровергает. Например, он описывает уже послевоенную ситуацию, когда группа американских конгрессменов пожелала встретиться со Сталиным, и Кеннан, замещавший тогдашнего посла Гарримана, сопровождал её в Кремль. Перед этим, в ходе знакомства с московским метро, конгрессменов угостили «рюмкой чая», и один из них, уже сидя в лимузине, ворчал: «Да кто такой этот Сталин? Не хочу я с ним встречаться... А что, если я тресну этого старикана по носу?»

Думаю, оказавшись со Сталиным нос к носу, этот янки уже не «шебуршил». Ведь даже Черчилль печатным образом признал, что, когда входил Сталин, ему хотелось встать и взять руки по швам.

Стоит ли этому удивляться! Черчилль сам был человеком незаурядным, «многослойным», но его незаурядность не шла со сталинской ни в какое сравнение. И Черчилль — как великий, спору нет, человек, был способен понять это лучше многих других. Вся жизнь Черчилля прошла в кругу правящей элиты развитых стран Запада и прежде всего —

элиты Англии и США, поэтому Черчиллю было с чем и с кем сравнивать. Уж он-то видел всю ничтожность даже выдающихся представителей его класса на фоне спокойной гениальности Сталина. Причём Черчилль, зная практически, что значит руководить страной, да ещё и во время войны, не мог не отдавать себе отчёт в том, что круг задач и проблем, стоящих перед Сталиным, раза в три-четыре, а то и более велик и серьёзен по сравнению с «военными» обязанностями его, Черчилля.

К слову, Сталин так же выделялся многообразием успешно решаемых им задач на фоне всех остальных современных ему мировых лидеров, как выделялся в свою эпоху на фоне европейских монархов наш Пётр!

Однако масштаб и сложность задач Сталина были настолько же огромней, по сравнению с Петровскими, насколько петровские пушки были слабее артиллерии РККА.

Впрочем, всемирно-историческое значение Сталина не ограничивается, конечно, его ролью во Второй мировой войне. Его значение не сводилось к этой роли в первую очередь тогда, при жизни Сталина, и не сводится к этой роли сегодня.

Причём значение Сталина для прошлого, настоящего и будущего мира не просто велико. Оно несопоставимо со значением любой другой исторической фигуры в мировой истории.

Сталин потому и ненавистен даже сегодня так многим, что он стал наиболее крупной — даже более крупной, чем Ленин, — *реальной* фигурой в мировом противостоянии Добра и Зла. В этом смысле Сталину нет равных ни в ушедшем уже XX веке, ни — тем более — в новом, только начинающемся XXI веке.

В своей последней публичной речи, завершившей 14 октября 1952 года XIX съезд КПСС, Сталин сказал:

«Раньше буржуазия позволяла себе либеральничать, ...и тем создавала себе популярность в народе. Теперь от либерализма не осталось и следа... Знамя буржуазно-демократических свобод выброшено за борт...

Раньше буржуазия считалась главой нации, она отстаивала права и независимость нации... Теперь буржуазия продаёт права и независимость нации за доллары. Знамя национальной независимости и национального суверенитета выброшено за борт...»

Но кто должен поднять знамя гражданских свобод в мире? Отвечая на этот вопрос и обращаясь как к делегатам съезда, так и к зарубежным гостям съезда — членам руководства коммунистических и народно-демократических партий мира, Сталин сказал:

«Я думаю, что это знамя придётся поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперёд, если хотите собрать вокруг себя большинство народа. Больше никому его поднять».

А как со знаменем национального суверенитета? Сталин ответил и на этот вопрос:

«Нет сомнения, что и это знамя придётся поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперёд, если хотите быть патриотами

своей страны, если хотите стать руководящей силой нации. Больше никому его поднимать...»

Последними же словами Сталина, в последний раз в его жизни обращенными ко всему миру, были: «Да здравствует мир между народами! Долой поджигателей войны!»

И вот что важно! Говоря то, что он сказал 14 октября 1952 года в Москве, Сталин не зачёркивал лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Но он шёл здесь за Лениным, который после Октября 1917 года сказал: «До Октября мы были пораженцами, после Октября мы — оборонцы».

И теперь Сталин громко заявлял, что отныне истинными поборниками свобод человека и истинными патриотами могут быть во всех странах лишь коммунисты. Что если коммунист в любой стране претендует на национальное лидерство, он обязан быть защитником личных свобод и патриотом.

Но это ведь относилось и к Советской России! Нельзя было руководить Советской Россией, не будучи на стороне свобод народа и не будучи советским патриотом. Нельзя быть русским без чувства глубокого патриотизма, не имеющего ничего общего с национализмом и шовинизмом.

Так можно ли руководить Россией, не будучи коммунистом? Не парламентским «членом партии», а коммунистом, большевиком ленинско-сталинской формации? Ведь только такие русские люди могут обеспечить России процветание и будущность.

Россия Сталина становилась после войны всё более притягательной моральной силой в мире — и уже это Западу было страшно.

Россия Сталина — особенно обрета Русский Ядерный Щит, — оказывалась всё более грозной

силой и в системном глобальном противостоянии Труда и Капитала.

И это было ещё более страшно для Мировой Золотой Элиты...

А одновременно Россия Сталина всё более становилась гарантом свобод и национального суверенитета всех стран, которые смотрели на неё с надеждой и верой. Разве обрели бы, скажем, в такие короткие сроки независимость Китай, Индия, Индонезия, если бы в мире не было России Сталина?

Разве стали бы возможными широкие социальные завоевания в западном мире и в самих США, если бы не Россия Сталина?

Пока Сталин был жив, он был страшен силам Мирового Зла своей силой великого лидера великого государства, противостоящего Мировому Злу.

Но и сойдя в могилу, Сталин остался им страшен как непревзойдённый моральный символ для всех истинно мыслящих сил Планеты.

Находясь во главе могучего государства, он не претендовал на мировое господство России за счёт силы оружия, прикрывающего неравноправную экономическую экспансию.

Сталин претендовал на честное идейное лидерство России в мире как залог будущего справедливого для всех народов Земли мирового устройства.

Этим он страшен Мировому Злу и сегодня.

Ведь если Россия обретёт силы к новому возрождению, то это будет совершено ей под знаменем народной свободы и национального суверенитета не только для России, но и для остальных «глобализуемых» стран мира.

А это значит, что мир — если не хочет превратиться в «задний двор» США и Мировой Золотой Элиты, должен будет рано или поздно встать под знамя Сталина!

Не только Россия, но и весь мир — если хочет быть свободным! Ведь даже буржуазный историк Арнольд Тойнби в 1971 году, размышляя над реальностями капитализма, заявлял:

«Я предполагаю, что человечество согласится на жёсткую диктатуру ленинского типа как на зло меньшее, чем самоуничтожение или постоянная анархия, которая может закончиться только самоуничтожением».

Увы, академичный англосакс Тойнби был слишком хорошего мнения о человечестве — оно уже во времена Тойнби стремительно отучалось думать и выбирать, начав — что касается развитых стран — окончательно вырождаться в «электорат». В странах же «развивающихся» человечество стало переходить из полуживотного в полурастительное состояние, вручая свою судьбу западным «садовникам».

Тойнби, впрочем, был одновременно и прав — оценивая перспективы общества «Частной инициативы», и не прав — оценивая сущность идей Ленина и Сталина. Ведь если бы Тойнби внимательно прочёл хотя бы «Экономические проблемы социализма», он мог бы понять, что принципиальной установкой сталинского (а значит, и ленинского) социализма была не жесткая диктатура, а задача такого экономического и культурного *перевоспитания* общества, когда «труд из средства только поддержания жизни будет превращен *в глазах общества* в первую жизненную потребность, а общественная собственность — в незыблемую и неприкосновенную основу существования общества»...

Не насилие над свободой человека, а воспитание нового, всесторонне свободного человека — вот жизненное и политическое кредо Ленина и Сталина.

Что же до того, что в будущем капитализм способен обеспечить человечеству лишь самоуничтожение, — тут Тойнби был в своём прогнозе точен. Мы ещё об этом немного поговорим.

Итак, Россия Сталина — как альтернатива глобальному самоуничтожению — была страшна Мировому Злу — как ведущей силе уничтожения человека в человеке — самым фактом своего существования.

Возможная будущая Россия под знаменем Сталина страшна Мировому Злу ещё больше.

Ведь что получилось...

В прошлом под знаменем Ленина—Сталина Россия, имея огромные природные богатства, запас человеческих сил и получив — говоря словами Ленина — прекрасный размах, который дала народному творчеству великая революция, создала себя как действительно могучую и обильную Русь.

Если вспомнить опять-таки слова Ленина, то можно сказать, что Россия стала таковой, отбросив прочь всякое уныние и всякую фразу, стиснув зубы, собрав все свои силы, напрягая каждый нерв, каждый мускул... Идя вперёд, она под знаменем Ленина—Сталина собирала камень за камушком прочный фундамент социалистического общества и на этом фундаменте создала такое прочное здание, которое не смогла обрушить даже война.

Россия Сталина работала не покладая рук над созданием дисциплины и самодисциплины, организованности, порядка, деловитости и стройного сотрудничества всенародных сил.

И так пришла к мощи...

Однако Россия после Сталина не сумела удержать эту мощь и пала жертвой тех же антироссийских сил, жертвой которых пал сам Сталин, то есть жертвой внешнего Мирового Зла и его внутренней «пятой колонны», состоящей из «партоплазмы» и

«творческой интеллигенции» с её истерическими порывами...

Если Россия — в её нынешнем виде «Россиянин» и конгломерата «республик» «СНГ» — будет продолжать идиотствовать, её будущее, как и будущее всего мира, плачевно. Её удел — как и удел всего мира — самоуничтожение. Это не я сказал, это «великий» Тойнби сказал — уже почти сорок лет назад.

Но если Россия возьмётся за ум, то она неизбежно вновь воспользуется советом Ленина и, всё ещё имея огромные природные богатства и запас человеческих сил, объединит вокруг себя народы СССР и примется за воссоздание новой могучей и обильной Руси.

Она вновь отбросит прочь всякое уныние и всякую фразу, вновь стиснет зубы и уже не камень за камушком (чему-то мы всё же научились), а в считанные годы обретёт новое могущество, и тогда...

И тогда, во-первых, новой России Иванов да Марий уже не будут страшны никакие исторические передрыги, потому что она одержит последнюю свою историческую победу над самым серьёзным своим врагом — народишком Ванек и Манек..

Но Россия Иванов да Марий одержит свою решающую победу лишь тогда, когда не уничтожит этот «народишко», а *перевоспитает* его — как это завещал нам товарищ Сталин. Ведь и Ваньки с Маньками — тоже наши... Они — хотя и *непутёвые, беспутные*, но родные наши братья. Они — тоже русские.

Да, Россия Иванов да Марий вполне возможна.

Но возможна лишь под знаменем Сталина!

Ведь знамя Сталина — это не чёрное знамя страха, а Красное знамя веры, надежды, любви и борьбы за умную и весёлую жизнь России...

И эта новая, обретшая самодисциплину, организованность и порядок, обеспечившая стройное сотрудничество всенародных сил Россия вновь станет

надеждой мира и лидером всех прогрессивных сил человечества, не желающих пасть жертвой Мирового Зла, то есть — самоуничтожиться.

Может ли не страшить такая перспектива эти самые силы?

Вот почему они хотят не подчинить себе Россию, а уничтожить её.

И в этом стремлении они имеют самого важного своего союзника — извечную расейскую глупость... Недаром ведь сказано: «Скорлупа беззакония плавает в океане глупости»...

Не означает ли это, что русскому народу пора умнеть?

РОЛЬ РУССКОГО народа в создании Российской державы всегда была ведущей и решающей. Но роль русского народа — особенно его великорусской и украинской ветвей — оказалась решающей и в разрушении Российской державы в 1991 году. И, начав разрушать своё «Большое гнездо» в XX веке, русские продолжили разрушение его в XXI веке. И разрушают его по сей день...

К мадам Хакамаде я испытываю чувство, близкое к физической брезгливости, — настолько она чудовищно, нечеловечески бесстыжа, бесстыжа во всём... Но она, со ссылкой, правда, на своего отца, высказала однажды мысль, которая периодически мешает мне, как мешает вылезший гвоздь в сапоге. Сравнивая разные народы, Хакамада рассуждала в том духе, что Япония — это-де монолитный бетон, Европа — умелая кирпичная кладка, а вот Россия — бочка с песком. И как только «обручи», сковывающие Россию, лопаются, она тут же рассыпается.

Любая броская фраза — не более чем фраза. И в этой «фразе» Хакамады тоже есть много неточно-

стей, начиная с того, что и монолитный бетон даёт трещины, а надёжно сработанная и верно эксплуатируемая бочка будет веками прочна.

Однако «хакамадный» образ России хотя и обиден для нас, не так уж — кое в чём — и неверен. Действительно, внутри России всегда имелся и имеется по сей день не только потенциал созидания и объединения, но и потенциал гибели и распада.

Я не могу — как бы мне того ни хотелось — называть Петра Леонидовича Капицу безупречным патриотом. Но русская жилка в нём всё же была, и родился и жил он в России. Потому он и понимал, что «творческий потенциал нашего народа не меньше, а даже больше других, и на него можно смело положиться». Потому и приводил в подтверждение этой своей мысли тот факт, что «за все... столетия нас никто не смог поглотить...».

Так-то оно так, но вот другое, фактически документальное свидетельство такого глубоко русского и глубоко знающего Россию человека, как Леонид Павлович Сабанеев. В конце семидесятых годов XIX века он, знаменитый охотовед, в монографии «Волк» писал:

«Крестьяне наши, вследствие недостатка предприимчивости, *к тому же лишённые опытных руководителей* (выделение моё. — С. К.), почти беззащитны от волков. Кроме того, наши поселяне отличаются ещё чрезвычайной беспечностью: целая деревня, например, поручает своё стадо увечному или юродивому пастуху или мальчишке-подпаску, которые, конечно, не могут служить надёжной защитой при нападении хищников. Между тем как в Германии при первом известии о появлении хищника все

огромные селения поголовно ополчаются и устраивают на него правильную атаку. У нас подобное преследование составляет дружное редкое исключение».

Деталь народного быта... И она же — примета народной судьбы.

Вспомним и «дольку стола», описанную с натуры экс-народником Энгельгардтом. Это ведь — если вдуматься — и есть символ старой, царской «Расеи»...

Увы, в русском народе традиции разобщённости и разъединения существуют издавна, хотя они наверняка и не были свойственны русскому народу изначально — иначе русские не распространились бы по всему Российскому геополитическому пространству за тысячу лет так вольно, широко, просто-рпно и, по сути, бескровно.

Однако на русский национальный характер самым гнусным и трагическим образом повлияло монголо-татарское иго... Михайло Васильевич Ломоносов в 1748 году формулировал верно: «...сколько чего у одного тела отнимется, столько присовокупится к другому...» и прибавлял: «Сей всеобщий естественный закон простирается и в самые правила движения; ибо тело, движущее своей силою другое, столько же оныя у себя теряет, сколько сообщает другому, которое от него движение получает».

Да, этот закон всеобщ и «простирается» в правила не только механического, но и исторического движения. Русь прикрыла собой Запад и дала возможность ему развиваться. Как бы эту истину ни замалчивали, она от этого истиной быть не перестаёт. Я не хочу сказать, что русские защитили европейцев сознательно — они всего лишь на своей земле боролись против чужеземцев за собственную землю. Но

тем самым Русь ослабила напор Дикой Степи так, что до Европы докатились лишь немногие сглаженные «волны» того «тайфуна», который обрушился на Русь.

В результате та свобода развития, которая была отнята степняками у России, присовокупилась к Европе. Лишившись своей свободы в XIII веке, Россия как бы передала её Европе — в полном соответствии с законом, впервые сформулированным Ломоносовым, а уж позднее — Лавуазье.

До нашествия на Русь Дикой Степи дочь киевского русского государя Ярослава Мудрого — Анна Ярославна — привезла с собой через всю тёмную — тогда — Европу в неказистый — тогда — Париж из светлого стольного града Киева русскую Псалтирь. Анна — королева Франции была грамотна. А её муж — французский король Генрих — нет.

А после того, как по Руси прошёлся степной «пожар», стольный град Киев лежал в развалинах. И, вспоминая слова поэта, можно сказать, что неизвестно, каких русских Илиад и Одиссей, записанных на русской берёсте, лишилось человечество, потому что «берёста отлично горит, даже если она — гениальное слово»...

Волна уничтожения, родившаяся в Дикой Степи, уничтожила первые выдающиеся русские достижения, затормозила на века русское развитие и культуру и исковеркала русский национальный характер, создав в былом народе Иван да Марий ещё и народишко Ванек и Манек.

Мы получили азиатчину как результат удельного разобщения русских земель после смерти Ярослава. Мы избыли азиатчину — как иго, став под объединяющее Русскую землю знамя Москвы, знамя централизации.

Но избыли ли мы азиатчину как духовное наследие трёх чёрных веков, в которые она длилась?

В своём поразительно интересном труде «Китайцы в Уссурийском крае» один из самых деятельных русских патриотов — Владимир Клавдиевич Арсеньев — написал горькие строки:

«...Китайцы не живут одиночно, а по несколько человек. Даже там, где собирается их двадцать и тридцать человек, нет ссор или они бывают крайне редко. На другой день после ссоры те же китайцы работают опять вместе с таким видом, как будто они и не ссорились.

В этом отношении русские переселенцы представляют полную противоположность китайцам. Где соберутся их три или четыре человека, так на другой уже день начинаются ссоры, и вслед за тем начинается умышленная потрава пашен друг у друга. Сколько на моих глазах... рухнуло артельных предприятий только потому, что компаньоны их ссорились между собою и не доводили дело до конца!»

На глазах Арсеньева рушились артельные предприятия... А на наших глазах и при нашем глупейшем поведении рушится (всё ещё рушится) великий Советский Союз!

Что обидно — Арсеньев написал о русских людях невесёлую, однако — правду. Правду о том, что русские, увы, нередко ведут себя так, что могут быть названы народом неумных индивидуалистов.

Но ведь Арсеньев — тоже глубоко русский человек. Однако он был убеждённым коллективистом.

Собственно, если бы среди русского народа не было множества таких же убеждённых, прирождённых

ных коллективистов — Иванов да Марий, то великая Россия просто не состоялась бы!

Для более верного исторического и текущего взгляда на положение и перспективы России полезно, впрочем, привести ещё две цитаты.

Итак:

«Участь России, околевшего игуанодона или мамонта — обращение в слабое и бедное государство, стоящее в экономической зависимости от других стран... Вынуты душа и сердце, разбиты все идеалы. Будущего России нет; мы без настоящего и будущего. Жить остаётся только для того, чтобы кормить и хранить семью — больше нет ничего. Окончательное падение России, как великой и единой державы вследствие причин не внешних, а внутренних, не прямо от врагов, а от собственных недостатков и пороков и от полной атрофии чувства отечества, родины, общей солидарности, чувства «священного союза» — эпизод, имеющий мало аналогий во всемирной истории... Мы годны действительно, только чтобы стать навозом для народов высшей культуры...»

А ну-ка, пусть попробует читатель угадать — когда и кем это сказано?

И когда и кем сказано это:

«...Русский народ — народ-пораженец; от того и возможно такое чудовищное явление, как наличность среди чисто русских людей — людей, страстно желающих конечного поражения России. Поражение всегда более занимало русских, чем победа и торжество... Необычайно уродливое явление — отсутствие русского вообще и в частности великорусско-

го патриотизма. В так называемой Российской державе есть патриотизмы какие угодно — армянский, грузинский, татарский, украинский, белорусский — имя им легион, — нет только общерусского... Как будто великороссы, создавшие в свое время погибающую теперь Россию, совершенно выдохлись...»

Это — выдержки из дневника академика-историка, директора Румянцевского музея Юрия Владимировича Готье за... июль 1917 года.

Историка!

Родившись в 1873 году, он умер в 1943 году — академиком АН СССР, автором «обобщающих, — как об этом сказано в том *Энциклопедического словаря* за 1953 год, — трудов по истории материальной культуры Восточной Европы».

Комментарии к его горе-прогнозам 1917 года, пожалуй, излишни, но я всё же напомним, что эти прогнозы профессионального знатока истории и культуры, прогнозы, которые так трагически актуальны *сегодня*, вполне могли бы сбыться уже *тогда*, в реальном масштабе времени, если бы...

Если бы не наличие у России Ленина, Сталина и их соратников!

И если бы не последующая многотрудная державная работа во славу России, проведенная в России Сталиным...

Вот, собственно, что надо знать, понимать и помнить каждому перед тем, как отвечать на вопрос — чьё же имя олицетворяет собой тысячелетнюю Россию?

Безусловно, нынешний кризис в России — это последний наш кризис. Трагический исход его, если Россия будет идиотски повторять: «Всё путём!», неизбежен. Однако финальная русская трагедия отнюдь не запрограммирована автоматически. Да,

провокации против России лишь будут множиться — конфликт в Южной Осетии тому лишнее подтверждение. Он был создан, конечно, не в Тбилиси, а в Вашингтоне, и ему подыграла «пятая» колонна Запада в Москве. Но, пожалуй, символично то, что в ходе его Россия — не в лице кастрированной «России», а в лице русских ребят в полевой форме — пришла именно на родину Сталина, в Гори. И там их встретили не проклятья, а руки грузинских матерей, протянутые за помощью.

Что ж, Россия Сталина и Грузия Сталина в эпоху Сталина были едины. И нет никаких объективных причин для того, чтобы это единение — под знаменем Сталина — не могло вновь стать реальным.

Уже — навсегда.

В БЕЛОРУССИИ уже в XXI веке был создан мемориал «Линия Сталина». Есть там и памятник Сталину. И к нему идут люди. И несут Сталину живые цветы...

А в «Россиянин» 18 августа 2008 года в Интернете были вывешены результаты нового голосования по новым «правилам» на третьем этапе проекта «Имя России».

Ошарашенные первым местом Сталина, организаторы проекта, уподобляясь «господину подпоручику» из классического «Белого солнца пустыни», заявили, что проект-де проходит «не по той системе» и лидерство Сталина — мнимое и объясняется «хакерскими атаками и массовыми флеш-мобами»...

При этом организаторы используют и «завлекалки» (выражение, мне претящее, но используемое ныне чуть ли не официально) самого низкого пошиба — даром что среди организаторов проекта числится солидный вроде бы академический институт.

Впрочем, подлинный уровень этого Института российской истории РАН вряд ли ныне далеко ушёл

от уровня массы «россиян», которым в качестве своего рода пропуска-допуска к «машине голосования» предлагаются вопросы типа: «Какой регион присоединил Потёмкин к России — Карелию, Калмыкию, Крым или Чукотку?» Что ж, надо радоваться тому, что в этот перечень пока еще не включены Балеарские острова или Внутренняя Монголия...

Так или иначе, новый этап голосования начался 14 августа 2008 года. И он якобы дал такой результат: Александр Невский, Сергей Радонежский и сразу за ними — Владимир Высоцкий...

Если первые два имени в русской истории стоят действительно высоко — хотя и не на самых первых местах, то имя хрипловатого «барда» как третьего за всю историю России национального героя доказывает лишь одно — как стремительно деградирует русское национальное чувство в определённых кругах — кругах то ли голосующих, то ли подсчитывающих.

В любом случае Высоцкий, стоящий выше опущенного на четвёртое место Сталина, — это оскорбление не памяти и не имени Сталина — это оскорбление России. Он был неплохим парнем, но Высоцкий как историческая (!!!) личность?

Н-да...

Однако если бы в голосовании принимали участие остальные восемь человек из первой дюжины «августовских» кандидатов и их голоса оказались бы решающими, то на своё законное первое место вышел бы именно Сталин!

Потому что за кого, как не за Сталина голосовали бы идущие за ним Михаил Ломоносов, Юрий Гагарин, Владимир Ленин, Георгий Жуков и Константин Рокоссовский, Сергей Есенин и Александр Пушкин?..

И даже имевший великую душу, но, увы, сумбурный ум, и оказавшийся на 18 августа тринадцатым (надо же!) Фёдор Михайлович Достоевский не рискнул бы, пожалуй, пойти против их выбора...

Как и четырнадцатый кандидат — Антон Иванович Деникин. Последний, правда, до конца дней своих так и не примирился с Россией Сталина и наивно надеялся, что, разгромив Гитлера, Красная Армия повернётся против Сталина... Но весьма вероятно, что даже Деникин, умерший в 1947 году, отдал бы должное Сталину — если бы мог окинуть взором весь ход послевоенной истории России вплоть до момента начала проекта «Имя России»...

Ведь что показательно и интересно — даже смеха ради никто и близко не вспомнил о такой выдающейся (не шучу — он обошёл в рейтинге Иуд Михаила Горбачёва и Иуду Искариота) фигуре, как Борис Ельцин, не говоря уже о якобы небывало популярном Владимире Путине и новой «надежде» «Россиянин» президенте Медведеве...

Даже Деникина «россияне», оказывается, ценят выше...

Что ж — по делам и честь...

Показательно и то, что даже интернет-поколения «в упор» не видят всяких там «аллоборисовных» «звёзд» и дим биланов.

Так, может быть, не так уж плохи наши дела? Может, хоть какое-то чувство меры у русских сохранилось?

Что ж, поживём — увидим...

Причём я имею в виду, конечно, не итоги проекта «Имя России». Они — эти итоги, могут быть любыми, несмотря на очевидно верный ответ на вопрос проекта. Нет, я имею в виду уже ближайшие годы жизни России, которые или окончательно подведут нас к краю исторической пропасти, или выведут на верную дорогу, на которой Россию давно ждут Сталин и Ленин.

Выведут ли?

Что ж..

Поживём — увидим.

СУТЬ ЭТОЙ КНИГИ ясна из её названия — это книга о России и о фигуре номер один русской истории Иосифе Сталине. Вокруг его имени, и при его жизни, и после его смерти, шли и идут споры. И то, как нынешние опросы в Интернете раз за разом отдают ему (ему, ему!) первенство, само по себе доказывает роль и место Сталина в истории России и мира.

О Сталине сказано и написано много, но лучше всех о нём сказал его «заклятый друг» Уинстон Черчилль: «Сталин принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой».

Но державное величие Сталина проявилось также в том, что он видел новую Россию не только могучей, но интеллектуально и духовно развитой, свободной, имеющей пятичасовой рабочий день и лучшую в мире систему образования. Причём Сталин был не просто гением. Он был гением «здесь и сейчас» — гением, создающим настоящее и будущее в реальном масштабе времени.

Сталин как никто другой возвеличил Россию, и не его вина, что потомки бездарно проматывают его великое наследие.

Я давно хотел написать свою книгу о Сталине, но вышло так, что мне пришлось написать её по вполне конкретному поводу, в связи с громкой, публичной, общенациональной постановкой вопроса: «Чьё же оно — «Имя России»?..».

И я написал эту книгу — с целью убедить Россию в том, что в истории России именно Сталин оказался фигурой № 1, продолжив дело второй фигуры № 1 в истории России — Ленина... Что свершения Сталина отдают ему первенство даже перед Лениным.

Для тех, кто подвержен «синдрому адмирала Нельсона», который в нежелательные для него моменты прикладывал подзорную трубу к выбитому, незрячему глазу и заявлял, что ничего не видит, эта книга вряд ли будет полезной. Они, как и ил-

люстрированная Оксфордская энциклопедия, *знают*, что Сталин был «тираном» и не заслуживает о себе доброй памяти — не говоря уже не то что о первом, но хоть о каком-то почётном месте в русской истории.

Впрочем, эта книга написана не для страдающих неизлечимым «нельсонизмом»...

Что же до организаторов проекта «Имя России», то они сейчас, как я понимаю, сами не рады своей затее. Ведь если она будет доведена до конца, то глядишь — несмотря на все ухищрения, первым окажется Сталин. И что тогда?

Но, возможно, электронные «игры» поставят на первое место и кого-то другого. Скажем — Хакамаду... А почему бы и нет? Её нет в первой дюжине? Ну, это можно и организовать — хоть в декабре! Ведь нынешняя «Россия» поднаторела и в электронных махинациях, и в электронном манипулировании «электратором».

А возможно, страшись нежелательного исхода, проект «Имя России» потихоньку «спустят на тормозах». Но в том ли дело! В любом случае Сталин был, есть и останется несменяемо первым лицом русской истории.

И лицом глубоко созидательным и гуманистическим.

В ГРУЗИНСКОЙ газете «Иверия» в номере за 25 декабря 1895 года было опубликовано стихотворение 16-летнего семинариста из Тифлисской духовной семинарии Сосо Джугашвили. Оно публикуется сегодня в разных переводах, часто без сведений об авторе перевода. Лишь по последней причине я привожу это стихотворение Сталина тоже без указания переводчика, но с благодарностью ему за труд.

Что же до самого стихотворения, то вот оно:

«Ходил он от дома к дому,
Стучась у чужих дверей,
Со старым дубовым пандури,
С нехитрою песней своей.

А в песне его, а в песне,
Как солнечный блеск, чиста,
Звучала великая правда,
Возвышенная мечта.

Сердца, превращенные в камень,
Заставить биться сумел,
У многих будил он разум,
Дремавший в глубокой тьме.

Но вместо величья и славы
Люди его земли
Отверженному отраву
В чаше преподнесли.

Сказали ему «Проклятый,
Пей, осуши до дна...
И песня твоя чужда нам,
И правда твоя не нужна!..»

Так нужна России правда Сталина и правда о Сталине?

Я убеждён — да!

Сталин говорил Александре Михайловне Коллонтай, что на его могилу нанесут много мусора. И сейчас на ней этого мусора — больше некуда. Однако ветры истории не только надувают паруса тех, кто умеет ходить в бурном море, но и сметают с покровов истории весь мусор, накопившийся за годы безвременья и мерзости запустения.

Мерзость рождает мерзость, и «ведущее перо» «МК» Александр Минкин заявляет: «Ленин и Сталин уничтожили сельское хозяйство России... И вот индустриальная Германия (после фашизма) на 98 процентов сама обеспечивает себя едой, а бескрайняя Россия (после не знаю чего) больше половины закупает за границей»...

Намёк прозрачен — Сталин, мол, был для России чем-то, похуже Гитлера... Но так ли уж не знает главный «золотарь» «МК», *после чего*, после каких своих и чужих действий Россия стала так массово закупать продовольствие? Тем более что его закупает не бескрайняя — от острова Эзель до мыса Дежнёва и от Заполярья до Кушки — Россия, а кастрированная не без морального содействия минкиных «Россияния»...

Собственно, ответ Минкину можно найти хотя бы в издании «АиФ». Оно полно сомнительных аргументов и передёрнутых фактов, но иногда говорит и правду. И вот «ведущее перо» «АиФ» Вячеслав Костиков сетует: «В мире уже несколько лет нарастает нехватка продовольствия... Казалось бы, возобновляя заброшенную пашню (за последние 20 лет у нас запустело 13 млн гектаров сельхозугодий)...

Стоп, стоп!

Как там у александров минкиных с арифметикой и знанием истории?

2008 год — 20 лет = 1988 год.

Ленин умер в 1924 году...

Сталин умер в 1953 году...

А российское сельское хозяйство начало приходить в состояние мерзкого запустения 20 лет назад. Это не я сказал, это Вячеслав Костиков написал.

Так кто уничтожил и уничтожает сельское хозяйство России?

Костиков заявляет: «Нет, спохватились только сегодня, когда кое-где довели до талонов на хлеб»...

Но Сталин отменил продовольственные карточки уже в 1947 году.

Так кто довёл Россию до новых карточек?

И ой ли, спохватилась ли Россия, как в том уверяет Костиков?

Из кризиса Россия может начать выходить, лишь снова став под знамя Сталина! Но понимает ли это

Костиков, согласен ли он с этим? Не думаю... Ведь он публикует свои рассуждения по поводу проекта «Имя России» — «О чём кудахчет элита», со следующим подзаголовком: «Любовь к Сталину — это все-народная пощёчина политикам».

Слово «любовь» Костиков подчёркнуто берёт в кавычки, и этот намёк тоже прозрачен — не в Сталине, мол, дело. Не Сталина, мол, народ любит, а «элиту» презирает и ненавидит.

Что ж, «россиянская», «аллопугачёвская» «элита» достойна лишь презрения и гадливости.

Но Сталина народ — народ Ивана да Марьи — полюбил ещё при его жизни. И все эти годы не лишал его своей подлинно народной любви.

Без всяких кавычек!

И сегодня уже к новым поколениям народов России пробивается та правда, которая нужна, чтобы Россия смогла окончательно смести мусор и грязь с могилы самого выдающегося в её истории сына...

Возможно, проект «Имя России» спустят на тормозах или сфальсифицируют его результаты... Возможно!

Но слово — не воробей, вылетело — не поймаешь, тем более — в Интернете. Вопрос: «Кто первая фигура русской истории?» перед обществом поставлен.

И отвечать на него России волей-неволей придётся — не в интернет-конкурсах, а в своих мыслях и чувствах...

И, НАКОНЕЦ, последнее... Джозеф Стиглиц, нобелевский лауреат 2001 года по экономике, в своей книге «Глобализация: тревожные тенденции» сообщает, что вестибюль гигантского здания Всемирного банка на 19-й стрит в Вашингтоне украшен лозунгом: «Наша цель — мир без бедности».

Однако Стиглиц не пояснил, что полностью этот лозунг должен был бы выглядеть так: «Наша цель — мир без бедности *для некоторых*»...

Да и при этом уточнении имелась бы в виду бедность (точнее — её отсутствие) лишь материальная. Что же до духовного богатства или бедности, то способны ли потомственные, наследственные *нищие духам* ставить перед собой задачу создать мир, лишённый духовной нищеты?

Ведь такой мир нельзя создать лишь для избранных. Он возможен только для всех!

А точнее — для всех тех, кто не просто живёт лишь своим трудом, не присваивая себе ни грамма чужого труда, но ещё и воспитан так, что труд из средства только поддержания жизни уже превращен *в его глазах* в первую жизненную потребность.

Если общество будет состоять из таких людей, то и в глазах общества в целом мерилom жизненного успеха будет успех не на фондовой бирже, а успех в труде на благо общества. Общества, благо которого будет немыслимо без блага для каждого трудящегося и трудолюбивого индивидуума.

Пока же...

Пока в США, как и десять лет назад, и двадцать лет назад, от голода ежегодно умирают миллионы людей. Нет, я не оговорился — именно в США, именно миллионы и именно умирают...

Но здесь нужно пояснение... Фактически чуть ли не весь сегодняшний мир, усиленно глобализуемый на штатовский манер, стал своего рода «задним двором» Запада и США. Но поскольку задний двор тоже входит в общее хозяйство, его статистические данные тоже должны быть включены в общий итог.

А итог таков... Уже в 1987 году один из ведущих специалистов в области прав человека, норвежский учёный Асбьёрн Эйде, привёл следующие данные ЮНИСЕФ — Детского фонда ООН: на Земле более

1 миллиарда людей постоянно голодают, от голода и недоедания ежегодно умирают от 13 до 18 миллионов людей; каждые 24 часа 35 тысяч человек умирают в результате прямого или косвенного влияния недоедания и голода; 24 человека ежеминутно, причём 18 из них — дети до 5 лет.

Профессор Игорь Павлович Блищенко, один из трёх «социалистических» членов Независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам, учреждённой в 1983 году вне рамок ООН, но вскоре признанной ООН в качестве представительного органа двадцати девяти международных экспертов, в предисловии к докладу этой Комиссии от 1985 года писал:

«По количеству жертв ни одно другое бедствие не может сравниться с голодом. За период только 1983—1985 годов от голода умерло больше людей, чем погибло во время Первой и Второй мировых войн, вместе взятых».

При этом доклад Комиссии признавал, что причина голода и смертей — не стихийные бедствия, а нечто иное:

«Голод приводит к серьёзным изменениям в балансе экономической власти внутри общества. Бедные становятся беднее, а богатые — богаче...

...Голод часто вынуждает африканских скотоводов продавать свой скот чьим-то скупщикам. Когда бедняки, чтобы выжить, распродают за бесценок своё имущество, кто-то на этом богатеет...»

Такова правда «заднего двора» «глобализованного» мира... Да, посаженный на «иглу» Останкинской башни «россиянин» может в неё не поверить...

Но тогда, скорее всего, придёт час, когда он сам окажется в положении бедствующих африканских скотоводов.

Что же до мира штиглицев «без бедности», то сам Джозеф Штиглиц признаёт, что если в 1990 году в мире на сумму менее чем 2 доллара в день жило 2718 миллионов человек, то в 1998 году их число перевалило за 2800 миллионов человек.

Итак, за восемь лет в «глобализуемом» Западом мире число крайне нищих (материально нищих) людей увеличилось на 80 миллионов — на 10 миллионов за год.

И темпы абсолютного материального обнищания человечества всё увеличиваются, уступая лишь темпам его духовного обнищания.

Итальянский журналист Джульетто Кьеза несколько лет назад написал книгу с названием «Прощай, Россия!».

Я же скажу: «Ау, Россия?.. Где ты?.. Как тебя зовут?..»

Да, как тебя зовут, как твоё имя, Россия?

Поймёшь ли ты, что твоё имя — СТАЛИН!

Что лишь это имя может быть для тебя пропуском не в страшное, а в весёлое и умное будущее...

В 2002 году ранее помянутый мной «глобалист» Джозеф Штиглиц безмятежно признал, что Международный валютный фонд прямо поддерживал приватизацию в России через коррупционные залоговые аукционы, «поскольку коррупция способствовала благой цели — переизбранию Ельцина».

Умри — лучше не скажешь!

Но только ли в коррупции дело? В нынешней ельциноидной «Россиянин» нас всех сейчас делают соучастниками в небывалой ранее в истории мира всенародной растрате национального богатства.

Представим себе банк, управляющие которого не только решили присвоить себе его активы, но для того, чтобы растрата обнаружилась как можно позже, вовлекли в дело растраты весь персонал банка...

Вот это и есть образное выражение нынешней России — общества *поголовных* растратчиков.

Мы всё меньше производим, а число «иномарок» всё растёт...

С каких, пардон, шишей?

А с таких, что сейчас дедушки и бабушки растратывают то, что принадлежит внукам и правнукам, а отцы и матери напропалую прожигают достояние своих детей.

Тем и живём.

Живём ли?

Причём силы Мирового Зла сейчас превращают в такого же растратчика и весь мир, всё человечество...

Что дальше?

Что ж, я отвечу на этот вопрос с учётом того, что написал Арнольд Тойнби в 1971 году: если человечество и дальше будет жить по законам Мирового Зла, а не перейдёт к жизни по законам Мирового Добра, если человечество и далее будет предавать поношению своих подлинных светочей, среди которых ярко пылает имя «СТАЛИН», то его уделом станет...

Что ж, тогда его уделом станет «самоуничтожение или постоянная анархия, которая может закончиться только самоуничтожением»...

Последнее сказал не я, а Тойнби.

А я скажу: «Ау, Россия!»

Чьё ты носишь имя?

*13 августа 2008 года,
г. Кремлёв*

Сергей Кремлёв
ИМЯ РОССИИ: СТАЛИН

Издано в авторской редакции
Художественный редактор *П. Волков*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *И. Кондратюк*
Корректор *В. Авдеева*

ООО «Издательство «Яуза».
. 109507, Москва, Самаркандский б-р, 15.

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5.
Тел.: (495) 745-58-23.

ООО «Издательство «ЭКСМО»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 16.11.2008.
Формат 84х 108^{1/32}. Гарнитура «Гарамонд». Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 16,8. Тираж 4000 экз.
Зак. № 3884.

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru